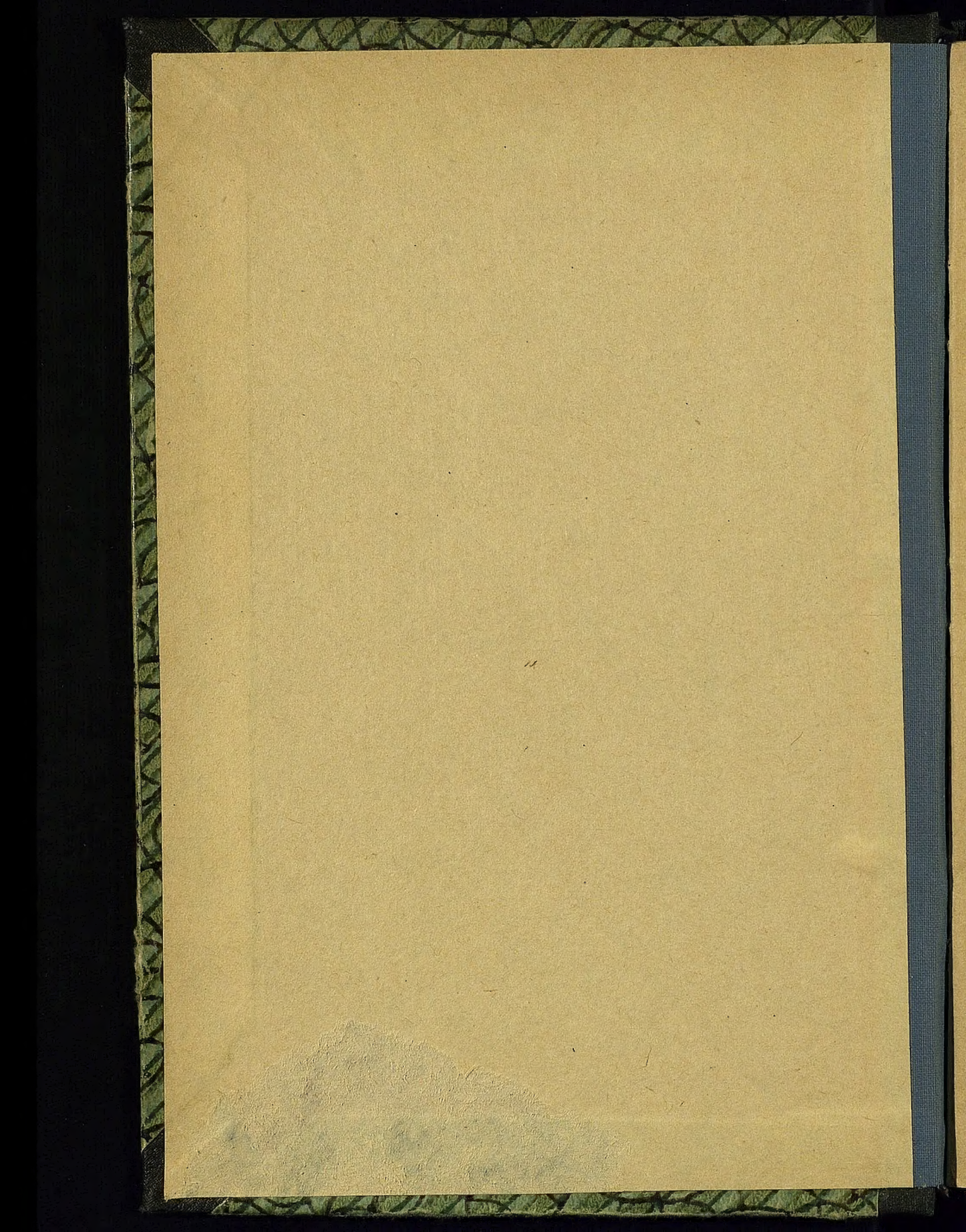
T10
b 35 83



А 5 8/85

ТРУДЫ

Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи.

ВЫПУСКЪ XXXV.

Подъ редакціей Редакціоннаго Комитета.

Оренбургъ. Электро-тип. Тургайской Обл. Управы.
1917 годъ.

А 5 8/85 Т10 — 83

ТРУДЫ

Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи.

ВЫПУСКЪ XXXV.

Подъ редакціей Редакціоннаго Комитета.

Проф. С. Бераца

ОРЕНБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТУРГ. ОБЛ. УПРАВЫ.
1917.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
1142163

I

ИСТОРІЯ.

„Магистръ философіи Ѳома Карловичъ Занъ въ Оренбургѣ“. Свящ. Н. Модестова.—„Основаніе г. Оренбурга и первоначальное благоустройство его, по донесенію ст. сов. Ивана Кирилловича Кириллова въ св. Синодъ“. Его же.—„Къ исторіи крестьянскаго бунта въ Челябинскомъ уѣздѣ въ 1843 году“. А. И. Кривощекова.—„Къ исторіи казачьяго духовенства Оренбургской епархіи“. Его же.—„Послѣдніе дни жизни императора Александра I-го и его кончина въ Таганрогѣ, по письму камердинера Петра Папкова къ московскому коменданту Н. Н. Веревкину.“ Свящ. Н. Модестова.—„Царскій подарокъ новорожденному.“ Его же.—„Какъ онъ сталъ эмигрантомъ“. Его же.

Магистръ философіи

ѲОМА КАРЛОВИЧЪ.

ЗАНЪ.

ВЪ ОРЕНБУРГѢ.

„Занъ Ѳома, польскій революціонеръ, основатель общества лучезарныхъ (сіяющихъ) и филаретовъ“.

(„Историческій Вѣстникъ“).

„Всѣ труды мои, коими наполнялась всякая минута здѣшней жизни, запечатлѣны привязанностію къ краю и къ обязанностямъ службы“.

(Изъ показаній Ѳ. К. Зана).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Составилъ товарищъ предсѣдателя Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи священникъ *НИКОЛАЙ МОДЕСТОВЪ*.

ОТЪ АВТОРА.

Въ архивѣ оренбургской ученой архивной комиссіи сохранилось немало документовъ, въ которыхъ упоминается имя кандидата виленскаго университета[1]) Ѳомы Зана. Такъ какъ это имя не совсѣмъ безызвѣстно въ исторической литературѣ, то мы полагаемъ, что на оренбургской ученой архивной комиссіи лежитъ прямая обязанность познакомить читателей съ тѣми документальными данными о Занѣ, которыя случайно уцѣлѣли въ ея архивѣ. Выполнить эту обязанность мы и взяли на себя, тѣмъ болѣе, что на долю Ѳомы Карловича Зана выпала въ Оренбургѣ, хотя и невидная, но все-таки довольно почтенная, дѣятельность устроителя или смотрителя того самаго оренбургскаго музея, часть котораго вошла въ составъ коллекцій нынѣшняго музея оренбургской ученой архивной комиссіи. Но прежде всего считаемъ нелишнимъ познакомить читателей съ личностью Ѳомы Карловича Зана и съ тѣми обстоятельствами, которыя привели его къ ссылкѣ изъ культурной Вильны въ далекій и полуазіатскій городъ—крѣпость, Оренбургъ. Съ этого именно мы и начнемъ нашъ историческій очеркъ.

Священникъ Николай **МОДЕСТОВЪ.**

1] Подъ такимъ названіемъ почему-то былъ извѣстенъ въ Оренбургѣ Ѳома Занъ.

I.

Предварительныя свѣдѣнія о Ѳомѣ Занѣ и его дѣятельности въ Вильнѣ.

Время рожденія Ѳомы Зана и его происхожденіе.—Образованіе Ѳомы Зана и его секретарство во время инспектированія школъ.—Литературныя занятія Ѳомы Зана и его вліяніе на Адама Мицкевича.—Участіе Ѳомы Зана въ основаніи польскихъ обществъ—„филоматовъ", „лучезарныхъ" и „филаретовъ".—Судъ надъ участниками этихъ обществъ и ссылка Зана въ Оренбургъ.

Хотя въ „Энциклопедическомъ словарѣ" Брокгауза и Ефрона утверждается, что Ѳома Занъ родился въ 1791 году,[1]) но мы крайне сомнѣваемся въ точности и достовѣрности этой даты, такъ какъ въ своемъ показаніи, данномъ въ 1833 году, Занъ говоритъ о себѣ: „имѣю отъ роду 37 лѣтъ".[2]) Столько же лѣтъ значится Ѳомѣ Карловичу Зану и въ его формулярномъ спискѣ, составленномъ 17 ноября того же 1833 года.[3]) Въ виду этихъ документальныхъ данныхъ, въ справедливости которыхъ мы не имѣемъ права сомнѣваться, можно предполагать, что Ѳома Занъ родился не въ 1791 году, а нѣсколько позднѣе, и именно въ 1796 году.

О своемъ происхожденіи Ѳома Занъ говоритъ такъ: „Происхожу изъ дворянъ Минской губерніи, Вилейскаго уѣзда, Молодечанскаго[4]) прихода, гдѣ родители мои владѣли

---

[1]) „Энциклопедическій словарь" Брокгауза и Ефрона, полут. XXIII, стр. 229.

[2]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 г. стр. 109.

[3]) Тамъ же, стр. 230. Пользуясь случаемъ, считаемъ умѣстнымъ отмѣтить здѣсь попутно, что И. С. Шукшинцевъ въ своей статьѣ: „Дѣло о полякахъ въ Оренбургѣ въ 1833 году" совершенно напрасно измѣнилъ отчество Зана „Карловъ" въ „Королевъ". („Русскій Архивъ" 1902 года, № 8, стр. 665). Въ формулярномъ спискѣ Зана довольно ясно написано: „Ѳома Карловъ, сынъ Занъ". (Архивъ О. У. А К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 230).

[4]) Молодечна—мѣстечко нынѣшней Виленской губерніи, Вилейскаго уѣзда („Энцихлопедическій словарь" бр. Гранатъ, т. VI, ст. 3240).

недвижимымъ имѣніемъ, но какъ отецъ мой—со времени удаленія моего съ родины—не дѣлалъ меня участникомъ своего достоянія и не сообщаетъ мнѣ по сему предмету своихъ намѣреній, то я полагаю себя не имѣющимъ за собою никакого состоянія".[1])

Объ образованіи Ѳомы Зана въ его формулярномъ спискѣ сказано слѣдующее: „1805 года сентября 1 дня поступилъ въ Минскую гимназію, изъ коей выпущенъ въ 1812 году. Съ сего времени до 1815 года продолжалъ ученіе въ школѣ молодечанско-виленской. 27 сентября 1815 года опредѣлился студентомъ по факультету физико-математическому въ императорскій виленскій университетъ, гдѣ въ 1816 году (26 іюля) удостоенъ степени кандидата философіи, а въ 1823 году (въ февралѣ мѣсяцѣ) признанъ достойнымъ степени магистра философіи. Въ 1822 и 1823 годахъ, добавляетъ формулярный списокъ Зана, исправлялъ должность секретаря при инспектированіи школъ Виленской, Витебской и Могилевской губерній".[2])

Еще находясь на школьной скамьѣ въ Молодечнѣ, Занъ началъ писать...[3]) Свои литературныя занятія продолжалъ онъ и во время своего пребыванія въ виленскомъ университетѣ, въ которомъ познакомился съ нѣмецкой литературой, и въ подраженіе ей сталъ писать баллады[4]). Онъ передѣлалъ „Ленору" нѣмецкаго поэта Бюргера[5]) и, какъ утверждаютъ нѣкоторые, пробудилъ геній своего товарища и друга, извѣстнаго поэта Адама Мицкевича[6]).

Но не это сдѣлало извѣстнымъ имя Ѳомы Зана, а та дѣятельность, которая привела его къ продолжительной ссылкѣ въ Оренбургъ и которая имѣла своею цѣлью подготовить кадры будущихъ повстанцевъ въ Польшѣ и Литвѣ. Біографъ

---

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 г., стр. 109.
[2]) Тамъ же, стр. 230.
[3]) „Большая энциклопедія", т. IX, стр. 500.
[4]) „Энциклопедическій словарь" Брокгауза и Ефрона, полут. XXIII, стр. 229.
[5]) Тамъ же. „Ленора" Бюргера въ русской обработкѣ поэта Жуковскаго извѣстна подъ именемъ „Свѣтланы". („Энциклопедическій словарь" бр. Гранатъ, т. II, стр. 781).
[6]) „Энциклопедическій словарь" Брокгауза и Ефрона, полут. XXIII, стр. 229.

Зана—Л. Ходзько такъ опредѣляетъ значеніе этой его дѣятельности: „Принятіемъ Литвою участія въ 1830 году (т. е. въ возстаніи этого года) мы обязаны Зану. Онъ первый посѣялъ сѣмена, для возращенія которыхъ нужны были примѣръ и сила воли. Олицетвореніемъ таковыхъ и былъ Занъ“[1]).

Другой польскіи авторъ—Мохнацкій говоритъ о Занѣ: „Изучивши физику и математику, онъ постоянно посѣщалъ лекціи профессоровъ затѣмъ только, чтобы быть въ университетѣ, а быть въ университетѣ хотѣлъ затѣмъ, чтобы чему-нибудь болѣе, нежели физикѣ и математикѣ, научить юношество, котораго, какъ старшій студентъ, зналъ почти цѣлыя два поколѣнія. По мнѣнію Зана, университетъ не былъ святилищемъ однихъ наукъ, а алгебра не составляла послѣдняго предѣла, за которымъ не остается уже никакого дѣла. Неужели изъ этихъ жизненныхъ силъ студентовъ невозможно было вывести ничего для Польши? Занъ крѣпко ухватился за эту мысль, рѣшился привести ее въ исполненіе и исполнилъ такъ счастливо, что пока будетъ существовать Литва, пока не угаснутъ въ этомъ краѣ мужество и любовь къ отечеству, будутъ существовать и плоды стараній Зана“.[2])

Чтобы эти слова Мохнацкаго сдѣлались болѣе понятными для нашихъ читателей, мы должны сказать здѣсь слѣдующее. Занъ и пятеро другихъ студентовъ виленскаго университета, а именно: Адамъ Мицкевичъ, Іосифъ Ежевскій, Францискъ Малевскій (сынъ ректора виленскаго университета), Янъ Чечотъ и Онуфрій Петрашкевичъ основали въ Вильнѣ тайное общество студентовъ, извѣстное подъ именемъ „филоматовъ“, т. е. „друзей науки“. Это произошло 1 октября 1817 года. Цѣль общества „филоматовъ“ была политическая —подготовленіе къ будущему возстанію[3]). „Филоматы“ обязаны были, подъ присягой, въ теченіе всей своей жизни, работать на пользу отечества, науки и добродѣтели, а также вліять совѣтомъ и примѣромъ какъ на своихъ товарищей, такъ и

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“ 1890 года, сентябрь, стр. 285.
[2]) „Русскій Архивъ“ 1873 года, № 2, стр. 210—211.
[3]) „Русскій Вѣстникъ“ 1890 г., сентябрь, стр. 274.

на молодежь въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ. По окончаніи университетскаго курса они обязывались сообщать другъ другу отчеты объ успѣхахъ своей дѣятельности и требовать подробныхъ отчетовъ отъ товарищей, чтобы не давать никому предаваться постыдному бездѣйствію[1]). Президентомъ общества „филоматовъ“ былъ студентъ Ежевскій, а Занъ—главнымъ организаторомъ его. Мицкевичъ же, не игравшій никакой выдающійся роли, обычно сообщалъ ясность и поэтическую возвышенность планамъ и стремленіямъ „филоматовъ“[2]).

Продолжая свою пропаганду между сотоварищами, „филоматы“ въ 1820 году рѣшили учредить новое общество, которое было названо обществомъ „лучезарныхъ“ (promienistych)[3]). Это названіе было взято изъ теоріи, изобрѣтенной Заномъ и извѣстной подъ названіемъ „Теоріи лучей“[4]). „Семь классовъ общества представляли семь лучей, составляющихъ солнечный свѣтъ“[5]). Новое общество не было тайнымъ и представило свой уставъ на утвержденіе университетскаго начальства[6]). Видимая цѣль этого общества состояла въ томъ, чтобы утвердить между членами его правила нравственности, возбудить въ нихъ любовь къ наукамъ, оживить ихъ прилежаніе и умственную дѣятельность и оказывать бѣднымъ и неимѣющимъ особенныхъ способностей ученикамъ какъ матеріальную, такъ и умственную помощь. „Занъ, говоритъ Мохнацкій, разумомъ бѣдныхъ поддерживалъ богатыхъ, а имуществомъ богатыхъ поддерживалъ бѣдныхъ“[7]). Но рядомъ съ этимъ уставомъ, утвержденнымъ 20 мая 1820 года, существовалъ еще и другой--секретный[8]), который былъ извѣстенъ только Зану и его ближайшимъ товарищамъ[9]).

---

[1]) Тамъ же.
[2]) „Историческій Вѣстникъ“ 1884 г., декабрь, стр. 762—763.
[3]) „Русскій Вѣстникъ“ 1890 г., сентябрь, стр. 275.
[4]) „Историческій Вѣстникъ“ 1884 г., декабрь, стр. 765—766.
[5]) „Русскій Архивъ“ 1873 года, № 2, стр. 211.
[6]) „Русскій Вѣстникъ“ 1890 года, сентябрь, стр. 275.
[7]) „Русскій Архивъ“ 1873 года, № 2, стр. 212.
[8]) „Русскій Вѣстникъ“ 1890 года, сентябрь, стр. 276.
[9]) „Русскій Архивъ“ 1873 года № 2, стр. 212.

Очень скоро послѣ этого, а именно осенью того же 1820 года „филоматы“ сдѣлали новый шагъ впередъ и рѣшили образовать третье общество—общество „филаретовъ“.[1]) Новое общество было названо «филаретами», т. е. любителями добродѣтели, по предложенію президента „филоматовъ“—Ежевскаго, чтобы названіе общества не звучало ни клубомъ, ни заговоромъ, ни приготовленіемъ къ революціоннымъ движеніямъ.[2]) Это общество было тайнымъ и вскорѣ увеличилось до 200 человѣкъ.[3])

Какъ и слѣдовало ожидать, такая дѣятельность Зана и его товарищей не могла оставаться незамѣченной очень долгое время и, когда она сдѣлалась извѣстной начальству, было начато слѣдствіе. Тогда Занъ созвалъ чрезвычайное собраніе, распустилъ „филаретовъ“ и „филоматовъ“ и сжегъ всѣ бумаги, которыя могли компрометировать участниковъ этихъ обществъ.[4])

Но эта предосторожность Зана не спасла ни его самаго, ни его товарищей... 3 мая 1823 года ученикъ пятаго класса виленской гимназіи—Михаилъ Плятеръ написалъ въ классѣ мѣломъ на доскѣ: „Да здравствуетъ конституція 3 мая!“ Такъ пишетъ объ этомъ событіи Мохнацкій, а по другому свидѣтельству Плятеръ написалъ на доскѣ слѣдующее: „Сегодня день конституціи 3 мая. Поляки! Возстаньте для защиты великаго вашего дѣла“. Это сдѣлалось извѣстнымъ намѣстнику царства польскаго, великому князю Константину Павловичу, и для изслѣдованія этого дѣла онъ послалъ въ Вильну Новосильцева.[5])

По прибытіи въ Вильну, Новосильцевъ очень скоро обнаружилъ существованіе тайнаго общества „филаретовъ“ и занялся разслѣдованіемъ его. Въ квартирѣ университетскаго студента Янковскаго былъ найденъ списокъ членовъ какого-то литературнаго и нравственнаго общества. Подозрѣніе пало на многихъ. Они были арестованы, а въ числѣ ихъ Янков-

[1]) „Русскій Вѣстникъ“ 1890 года, сентябрь, стр. 276.
[2]) „Историческій Вѣстникъ“ 1884 года, декабрь, стр. 767.
[3]) „Русскій Вѣстникъ“ 1890 года, сентябрь, стр. 277.
[4]) „Русскій Архивъ“ 1873 года, № 2, стр. 215.
[5]) „Русскій Архивъ“ 1873 года, № 2, стр. 216.

скій и Занъ. Послѣдній сначала ни въ чемъ не сознавался и увѣрялъ, что ничего не знаетъ. Но Янковскій открылъ все, что ему было извѣстно о „филаретахъ". Тогда были арестованы: Чечотъ, Ежевскій и Мицкевичъ, а потомъ, вслѣдствіе показанія Янковскаго, взяты подъ стражу всѣ „филареты" и „филоматы" и заключены въ Базиліанскомъ монастырѣ[1]). Только Занъ, какъ главный организаторъ „филоматовъ" и „филаретовъ", открыто принявшій на себя всю вину, чтобы спасти товарищей, содержался отдѣльно отъ другихъ, подъ бокомъ слѣдственной комиссіи, въ губернаторскомъ дворцѣ.[2])

По приговору слѣдственной комиссіи, утвержденному самимъ государемъ 14 августа 1824 года,[3]) одиннадцать „филоматовъ" и девять „филаретовъ"[4]) за распространеніе пагубныхъ ученій были удалены изъ польскихъ губерній и предоставлены въ распоряженіе министра народнаго просвѣщенія для опредѣленія въ училища отдаленныхъ губерній до тѣхъ поръ, пока не получатъ разрѣшенія вернуться на родину. Но Занъ, Чечотъ и Сузинъ кромѣ того должны были подвергнуться аресту и выдержать содержаніе въ крѣпости; первый въ теченіе года, а двое послѣднихъ по шести мѣсяцевъ.[5])

Вскорѣ послѣ этого приговора, а именно въ ноябрѣ того же 1824 года,[6]) Занъ былъ „присланъ на службу въ городъ Оренбургъ[7]), гдѣ выдержалъ цѣлый годъ ареста", и затѣмъ „оставленъ въ Оренбургской губерніи на жительство"[8]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 217.
[2]) „Историческій Вѣстникъ" 1884 года, декабрь, стр. 281—283.
[3]) „Русскій Вѣстникъ" 1890 года, сентябрь, стр. 285.
[4]) „Русскій Архивъ" 1873 года, № 2, стр. 218.
[5]) „Историческій Вѣстникъ" 1884 года, декабрь, стр. 785.
[6]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 231. Въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1884 года (декабрь, стр. 785) говорится, что Занъ, Чечотъ и Сузинъ были увезены въ Оренбургъ еще въ іюлѣ 1824 года, но мы затрудняемся согласиться съ этими словами, такъ какъ въ формулярномъ спискѣ Зана мы читаемъ слѣдующее: „За основаніе общества академическаго, существовашаго въ университетѣ виленскомъ, былъ отосланъ въ Оренбургъ 1824 года, ноября". (Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 231).
[7]) Тамъ же, стр. 109.
[8]) Тамъ же, стр. 231.

Вотъ чѣмъ окончилось участіе Зана въ основаніи обществъ: „филоматовъ“, „лучезарныхъ“ и филаретовъ“ .. Сбылись такимъ образомъ вѣщія слова Адама Мицкевича, помѣщенныя имъ въ „Пѣснѣ филаретовъ“:

„Мы не придемъ къ свободѣ
Путемъ красивыхъ фразъ;
Всѣ рѣчи въ этомъ родѣ
Молчите! сгубятъ насъ.“[1])

II.

Занятія Ѳомы Зана въ Оренбургѣ и его дѣятельность, какъ устроителя или смотрителя оренбургскаго музея при неплюевскомъ военномъ училищѣ.

Частные уроки Зана въ Оренбургѣ и его благотворное вліяніе на Мих. Вас. Авдѣева.—Геогностическія изысканія Зана въ Оренбургской губерніи.—Научныя занятія Зана во время его пребыванія на сергіевскихъ сѣрныхъ водахъ.—Зачисленіе Зана въ чиновники оренбургской пограничной комиссіи.—Опредѣленіе Зана устроителемъ и смотрителемъ оренбургскаго музея при неплюевскомъ военномъ училищѣ.—Откомандированіе Зана въ распоряженіе управляющаго оренбургскимъ казачьимъ войскомъ, генералъ-майора фонъ-Энгельгардта. —Участіе Зана въ выборѣ мѣста для новой казачьей станицы—Благословенной.—Фактическое вступленіе Зана въ отправленіе обязанностей устроителя оренбургскаго музея и его заботы о благосостояніи этого музея.—Производство Зана въ XIV классъ.—Представленіе Зана о ремонтѣ трехъ комнатъ, предназначенныхъ для помѣщенія музея.—Внезапная смерть оренбургскаго военнаго губернатора графа Сухтелена и предписаніе Перовскаго о прекращеніи расходовъ по музеуму.—Состояніе оренбургскаго музея при Занѣ.

По выдержаніи годового ареста въ оренбургской крѣпости и освобожденіи отъ него, Занъ, какъ мы уже говорили,

---

[1]) „Сочиненія А. Мицкевича“. изд. Вольфа, т. I. стр. 206.

былъ оставленъ на жительство въ Оренбургской губерніи.[1]) Теперь мы можемъ добавить къ этому, что для жительства Зана оренбургскими властями былъ избранъ не какой-либо захолустный городъ или крѣпость, уцѣлѣвшая отъ разгрома Пугачева, а сама столица степей, полугородъ-полукрѣпость Оренбургъ. Цѣною какихъ униженій и заискиваній предъ оренбургскими властями досталась Зану эта привилегія,—мы не беремся сказать, но во всякомъ случаѣ онъ не даромъ хлопоталъ объ этомъ. Въ Оренбургѣ онъ началъ давать частные уроки, [2]) которые. хотя оплачивались тогда очень дешево (10—12 копѣекъ въ мѣсяцъ съ человѣка), [3]) но тѣмъ не менѣе все—таки могли служить нѣкоторымъ подспорьемъ къ т. н. „кормовымъ деньгамъ", отпускавшимся на содержаніе привилегированныхъ ссыльныхъ поляковъ въ размѣрѣ одного рубля въ сутки. [4]) Эти уроки были полезны Зану еще тѣмъ, что развлекали его и поддерживали въ немъ необходимую бодрость духа и нравственныя силы. Пріобрѣтя еще въ Вильнѣ славу опытнаго учителя математики и физики, [5]) Занъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, оказалъ благотворное вліяніе на извѣстнаго въ свое время романиста и сотрудника либеральнаго „Современника"—Михаила Васильевича Авдѣева, [6]) который, какъ извѣстно, былъ сыномъ уральскаго казака и жилъ тогда въ Оренбургѣ. [7])

Однако нужно сказать, что Занъ далеко не все время употреблялъ на занятіе уроками. Давая уроки, онъ въ то же время не пропускалъ ни одного удобнаго случая, чтобы заняться геогностическими [8]) и ботаническими изысканіями

---

[1]) Въ виду этого мы должны признать совершенно ошибочнымъ утвержденіе „Русскаго Архива„ что Занъ былъ сосланъ въ Астрахань. („Р. Архивъ" 1898 года, № 7 стр. 480).

[2]) „Большая энциклопедія", т. IX. стр. 500.

[3]) "Историч. Вѣстникъ" 1883 года, сентябрь, стр. 578.

[4]) Въ такомъ именно размѣрѣ получалъ „кормовыя деньги ссыльный ксендзъ Кандидъ Зеленко. (См. объ этомъ въ нашей статьѣ: "Бывшій префектъ гродненской гимназіи, Іеромонахъ доминиканскаго ордена, ксендзъ Кандидъ Зеленко" изд. 1913 года. стр. 13.

[5]) „Историческій Вѣстникъ" 1885 года, іюль, стр. 149.

[6]) „Энциклопедическій словарь„ Брокгауза и Ефрона, полут. XXIII, стр. 229.

[7]) „Энциклопедическій словарь„ бр. Гранатъ, т. I, стр. 25 и „Критико-біографическій словарь„ С. А. Венгерова, изд. 1889 года т. I стр. 47.

[8]) Геогнозія—то же. что историческая геологія. („Энциклопедическій словарь" бр. Гранатъ, т. III, стр. 1164).

въ Оренбургской губерніи. Эти научныя изысканія Зана настолько соотвѣтствовали его „расположенію природному и науками пріобрѣтенному“, что онъ не покидалъ ихъ даже во время предпринятой имъ. повидимому, съ лечебной цѣлью поѣздки на сергіевскія сѣрныя воды. [1]) “Съ какою пользою употреблялъ я, пишетъ самъ Занъ, время назначенное мнѣ для пребыванія на сергіевскихъ водахъ, доказываютъ составленныя тамъ мною геогностическія и батаническія записки и коллекціи, а засвидѣтельствовать это можетъ генералъ Бекбулатовъ и полицеймейстеръ тамошній“. [2])

Любовь Зана къ научнымъ занятіямъ геогнозіей и ботаникой не осталась незамѣченной со стороны такого просвѣщеннаго человѣка, какимъ былъ оренбургскій военный губернаторъ. графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ. Въ 1830 году онъ зачислилъ Зана на службу въ оренбургскую пограничную комиссію, [3]) а 25 января слѣдующаго 1831 года опредѣлилъ „устроителемъ музеума при неплюевскомъ военномъ училищѣ“ [4]) „съ жалованьемъ по шести сотъ рублей въ годъ изъ суммы, на сіе училище отпускаемой“. [5])

Но Занъ почему-то не сразу вступилъ въ отправленіе обязанностей устроителя музеума. Объ этомъ можно догадываться изъ того, что 2 сентября 1831 года графъ Сухтеленъ предписалъ оренбургской пограничной комиссіи „откомандировать состоящаго въ оной на службѣ“ г. Томаса Зана въ распоряженіе управляющаго оренбургскимъ казачьимъ вой-

---

[1]) Воды эти находятся въ 8 верстахъ отъ г. Сергіевска, нынѣшней Самарской губерніи, Бугульминскаго уѣзда. Тамъ имѣются 11 сѣрныхъ источниковъ и „сѣрное озеро“, въ которомъ устроены “купанья“. („Энциклоп словарь“ бр. Гранатъ, т. VIII стр. 4491). Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія на сергіевскія сѣрныя воды съѣзжалось очень много „посѣтителей“. (“Русскій Архивъ“ 1902 года, № 8. стр. 649). О сергіевскихъ минеральныхъ водахъ можно читать въ Историческомъ Вѣстникѣ“ 1911 г., (іюль, стр. 266).

[2]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 111.

[3]) Архивъ О. У. А. К.. отд. секретп., дѣло отъ 23 ноября 1833 года, стр. 109. Оренбургская пограничная комиссія завѣдывала дѣлами зауральныхъ киргизъ внутренней Букеевской орды. Въ 1868 году, при образованіи нынѣшней Тургайской области, оренбургская пограничная комиссія была переименована въ тургайское областное правленіе, въ которое перешелъ весь архивъ прежней оренбургской пограничной комиссіи. („Историческій Вѣстникъ“ 1897 года, май, стр. 409].

[4]) Архивъ О. У. А. К.. отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 109.

[5]) Тамъ же, отд. погран. дѣло отъ 12 ноября 1830 года, стр. 323.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

скамъ, генералъ-майора фонъ-Энгельгардта „для употребленія при осмотрѣ войска“. [1]) Это предписаніе графа Сухтелена было вызвано слѣдующей докладной запиской генералъ-майора фонъ-Энгельгардта:

„Предлагая при нынѣщнемъ осмотрѣ моемъ Оренбургскаго казачьяго войска войти въ разсмотрѣніе достоинства принадлежащихъ казакамъ земель, я нахожу необходимымъ для содѣйствія въ настоящемъ случаѣ имѣть съ собою извѣстнаго мнѣ служащаго въ здѣшней пограничной комиссіи, чиновника Томаса Зана. А посему покорнѣйше прошу ваше сіятельство его со мною командировать и, если угодно будетъ изъявить на сіе согласіе, снабдить его о семъ вашимъ предписаніемъ“[2]).

Такъ какъ генералъ-майоръ фонъ-Энгельгардтъ во время своей поѣздки предполагалъ „войти въ разсмотрѣніе достоинства принадлежащихъ казакамъ земель“, что было вызвано желаніемъ графа Сухтелена переселить часть форштадтскихъ казаковъ на мѣсто 1-го Бердянскаго форпоста, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Занъ уже извѣстный въ то время своими геогностическими изысканіями въ Оренбургской губерніи, былъ взятъ генералъ-маіоромъ фонъ-Энгельгардтомъ преимущественно для участія въ выборѣ удобнаго мѣста для новой казачьей станицы, названной, по приказанію графа Сухтелена, Благословенной[3]).

Занъ скоро вернулся изъ этой командировки и 30 ноября того же 1831 года уже фактически вступилъ въ отправ-

---

1) Архивъ О. У. А. К., отд. казач., дѣло отъ 20 августа 1831 года, стр. 2.

2) Тамъ же, стр. 1.

3) Основаніе станицы Благословенной состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 21 іюля 1831 года графъ Сухтеленъ лично приказалъ г.-м. фонъ Энгельгардту предложить жителямъ казачьяго при Оренбургѣ форштадта (предмѣстья) переселиться за рѣку Уралъ, на то мѣсто, гдѣ существовалъ 1-й Бердянскій форпостъ“. При этомъ графъ Сухтеленъ распорядился еще: „1. Мѣсто къ поселенію назначить и слѣдующее количество земли по владѣнію какъ переселяющихся, такъ и на случай умноженія ихъ опредѣлить въ настоящее время, ибо они *нынѣшнимъ же лѣтомъ* намѣрены начать на первый случай приготовленіе необходимыхъ къ прочному водворенію построекъ *и разработку земли подъ посѣвъ хлѣба будущею весною*, оставаясь слѣдующую зиму жительствомъ въ Оренбургѣ. 2. Сію нововозведенную станицу наименовать Благословенною“. („Оренбургскій Листокъ“ 1901 года, № 45).

леніе своихъ обязанностей, какъ устроитель оренбургскаго музея. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее предписаніе графа Сухтелена, знакомящее насъ отчасти съ обязанностями устроителя или смотрителя оренбургскаго музея:

„Заводосодержатель Пермской губерніи Зотовъ, писалъ Зану графъ Сухтеленъ 30 ноября 1831 года, увѣдомляетъ меня, что онъ жертвуетъ для музеума, при неплюевскомъ военномъ училищѣ учрежденнаго: минералы, металлы и соли, коимъ доставилъ описаніе, объясняя при томъ, что раковинъ вмѣсто 85 положено 75, потому что 10 при доставленіи къ нему нѣсколько повреждены и не могли бы выдержать предлежащаго пути безъ разрушенія и что нѣкоторые штуфы[1]) потребуютъ самой нѣжной раскупорки, ибо имѣютъ тончайшіе волоски и они на сей предметъ находятся въ особенномъ ящичкѣ, а сей помѣщенъ между прочими кусками.

Предлагаю вамъ разобрать и отмѣтить по каталогу сіи вещи, реестръ коимъ будетъ вамъ доставленъ немедленно“[2]).

Вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей и начавъ принимать разныя пожертвованія, поступавшія въ оренбургскій музей, Занъ сталъ заботиться не только объ удобномъ и возможно-научномъ размѣщеніи коллекцій музея, но и о тщательномъ сбереженіи ихъ. Съ этою цѣлью онъ 23 мая 1832 года представилъ графу Сухтелену списокъ „вещей, нужныхъ для музеума при неплюевскомъ военномъ училищѣ“[3]). Въ этотъ списокъ вошли вещи, необходимыя: а) для помѣщенія предметовъ (напр., ящики, коробочки, пузырьки, пьедесталы и т. п.), б) для испытанія и опредѣленія предметовъ (напр., вѣски, пильники, реагенты и т. п.), в) для сбереженія предметовъ (напр., клеенка, камфора, табакъ и и т. п.), г) для чистоты предметовъ (напр., щеточки, метел-

---

1) Штуфъ-большой кусокъ руды. („Энциклопедическій словарь“ бр. Гранатъ, т. IX, стр. 5226).

2) Архивъ О. У. А. К., отд. погран., дѣло отъ 12 ноября 1830 года, стр. 212. Занъ былъ вторымъ смотрителемъ оренбургскаго музея. Передъ нимъ эту должность занималъ временно чиновникъ азіатскаго департамента иностранныхъ дѣлъ Францискъ-Николай Шангіонъ-Гартингъ.

3) Тамъ же, стр. 266.

ки, кисть изъ перьевъ и т. п.) и д) для разнаго употребленія (напр., замочки, крючки, проволока, клей, бумага и т. п.).

Такая заботливость Зана о благосостояніи оренбургскаго музея и его научныя работы, о которыхъ мы говорили ранѣе, не пропали даромъ: 15 декабря 1832 года „государь императоръ, вслѣдствіе представленія оренбургскаго военнаго губернатора (графа Сухтелена), всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ Ѳому Зана, находящагося на службѣ при оренбургскомъ музеумѣ, въ XIV классъ[1]). О томъ, — какое впечатлѣніе произвела эта монаршая милость на ссыльнаго и опальнаго Зана, можно судить по слѣдующимъ его словамъ: „награду сію принялъ я, какъ даръ прощенія и возвращенія мнѣ монаршей милости, ставящей меня наравнѣ со всѣми вѣрноподданными, открывающей мнѣ дорогу къ одинаковымъ съ оными заслугамъ и предающей милостивому забвенію дѣло объ академическомъ обществѣ „филаретовъ", существовавшемъ тайно при виленскомъ университетѣ"[2]).

Въ виду такихъ словъ Зана намъ становится вполнѣ понятнымъ то, что со времени производства въ XIV классъ онъ сталъ еще болѣе ревностно заботиться о ввѣренномъ его надзору и попеченію оренбургскомъ музеѣ. За это говоритъ то, что, по его представленію, графъ Сухтеленъ 17 марта 1833 года предписалъ казначею своей канцеляріи—Андрюкову выдать 362 рубля и 15 копѣекъ на исправленіе трехъ комнатъ, предназначенныхъ для помѣщенія музеума[3]).

Но Зану не удалось довести задуманный имъ ремонтъ помѣщенія музея до желаннаго конца, потому что графъ Сухтеленъ, основавшій оренбургскій музей и покровительствовавшій ему, 17 марта 1835 года внезапно скончался[4]), а преемникъ его В. А. Перовскій неожиданно предписалъ „прекратить расходы по музеуму"[5]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой неблагопріятный оборотъ дѣла очень огорчилъ дѣя-

---

1) Архивъ О. У. А. К., отд. гражд., дѣло отъ 17 декабря 1832 года, стр. 3.
2) Тамъ же, отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 109.
3) Тамъ же, отд. погран., дѣло отъ 12 ноября 1830 года, стр. 314.
4) „Труды" О. У. А. К., вып. IX, стр. 88.
5) Архивъ О. У. А. К., отд. погран., дѣло отъ 12 ноября 1830 года, стр. 352.

тельнаго Зана и въ значительной мѣрѣ охладилъ его любовь къ оренбургскому музею, который доведенъ былъ имъ до высшей степени возможнаго въ то время благосостоянія. Такъ уже въ 1833 году «въ семъ музеумѣ хранилось слѣдующее число предметовъ:

Геогнозіи 972, ботаники 1575, зоологіи 443, статистики 42, нумизматики 646, археологіи 30; книгъ: восточныхъ 5, разныхъ 35; рукописей: русскихъ 4, восточныхъ 3; произведеній живописи и гравировки 9 и портретовъ 9.

Сверхъ того въ музеумѣ имѣлись записки о метереологическихъ наблюденіяхъ въ Оренбургѣ"[1])

Въ дополненіе къ этимъ довольно сухимъ даннымъ оффиціальнаго изданія считаемъ не лишнимъ привести здѣсь интересное описаніе оренбургскаго музея, сдѣланное г-жей Ворониной. Вотъ что писала она о своемъ посѣщеніи оренбургскаго музея въ письмѣ отъ 30 сентября 1833 года.

„Нынѣшнимъ утромъ мы были въ музеумѣ. Занъ ожидалъ насъ тамъ и показывалъ все достойное примѣчанія, но надо быть нѣсколько разъ, чтобы разсмотрѣть все подробно, а въ одинъ разъ можно замѣтить только тѣ вещи, которыя больше бросаются въ глаза, да и то осмотрѣть ихъ поверхностно. При входѣ вниманіе обращается на огромную кость, часть головы какого-то допотопнаго звѣря; она лежитъ на столѣ прямо противъ двери. По сторонамъ стоятъ куклы въ ростъ человѣческій въ разныхъ, очень богатыхъ азіатскихъ костюмахъ, по четыре съ каждой стороны. Въ въ одномъ ряду мордовка, калмычка, киргизка и уралка, въ платьяхъ замужнихъ женщинъ; въ другомъ —двѣ дѣвушки, уралка и киргизка; калмыкъ въ казацкомъ мундирѣ и сибирскій шаманъ. Около развѣшаны кольчуги, сѣдла, чепраки и разныя одежды, въ томъ числѣ рубашка, сшитая изъ рыбьихъ пузырей, претонкая и прозрачная: надѣвается она совсѣмъ съ головой. Такія рубашки носятъ женщины самоѣдки; она защищаетъ тѣло отъ укушенія разнаго рода насѣкомыхъ

---

1) „Адресъ-Календарь Оренбургской губерніи на 1833 годъ", стр. 356.

Тутъ находится портретъ альбиноса, съ розовыми глазами и волосами бѣлыми, какъ самый бѣлый сырецъ. Онъ проѣзжалъ здѣсь въ 1831 году, 29 лѣтъ отъ роду, тогда и подарилъ онъ въ музеумъ портретъ своей, внизу котораго положено подъ стекло немного чудныхъ его волосъ. Онъ изображенъ въ европейскомъ платьѣ; черный фракъ, бѣлый жилетъ, черный платокъ на шеѣ; но волосы предлинные, распущенные по плечамъ и большіе бакенбарды, совершенно сходящіеся на подбородкѣ. Имя его Варлей (Warley); онъ родился въ Лондонѣ отъ матери англичанки, все это подписано подъ портретомъ. Въ стеклянныхъ шкапахъ и ящикахъ разложены каменья, раковины и проч. На полкахъ помѣщены чучелы небольшихъ звѣрьковъ и птицъ. Аделаида Петровна (Шелашникова) сдѣлала замѣчаніе, что чучело филина имѣетъ удивительное сходство съ Заномъ, и въ самомъ дѣлѣ. Замѣчателенъ уродъ-теленокъ, величиной съ кошку, но толстъ ужасно, шерсть премохнатая, на коротенькихъ ножкахъ съ рыломъ, болѣе всего похожимъ на собачью. На стѣнахъ портреты знаменитыхъ особъ оренбургскихъ: военнаго губернатора Неплюева, основателя училища,[1]) въ которомъ и находится музеумъ и которое названо въ честь его неплюевскимъ, и много другихъ"[2]).

Вотъ каковъ былъ Оренбургскій музей во время завѣдыванія имъ Зана. Когда и при какихъ обстоятельствахъ Занъ покинулъ свою службу при Оренбургскомъ музеѣ,—объ этомъ мы скажемъ нѣсколько позднѣе, а теперь посмотримъ на то, —какъ сложилась его собственная жизнь въ Оренбургѣ.

III.

Домашній бытъ Зана; его развлеченія и знакомства въ Оренбургѣ.

Оренбургъ, какъ мѣсто ссылки для поляковъ и образованіе здѣсь польской колоніи.—Разборчивость Зана на знакомства и причины ея.

---

[1]) Здѣсь г-жа Воронина допустила явную ошибку. Ив. Ив. Неплюевъ, управлявшій Оренбургскимъ краемъ съ 1742 года по 1757 года („Труды" О. У. А. К., вып. XVIII, стр. 17) не былъ основателемъ неплюевскаго училища. Оно было открыто только лишь 2 января 1825 года. (П. Н. Столпянскій: „Изъ прошлаго Оренбургскаго края", изд. 1906 года, стр. 123).

[2]) „Русскій Архивъ" 1902 года, № 8, стр. 651.

—Знакомые Зана изъ польскихъ ссыльныхъ.—Положеніе Зана въ высшемъ Оренбургскомъ обществѣ.—Пріѣздъ въ Оренбургъ семейства Шелашниковыхъ и знакомство Зана съ этимъ семействомъ.—Приглашеніе Заномъ своего отца въ Оренбургъ.

Еще со временъ императрицы Екатерины II Оренбургъ сдѣлался мѣстомъ ссылки для всѣхъ поляковъ,[1]) недовольныхъ русскимъ правительствомъ, и впослѣдствіи здѣсь образовалась даже довольно многочисленная польская колонія, въ составъ которой входили лица не только старинныхъ, дворянскихъ фамилій, но и мелкой польской шляхты. Кого изъ поляковъ засталъ Занъ въ Оренбургѣ тотчасъ же послѣ своего прибытія сюда,—мы не беремся сказать, но за то съ полною достовѣрностью можемъ утверждать, что Занъ былъ очень скупъ и разборчивъ на знакомства. Это объясняется отчасти его прирожденной дворянской кичливостью, а отчасти тѣмъ, что все свободное время Занъ посвящалъ или какимъ-либо научнымъ или же литературнымъ занятіямъ. Вотъ что писалъ объ этомъ онъ самъ: „Дома всегда занятъ какими-нибудь работами службы или трудами литературными: отдохновенія и развлеченія искалъ я то въ визитахъ по дѣлу или долгу почтенія, то въ общественныхъ забавахъ. Такому порядку времени слѣдовалъ я зимою и осенью, а на весну и лѣто отправлялся я на горы. По симъ причинамъ польскіе плѣнные не искали и не могли находить во мнѣ знакомства и сотоварищества; они и по своему назначенію, и по воспитанію и по роду жизни не могли имѣть со мною ничего общаго, что бы дало поводъ къ какимъ либо отношеніямъ“[2]).

Хотя Занъ и не упоминаетъ здѣсь о томъ, что онъ посвящалъ иногда часть свободнаго времени музыкальнымъ упражненіямъ, однако это, несомнѣнно было такъ, потому что въ Оренбургѣ „какой-то Мейеръ, находившійся подъ аре-

---

[1]) П. Н. Столпянскій: „Изъ прошлаго Оренбургскаго края“, изданіе 1906 года, стр. 276.

[2]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 110.

стомъ, чинилъ у него фортепіано и дѣлалъ для него эолову арфу"[1]).

Но какъ ни замкнутъ былъ, повидимому, Занъ самъ въ себѣ, какъ ни ограждался своими занятіями отъ знакомствъ, онъ все-таки не могъ совсѣмъ порвать своихъ связей съ соотечественниками. Объ этомъ могутъ свидѣтельствовать слѣдующія слова Зана: „Всегдашнее со мною имѣетъ квартированіе, съ дозволенія начальства, унтеръ-офицеръ Ковальскій[2]), имѣющій смотрѣніе за всякимъ порядкомъ моего хозяйства. На время упросилъ я Сузина[3]) оставаться со мною на одной квартирѣ, пока его слабое здоровье не перестанетъ нуждаться въ дружеской заботливости. Къ общему нашему столу приходятъ Виткевичъ[4])

---

[1]) Тамъ же. Эолова арфа представляетъ изъ себя узкій и длинный ящичекъ, на которомъ натянуто нѣсколько настроенныхъ въ унисонъ кишечныхъ струнъ, приводимыхъ въ колебаніе вѣтромъ и издающихъ весьма мелодичные аккорды, измѣняющіеся, сообразно силѣ вѣтра, отъ самаго нѣжнаго pianissimo до громкаго forte. (Энциклопедическій словарь бр. Гранатъ, т. IX, стр. 5283).

[2]) Карлъ Яковлевъ Ковальскій, 21 года,—польскій шляхтичъ Волынской губерніи, Луцкаго уѣзда, былъ взятъ въ плѣнъ во время польскаго возстанія 1831 года при мѣстечкѣ Боремель, а 25 мая 1832 года былъ причисленъ рядовымъ къ 3-му линейному оренбургскому баталіону; 1 января 1833 года былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. (Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 94 и 220).

[3]) Адамъ Демьяновичъ Сузинъ, 23 лѣтъ, изъ дворянъ Гродненской губерніи, Кобринскаго уѣзда; кандидатъ философіи виленскаго университета; сосланъ въ Оренбургъ въ 1824 году за участіе въ обществѣ „филаретовъ" для выдержанія въ крѣпости въ продолженіе 6-ти мѣсяцевъ: по окончаніи ареста былъ отправленъ въ Орскую крѣпость, но потомъ получилъ дозволеніе вступить въ гражданскую службу и 1 апрѣля 1829 года былъ зачисленъ „сверхъ комплекта" въ Оренбургскую пограничную комиссію, гдѣ первоначально занималъ должность казначея и архиваріуса. 29 ноября 1832 года Сузинъ былъ „опредѣленъ къ исправленію должности бухгалтера" пограничной комиссіи. (Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года стр. 97, 208—211).

[4]) Иванъ Викторовичъ Виткевичъ, 25 лѣтъ, изъ дворянъ Виленской губерніи, Шавельскаго уѣзда; обучался въ крожеской гимназіи, принадлежавшей къ округу виленскаго университета. За принадлежность къ тайному обществу „Черныхъ братьевъ", составившемуся изъ учениковъ крожеской гимназіи и за участіе въ раздачѣ „возмутительныхъ писемъ и стиховъ" Виткевичъ былъ причисленъ 25 мая 1824 года рядовымъ въ 5-й линейный Оренбургскій баталіонъ, называвшійся тогда орскимъ баталіономъ. 13 ноября 1830 года Виткевичъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и прикомандированъ къ оренбургской пограничной комиссіи, въ которой состоялъ толмачемъ или переводчикомъ, исполняя нерѣдко опасныя порученія въ киргизской степи. 23 апрѣля 1832 года Виткевичъ былъ произведенъ въ портупей-прапорщики (Архивъ О У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 101-104 и 251-252), а Перовскій назначилъ его старшимъ своимъ адъютантомъ Во время этой быстрой служебной карьеры Виткевичъ сдѣлалъ путешествіе верхомъ въ Хиву и Бухарію и составилъ карту пути туда изъ Оренбурга. Карта эта была представлена императору Николаю Павловичу, который вызвалъ Виткевича въ Петербургъ и принялъ отъ него личныя объясненія. Отсюда его отправили въ Тегеранъ въ распоряженіе нашего посольства. Пробывши въ Тегеранѣ 3 года, Виткевичъ возвратился въ Петербургъ и здѣсь неожиданно застрѣлился. („Историч. Вѣстникъ" 1883 года, сентябрь стр. 584—585). Завѣсу съ его загадочной смерти пытается приподнять г. Полферовъ въ своемъ разсказѣ „Пред тель" („Историч. Вѣстникъ" 1905 года, май, стр. 496—503).

и Ивашкевичъ[1]). Изрѣдка посѣщаютъ мою квартиру: Хенцинскій[2]), Кригштейнъ[3]) и Ярошинскій"[4]). Къ этому небольшому кружку знакомыхъ Зана нужно отнести и еще одно лицо, котораго въ данное время не было въ Оренбургѣ и которое было очень многимъ обязано Зану. Это былъ нѣкто Алоизій Песлякъ, происходившій изъ древней, благородной литовской фамиліи и сосланный въ Оренбургъ въ одно время съ Виткевичемъ. Занъ продавалъ головныя щетки, сдѣланныя Песлякомъ, и переслалъ его коллекціи растеній вмѣстѣ съ замѣтками въ виленскій университетъ, выдавшій за нихъ небольшое денежное вспомоществованіе Песляку[5]).

Не смотря на то, что Занъ былъ лицомъ поднадзорнымъ, онъ все-таки. какъ самъ говоритъ въ своемъ показаніи отъ 1 ноября 1833 года, пользовался „благорасположеніемъ всего высшаго общества въ Оренбургѣ"[6]). Эти слова Зана не были его обычнымъ фразерствомъ[7]) и вполнѣ оправдывались тогдашней дѣйствительностью. За это лучше всего говоритъ слѣдующее: 20 сентября 1833 года пріѣхалъ въ Оренбургъ видный самарскій помѣщикъ и откупщикъ, камергеръ Петръ Ивановичъ Шелашниковъ съ своимъ семействомъ[8]). У этого

---

1) Викторъ Карловичъ Ивашкевичъ, 27 лѣтъ изъ дворянъ Виленской губерніи, Шавельскаго уѣзда. За сочиненіе „вредныхъ писемъ" въ 1823 году и за принадлежность къ обществу „Черныхъ братьевъ" былъ лишенъ дворянства и 1-го мая 1824 г. зачисленъ рядовымъ въ 11-й линейный оренбургскій баталіонъ, а 3-го марта 1830 г. произведенъ въ унтеръ-офицеры съ переводомъ во 2-й линейный оренбургскій баталіонъ. (Архивъ О. У. А. К., отд. секрет., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 93, 215—216 и „Русскій Архивъ" 1874 года, № 5, стр. 1218).

2) Игнатій Хенцинскій — унтеръ-офицеръ 2-го линейнаго оренбургскаго баталіона. „Бывалъ у Зана для того, что онъ обучалъ его, Хенцинскаго, математикѣ". [Архивъ О. У. А. К., отд. секретн. дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 72 и 99).

3) Максимиліанъ Кригштейнъ—рядовой 2-го линейнаго оренбургскаго баталіона; происходилъ изъ дворянъ. (Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 205 и 253).

4) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 112. Ярошинскій, по словамъ Зана былъ топографомъ и не „принадлежалъ къ службѣ баталіонной". (Тамъ же, стр. 110—111).

5) „Истор. Вѣстникъ" 1883 года, сонтябрь, стр. 577—581.

6) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 110.

7) Въ своемъ показаніи отъ 31 октября 1833 года Виткевичъ писалъ про Зана: „Господинъ Занъ имѣетъ обыкновеніе писать и объясняться очень длинно и *съ фразами*". [Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 63].

8] „Русскій Архивъ" 1902 года, № 8, стр. 643.

помѣщика, поселившагося первоначально въ домѣ Е. Н. Тимашева, но потомъ помѣнявшаго квартирой съ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ Перовскимъ, который жилъ въ то время въ домѣ Балкашина,[1]) перебывало тогда все высшее оренбургское общество, начиная съ самаго военнаго губернатора Перовскаго. Вмѣстѣ со всѣми мы встрѣчаемъ у Шелашникова и Зана, о которомъ г-жа Воронина, пріѣхавшая въ Оренбургъ съ семействомъ Шелашниковыхъ, писала своей подругѣ Е. Л. Энгельке слѣдующее:

„Вчера (26 сентября 1833 года) мы также приготовлялись скучать цѣлый вечеръ... Вдругъ является Занъ; весь въ черномъ, красовалась только голубая незабудка, которой былъ заколотъ его шейный платокъ. Черное платье придавало ему совершенно оригинальный видъ. Первыя слова его были, что „Дивъ“[2]) замучилъ его, не даетъ совершенно ему покоя и сюда долго не пускалъ его, что онъ по возвращеніи съ сѣрныхъ водъ[3]) живетъ пустынникомъ, нигдѣ не бываетъ, и даже у Жемчужниковыхъ[4]) былъ только два раза. Аделаида Петровна (дочь П. И. Шелашникова) показывала ему разныя окаменѣлости; долго толковали о камушкахъ, бабочкахъ, букашкахъ. Варвара Степановна (жена П. И. Шелавникова) засадила его гадать въ карты, но занятіе это было прервано возвращеніемъ Петра Ивановича (Шелашникова) отъ Перовскаго; онъ привезъ съ собой Дурасова,[5]) и вечеръ прошелъ очень пріятно“[6]).

1] „Русскій Архивъ“ 1902 года, № 8, стр. 645. Мы намѣренно отмѣчаемъ это маловажное, повидимому, обстоятельство, чтобы показать, что А. С. Пушкинъ во время пребыванія въ Оренбургѣ гостилъ у Перовскаго не въ домѣ, бывшемъ Е. Н. Тимашева, а нынѣ Хусаинова, а въ домѣ капитана Балкашина, который состоялъ адъютантомъ Перовскаго. [„Труды“ О. У. А. К., вып. XVIII, стр. 103]. Гдѣ находился домъ Балкашина,— намъ пока не удалось узнать.

2] Подъ „Дивомъ“ Занъ разумѣетъ, вѣроятно, Адама Демьяновича Сузина, который, будучи больнымъ и, стало быть, капризнымъ, жилъ въ данное время у него на квартирѣ.

3] О поѣздкѣ Зана на сергіевскіе сѣрныя воды мы уже говорили ранѣе. Тамъ онъ, повидимому, и познакомился съ семействомъ Петра Ивановича Шелашникова, у котораго въ Сѣрноводскѣ, какъ назывались иначе сергіевскія сѣрныя воды, имѣлся собственный каменный домъ съ двумя флигелями, пожертвованными имъ впослѣдствіи военному вѣдомству. [„Историческій Вѣстникъ“ 1911 года, іюль, стр. 272].

4] Здѣсь говорится о семьѣ начальника 28-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта Аполлона Николаевича Жемчужникова. (Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 29 октября 1833 года, стр. 16).

5] Дурасовъ—дальній родственникъ П. И. Шелашникова, камеръ-юнкеръ, служившій у Перовскаго. [„Русскій Архивъ“ 1902 года, № 8, стр. 645].

6] „Русскій Архивъ“ 1902 года, № 8, стр. 647-648.

Въ другомъ письмѣ та же корреспондентка писала: „Балъ въ четвергъ (28 сентября 1833 года) былъ очень веселый. Танцевали много... Военный губернаторъ (Перовскій) игралъ въ карты и иногда приходилъ лорнировать танцующихъ. Онъ говоритъ, что не можетъ терпѣть танцевъ и никогда въ жизни своей не танцевалъ. Философъ Занъ[1]) былъ моимъ кавалеромъ въ мазуркѣ и кружился въ котильонѣ съ обыкновенной своей мѣрной медлительностью.“[2])

Судя по этимъ письмамъ г-жи Ворониной, мы должны признать, что Занъ былъ вполнѣ правъ, когда писалъ, что онъ пользуется „благорасположеніемъ всего высшаго общества въ Оренбургѣ“. И дѣйствительно, ему жилось въ Оренбургѣ настолько хорошо и спокойно, что онъ даже просилъ своего отца переѣхать сюда на жительство. „Столь хорошо и спокойно чувствовалъ я себя въ ономъ (городѣ), пишетъ самъ Занъ, что упрашивалъ отца моего перенестись здѣсь жительствовать со мною и получилъ я обѣщаніе его удовлетворить вскорѣ сему сыновнему желанію“.[3])

Но этому благому намѣренію Зана и его отца не суждено было сбыться. Помѣхой къ тому послужили, вѣроятно, тѣ тревожныя событія въ жизни Зана, которыя произошли вскорѣ послѣ того... Какого рода были эти событія, мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

---

[1]) Занъ, какъ мы знаемъ уже, имѣлъ ученую степень магистра философіи.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1902 года, № 8, стр. 649-650. Считаемъ не безынтереснымъ попутно отмѣтить здѣсь, что въ семьѣ помѣщика Шелашникова нерѣдко бывалъ съ своей женой и извѣстный писатель В. И. Даль, служившій чиновникомъ особыхъ порученій при Перовскомъ. Вотъ что, напримѣръ, писала г-жа Воронина 8 октября 1933 года: „Вчера мы провели время очень пріятно. Сначала явился Дурасовъ, потомъ Перовскій съ Далемъ и его женой. Перовскій уѣхалъ ранѣе всѣхъ, тогда Даль послалъ за своими сказками и прочелъ намъ двѣ изъ нихъ, презабавныя и прекрасно написанныя въ самыхъ народныхъ русскихъ выраженіяхъ. Одна подъ названіемъ: „О ворѣ и бурой коровѣ“, другая: „Дочь и Строева или коровушка-буренушка“. И онъ читалъ ихъ очень хорошо. Потомъ начали пѣть: прежде Дурасовъ, который поетъ прекрасно, потомъ жена Даля препріятнымъ голоскомъ; наконецъ составили тріо: Дурасовъ и Даль съ женой пѣли русскія пѣсни прекрасно“. [Тамъ же, стр. 653].

[3]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 110.

IV.

Обвиненіе Зана въ подготовленіи мятежа въ Оренбургѣ и внезапный арестъ его.

Сообщеніе г-жи Ворониной.—Доносъ уфимскаго мѣщанина Старикова о готовящемся мятежѣ въ Оренбургѣ.—Арестъ Зана и его знакомыхъ поляковъ.—Назначеніе Перовскимъ слѣдственной комиссіи и составъ ея.—Снятіе перваго показанія съ Зана.

„Не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ", говоритъ русская пословица. Это изреченіе народной мудрости вполнѣ оправдалось на Занѣ. „Хорошо и спокойно" жилось ему въ Оренбургѣ, но такъ продолжалось только до осени 1833 года... Въ это время съ Заномъ случилась такая катастрофа, которая сразу прервала мирное теченіе его жизни и во многомъ измѣника его прежнія намѣренія. „Занъ, бѣдный Занъ, писала г-жа Воронина 6 ноября 1833 года, взятъ подъ стражу по какому-то доносу. Это случилось 26 октября, въ четвергъ. Онъ, говорятъ, совсѣмъ былъ готовъ отправиться къ намъ на вечеръ. когда его взяли"[1])... Въ поясненіе этихъ словъ г-жи Ворониной мы должны сказать здѣсь, что доносъ, о которомъ она упоминаетъ, поступилъ къ оренбургскому коменданту, генералъ-майору Роману Григорьевичу Глазенапу отъ уфимскаго мѣщанина Андрея Емельянова Старикова, содержавшагося съ 4 ноября 1831 года въ оренбургскомъ тюремномъ замкѣ „за обнесеніе бывшаго оренбургскаго гражданскаго губернатора Дебу взятко-брателемъ"[2]). Расчитывая, вѣроятно, на свое освобожденіе изъ тюрьмы, Стариковъ доносилъ слѣдуюшее:

„На 26 число сего октября мѣсяца въ 12 часовъ ночи, содержащійся со мною въ оренбургскомъ тюремномъ замкѣ, въ одной комнатѣ, польской націи рядовой--Людвигъ Мейеръ,[3]) между различными разговорами, мнѣ объявилъ, что служащіе въ оренбургскихъ линейныхъ баталіонахъ № 2-й и 3-й поль-

---

1) „Русскій Архивъ" 1902 года, № 8, стр. 657.

2) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 24 декабря 1833 г., стр. 3.

3] Рядовой изъ поляковъ Людвигъ Мейеръ содержался въ тюрьмѣ „за побѣгъ въ киргизскую степь и имѣніе при себѣ фальшиваго, на манеръ серебрянаго, оловяннаго рубля". [Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 24 декабря, 1833 г., стр. 3).

ской націи нижніе чины, со дня прибытія ихъ въ городъ Оренбургъ, будучи огорчены несчастнымъ послѣдствіемъ польской революціи,[1]) положили между собою непоколебимое намѣреніе сдѣлать какъ въ городѣ Оренбургѣ, такъ и по всей линіи, мятежъ. Главными предводителями ихъ были: иностранецъ Занъ, неизвѣстный по имени иностранецъ, Виткевичъ, польской націи служащій въ оренбургскомъ батальонѣ разжалованный офицеръ и другой служащій здѣсь въ топографіи.

Мятежъ начать сіи главные возмутители со всѣми рядовыми польской націи предположили дѣломъ на сей текущей недѣлѣ въ предназначенный ими день, въ первомъ или во второмъ часу ночи, такимъ образомъ. Раздѣлясь на пять или болѣе партій, сдѣлать въ значительныхъ домахъ нападеніе и во первыхъ лишить жизни господина оренбургскаго военнаго губернатора, дивизіоннаго и бригаднаго командировъ, ваше превосходительство,[2]) господина полицеймейстера, плацъ-майора и другихъ чиновниковъ, которые имъ будутъ только противиться.

Незадолго передъ симъ, добавлялъ мѣщанинъ Стариковъ, иностранецъ Занъ выпросилъ позволеніе вояжировать по оренбургскому краю подъ видомъ ботаническихъ занятій и узнанія о минералахъ,[3]) а настоящая его цѣль есть та, чтобы всѣхъ служащихъ по оренбургской линіи польской націи и другого званія нижнихъ чиновъ преклонить и утвердить къ непоколебимому мятежу, о чемъ они и прежде были свѣдомы и на все согласны"[4]).

Чѣмъ былъ вызванъ этотъ чудовищный оговоръ Зана со стороны его соотечественника, рядового Людвига Мейера,— намъ не извѣстно, но во всякомъ случаѣ доносъ мѣщанина Старикова, основанный на словахъ Мейера, долженъ былъ тяжело отозваться на Занѣ и произвести большой переполохъ

---

1) Т. е. польскаго возстанія 1830—1831 годовъ.

2] Т. е. оренбургскаго коменданта, г.-м. Глазенапа.

3] Здѣсь разумѣется, вѣроятно поѣздка Зана на сергіевскія сѣрныя воды, съ которыхъ онъ вернулся, какъ мы знаемъ, незадолго до пріѣзда въ Оренбургъ семейства Шелашниковыхъ прибывшихъ сюда 20 сентября 1833 года.

4] Архивъ О. У. А. К. отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 3—4.

въ Оренбургѣ. Такъ оно и было... Когда оренбургскій комендантъ, г.-м. Глазенапъ довелъ объ этомъ доносѣ до свѣдѣнія военнаго губернатора Перовскаго, то, по приказанію послѣдняго. „тогда же были взяты подъ караулъ чиновники: Занъ, Сузинъ, портупей-прапорщикъ Виткевичъ; унтеръ-офицеры: Ивашкевичъ, Ковальскій и Хенцинскій».[1]) Такимъ образомъ, не только Занъ, но и всѣ его знакомые изъ поляковъ, бывшіе въ его квартирѣ, вдругъ очутились подъ арестомъ и „квартиры ихъ были запечатаны, а на другой день, то есть 27 октября, сдѣланъ обыскъ, при которомъ найденныя разныя бумаги взяты для разсмотрѣнія"[2]). Занъ, названный въ доносѣ главнымъ предводителемъ заговора, былъ посаженъ на гауптвахту, Сузинъ, „по болѣзни" оставленъ „на квартирѣ, которую занималъ вмѣстѣ съ Заномъ", портупей-прапорщикъ Виткевичъ помѣщенъ въ госпиталѣ, унтеръ-офицеръ Ковальскій—на гауптвахтѣ у Водяныхъ воротъ, унтеръ-офицеръ Ивашкевичъ—въ квартирѣ Виткевича, въ домѣ казачьяго офицера Корина, а унтеръ-офицеръ Хенцинскій—на гауптвахтѣ у Орскихъ воротъ.[3]) Такимъ распредѣленіемъ арестованныхъ по разнымъ мѣстамъ Перовскій хотѣлъ достигнуть того, „чтобы они лишены были всѣхъ средствъ сообщенія между собою и не могли бы и знать,—кто изъ нихъ арестованъ".[4]) Всѣ эти аресты были сдѣланы такъ осторожно, что первоначально объ этомъ знали очень немногіе въ Оренбургѣ, да и кто зналъ старался держать про себя. „Я сначала не знала ничего, говоритъ г-жа Воронина, потомъ не рѣшалась написать тебѣ, потому что все дѣлалось такъ таинственно, всѣ объ этомъ только шептались.".[5])

Вскорѣ послѣ ареста Зана и его знакомыхъ, а именно 29 октября 1833 года, Перовскій счелъ нужнымъ назначить подъ своимъ предсѣдательствомъ особую слѣдственную комиссію, которая занялась бы разслѣдованіемъ этого таинственнаго дѣла. Вотъ что писалъ по этому поводу Перовскій

---

[1]) Тамъ же, дѣло отъ 24 декабря 1833 года, стр. 5.
[2]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 24 декабря 1833 года, стр. 5.
[3]) Тамъ же, дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 29 и 104.
[4]) Тамъ же, стр. 1.
[5]) „Русскій Архивъ" 1902 года, № 8. стр. 657.

"оренбургскому коменданту, господину генералъ-майору Глазенапу."

„Усматривая, что по доносу мѣщанина Старикова и рядового 2-го линейнаго батальона Мейера о злоумышленномъ заговорѣ нѣкоторыхъ изъ поляковъ, въ Оренбургѣ находящихся, можетъ представиться надобность въ многосложныхъ справкахъ, допросахъ и очныхъ ставкахъ, въ особенности, если, какъ предполагать можно, окажутся участниками въ семъ заговорѣ и поляки, въ другихъ батальонахъ оренбургскаго корпуса находящіеся, я призналъ за нужное учредить для открытія изъ показаній Старикова и Мейера какъ цѣли сего заговора, такъ и всѣхъ лицъ, въ ономъ участвующихъ, комиссію подъ моимъ предсѣдательствомъ, назначая членами оной: ваше превосходительство, г.г. генералъ-майора Стеллиха, полковника Павлова, адьютанта моего, гвардіи ротмистра Геке и состоящаго при мнѣ по особымъ порученіямъ коллежскаго ассесора Даля, а предсѣдателемъ дѣлъ оной помощника корпусного оберъ-аудитора, аудитора, Слапогузова[1]).

Комиссія имѣетъ начать дѣйствія свои немедленно и продолжать заниматься ежедневно, доколѣ надобность въ томъ предстоять будетъ, въ домѣ, занимаемомъ вашимъ превосходительствомъ»[2]).

Слѣдственная комиссія, учрежденная Перовскимъ, начала свои дѣйствія тѣмъ, что сняла сначала подробныя показанія съ мѣщанина Старикова и рядового Мейера, а потомъ 31 октября 1833 года предъявила слѣдующіе „вопросные пункты г. Зану":

1., Подпрапорщикъ Виткевичъ въ письмѣ къ вамъ отъ 7 мая сего года говоритъ: „Кепъ[3]) Стемпковскій доселѣ еще не отдалъ писемъ моихъ, что меня весьма безпокоитъ. Всѣ наши планы лопнули. Дай Богъ, чтобы все это кончилось безъ бѣды". Объявите, что значатъ сіи слова? Какія письма

---

[1]] Вотъ отъ кого, вѣроятно, получилъ свое названіе Слапогузовскій переулокъ въ Оренбургѣ.

[2]] Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 1.

[3]] Т. е. глупецъ, дуракъ.

долженъ былъ вручить Стемпковскій? Какіе планы ваши лопнули и какой вы отъ того ожидали бѣды?

2., Въ письмѣ Ковальскаго къ вамъ отъ 5 мая сего же года Виткевичъ приписалъ: „дѣла всѣ доселѣ не въ лучшемъ положеніи.“ Объявите также—про какія здѣсь говорится дѣла?

3., Въ письмѣ къ вамъ Виткевича, въ прошломъ году писанномъ, онъ между прочимъ говоритъ: „Ѣздилъ я на недѣлю времени въ степь съ Генсомъ, но нынѣшнее мое пребываніе тамъ, не принесло мнѣ никакой пользы“. Можете-ли вы объяснить,—какой пользы ожидалъ себѣ Виткевичъ отъ сего кратковременнаго пребыванія въ степи?

4., Въ письмѣ вашемъ къ Виткевичу, въ семъ году писанномъ, вы говорите: „Думаю о способахъ и возможности, какъ осуществить то, о чемъ между нами говорено; надобно бы только найти какую-либо опорную точку“. Скажите, что разумѣли вы подъ сими словами?

5., Въ письмѣ къ вамъ Іосифа Ежевскаго сказано: „Хоткевичъ насказалъ мнѣ много хорошаго о Виткевичѣ. Если онъ здоровъ, смѣлъ, стоекъ, ловокъ, ежели хорошо знаетъ по татарски, то пусть старается узнать лучше, нежели знаетъ доселѣ Бухарію, а именно Узбекъ. Разумѣется, что надлежало бы напередъ ознакомиться съ лучшими описаніями. Если онъ узнаетъ край этотъ, проникнетъ въ глубину онаго, если позволитъ узнать и себя, увидитъ, что дѣлать долженъ“. Объясните, что значатъ сіи слова? Показывали-ли вы письмо сіе Виткевичу? Сообщали-ли вы ему содержаніе онаго? Если оныя слова относятся дѣйствительно до Бухаріи, то что разумѣлъ Ежевскій подъ словами: „если онъ проникнетъ въ глубину онаго (Бухаріи), если позволитъ узнать и себя *увидитъ, что дѣлать долженъ“?* [1])

На эти вопросные пункты Занъ отвѣтилъ такимъ образомъ:

---

[1]] Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 55 и 57. Какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ случаяхъ, курсивъ подлинника.

„1, На первый вопросный пунктъ вашего превосходительства имѣю честь объявить, что я никакой важности не привязывалъ (sic) къ словамъ, приведеннымъ изъ письма подпрапорщика Виткевича, и не могъ оныхъ принимать въ иномъ какомъ смыслѣ, какъ въ томъ, что они выражаютъ. Въ первомъ періодѣ сихъ словъ Виткевичъ безпокоится неотдачею писемъ его, врученныхъ Стемпковскому, и писемъ его собственныхъ, „*моихъ*“, о которыхъ мнѣ знать не было необходимости, почему и не могъ я знать,—какія то были письма, ни утвердительно сказать,—къ кому они были адресованы. Второй періодъ помянутыхъ словъ невѣрно переведенъ, ибо въ письмѣ Виткевича сказано: „всѣ проекты“, а не всѣ *наши планы* лопнули. Не былъ я равенъ Виткевичу ни лѣтами, ни родомъ службы, ни характеромъ, а потому не могъ я имѣть съ онымъ никакихъ одинаковыхъ ни проектовъ, ни плановъ. Онъ самъ одинъ только въ состояніи опредѣлительно объяснить и поименно исчислить проекты, о каковыхъ онъ думалъ, писавъ слова „всѣ проекты“. Я же подъ оными разумѣлъ ходатайство объ имѣніи, которое ему, Виткевичу приходилось въ наслѣдство, какъ достигшему совершеннолѣтія и дослужившемуся до чина подпрапорщика, и о способахъ денежныхъ жить здѣсь въ спокойствіи, съ пользою и съ честью. Виткевичъ кончаетъ письмо свое словами: „Дай Богъ, чтобы все это кончилось безъ бѣды“! очень натурально, ибо уже прежде такимъ же ходатайствомъ и самъ испыталъ и другимъ надѣлалъ много бѣды.

Истину сего объявленія доказать могутъ мои отношенія съ Виткевичемъ, которыя ограничивались только тѣмъ, что я не отказывалъ ему въ моихъ совѣтахъ по его занятіямъ и по поведенію; въ другіе же дѣла входить не имѣлъ я ни надобности, ни времени, ни возможности. По сей причинѣ, а, можетъ быть, и по строгости моихъ мнѣній Виткевичъ не дѣлалъ меня участникомъ всѣхъ своихъ интересовъ. Никогда я не видалъ писемъ, кои онъ могъ посылать и получать, а только зналъ, сколько ему самому словесно и случайно разсудилось дать мнѣ знать изъ его корреспонденціи. Тонъ

словъ, приведенныхъ въ вопросномъ пунктѣ, не показываетъ мнѣ ничего опаснаго или предосудительнаго, а слово „Кепъ“ не показывало гнѣва, но шутливость.

2. На другой вопросный пунктъ имѣю честь объявить вашему превосходительству, что подъ словами: „дѣла всѣ доселѣ не въ лучшемъ состояніи“, приписанными Виткевичемъ къ письму Ковальскаго отъ 5 мая, ничего другого я разумѣть не могъ, какъ состояніе домашняго его и моего быта и способовъ содержанія себя въ Оренбургѣ: равно какъ бы мнѣ онъ сказалъ: „все у насъ попрежнему“.

3. На третій вопросъ вашего превосходительства могу дать слѣдующее объясненіе. Виткевичъ, какъ извѣстно, старался пріобрѣсть свѣдѣнія, посредствомъ которыхъ могъ бы онъ быть истинно полезнымъ въ службѣ по части сношеній съ азіатскими ордами и народами, а чрезъ то заслужить для себя одобреніе начальства, чѣмъ только судьба его могла бы улучшиться. Не одинъ только языкъ татарскій или персидскій, но и обычаи и положеніе оныхъ народовъ должны были входить въ предметы его изученій. Цѣль экспедиціи г. полковника Генса и обязанности Виткевича, находящагося при немъ толмачемъ, и кратковременное пребываніе въ степи не споспѣшествовали пріобрѣтенію новыхъ свѣдѣній, ни выставляли его предъ начальствомъ, какъ могущаго имѣть вліяніе на успѣхи экспедиціи. Прежде его пребываніе въ степи киргизской было ему полезно, ибо дало ему точное понятіе объ оной и ордахъ, на ней обитающихъ, ибо обратило къ нему вниманіе начальства. Нынѣшнее же пребываніе лучше бы замѣнить пребываніемъ въ Оренбургѣ, гдѣ для своихъ занятій имѣлъ бы книги и.... (слово не разобрано). Подъ словами: „не принесло мнѣ никакой пользы“, кромѣ вышесказаннаго, разумѣлъ я и то, что Виткевичъ не имѣлъ времени собрать свѣдѣній ни о камняхъ, ни о растеніяхъ пройденной имъ степи, о чемъ я его усердно просилъ.

4. На четвертый вопросъ вашего превосходительства имѣю честь пояснить слѣдующее: слова: „о чемъ между нами говорено“, поставленныя вмѣсто словъ: „нашихъ разгово-

ровъ", даютъ фразѣ, взятой изъ письма моего изъ Ускалыка въ Оренбургъ, смыслъ особенный и отдѣльный отъ духа цѣлаго письма. Пясьмо сіе вѣрно изображаетъ тогдашнее состояніе чувствованій, размышленій, намѣреній и дѣйствій. Были они ясны и чисты, но безъ всякой опорной точки. Кончина графа Сухтелена, несчастнымъ утѣшителя и благодѣтеля, который открылъ для меня дорогу для заслуги, унесла нашъ „point d'appui", а съ нимъ и надежды на улучшеніе судьбы моей. Разсѣевая печаль мою впечатлѣніями весны въ деревнѣ и занятіями, о коихъ письмо мое напоминаетъ, долженъ былъ я думать о способахъ и возможности, какъ привесть въ исполненіе, какъ осуществить то, о чемъ только говорилъ лично и письменно, т. е. о способахъ и возможности пріобрѣсть прочную довѣренность, а занятіямъ нашимъ дать существенную важность и пользу. Виткевичъ употребляемъ былъ по части пограничной, я же— по части геогностической. Сими занятіями запечатлѣны и наши мысли, и наши работы и наши разговоры... Сколько разъ случалось оныя взаимно сообщать другъ другу. Зналъ я, что для насъ нужна какая-либо опорная точка или въ опредѣленныхъ предметахъ исполняемой нами должности, или въ покровительствѣ какого-либо важнаго лица, какъ графъ Сухтеленъ, принимавшій участіе въ нашей бѣдности. Письмо мое не имѣло особой какой либо цѣли и интереса: желалъ я только посредствомъ онаго успокоить Виткевича на счетъ моего состоянія тѣлеснаго и моральнаго, для исправленія коего имѣлъ я пребываніе въ деревнѣ. Хотя писавъ слова: „нашихъ разговоровъ", думалъ о велерѣчіи собственнаго письма, но употребилъ вмѣсто „моихъ рѣчей" слова „нашихъ", какъ выражающее на польскомъ языкѣ скромность, какъ доказывающее читателямъ, что я, думавъ о собственной участи, думалъ вмѣстѣ и о тѣхъ, которые осиротѣли кончиною графа Сухтелена.

5. Слова г. Ежевскаго такъ, мнѣ кажется, были опредѣленны, что я боюсь ясный смыслъ и значеніе оныхъ затмить своими собственными словами. Приведу только обстоятельства, бывшія поводомъ къ словамъ, кои могутъ указать сферу

полезной для него и для службы дѣятельности, въ которой представлялъ себѣ Виткевича другъ его и благодѣтель Ходкевичъ, да ему незнакомый, а мой соученикъ, ученый литераторъ Ежевскій. Участь, каковую переноситъ Виткевичъ, и младыя его дарованія тронули человѣколюбивое сердце Ходкевича, который во все время своего пребыванія въ Оренбургѣ, выказывалъ къ нему братскую привязанность. Упрашивалъ онъ покойнаго графа Сухтелена, и г. полковника Генса взять подъ свое покровительство сего молодого человѣка и дать ему возможные случаи, гдѣ бы онъ могъ развернуть свои способности и выказать свою ревность къ службѣ, а именно посредствомъ назначенія его на путешествія по Татаріи и на сношенія съ Бухаріей, какъ человѣка знающага восточные языки и готовившагося по сему предмету. Не переставалъ Ходкевичъ въ сихъ чистосердечныхъ ходатайствахъ, но обязывалъ еще и меня быть ему, Виткевичу, наставникомъ въ точныхъ наукахъ математики и физики. Всѣмъ извѣстно, а въ особенности начальству, какъ знаніе языковъ восточныхъ, страсть къ путешествіямъ и отчасти качества Виткевича, исчисленныя словами Ежевскаго, могли бы его, Виткевича, сдѣлать весьма способнымъ къ исполненію порученій по сношеніямъ съ Бухаріей, пособить ему узнать край этотъ въ подробностяхъ, составляющихъ сущность онаго, т.е., „проникнуть въ глубину онаго“ и такимъ образомъ дать узнать себя и, наконецъ, удостоиться милости монаршей. И въ самомъ дѣлѣ, кому болѣе какъ ни Виткевичу нужно особое отличіе? Кто охотнѣе, кто искреннѣе долженъ и можетъ отважиться на опасности путешествія среди полудикихъ почти азіатцевъ, ибо кому такъ, какъ Виткевичу, нужно трудами и принесенной пользой искупить вины молодости? Гдѣ и когда лучше, чѣмъ и какъ иначе, могъ бы онъ отличиться? Сія перспектива карьеры Виткевича дружескому для него чувству должна была представиться въ несомнительныхъ и восхитительныхъ краскахъ. Въ таковомъ чувствѣ своего расположенія оставилъ Ходкевичъ Оренбургъ, съ

таковымъ чувствомъ отыскалъ онъ въ Москвѣ ученаго Ежевскаго, дабы получить совѣты въ пользу оной Виткевича карьеры. Сіи похвалы Ходкевича исторгнули у Ежевскаго слова, въ семъ пятомъ вопросномъ пунктѣ помѣщенныя. Видно изъ оныхъ, что Ежевскому трудно было дать какой-нибудь новый совѣтъ Виткевичу, почему и ограничился онъ, Ежевскій, исчисленіемъ качествъ, потребныхъ для путешественника по Бухаріи, предостерегаетъ, что нужно напередъ знать лучшія описанія, а послѣ узнавать этотъ край (Бухарію), проникнуть послѣ въ глубину онаго, дать себя тѣмъ способомъ, узнать и послѣ чего же больше дѣлать Виткевичу? Натурально человѣку, испытавшему на практикѣ занятія путешествіями, совѣты эти не покажутся нужными: „самъ увидитъ тогда, что дѣлать долженъ". Видно также и то, что Ежевскій не зналъ лучшихъ описаній Бухаріи, ибо довольствуется только намекомъ о надобности сыскать оныя. Свѣдѣнія о Бухаріи въ извѣстныхъ сочиненіяхъ изложены довольно поверхностно; потому то Ежевскій употребляетъ слова: „проникнетъ въ глубину", какъ противоположныя словамъ: „пробѣжать поверхностно, скользнуть по верху", дабы указать и способъ и трудность таковыхъ путешествій, о которыхъ даютъ знать самому путешественнику. Сію послѣднюю мысль выражаетъ онъ деликатнымъ на польскомъ діалектѣ словомъ „poswoli"—„позволитъ (изволитъ) узнать и себя". Подъ симъ выраженіемъ понимается желаніе, дабы путешественникъ, исполнивъ свое порученіе, успѣлъ также посредствомъ сочиненія дать себя узнать ученому міру или Ежевскому посредствомъ писемъ.

Получивъ письмо отъ Іосифа Ежевскаго во время моего пребыванія въ деревнѣ Ускалыкъ, не могъ я онаго показывать Виткевичу, да и послѣ возвращенія моего въ городъ не случилось вспомнить объ ономъ и сообщить содержаніе онаго Виткевичу, тѣмъ паче, что письмо сіе не заключало ничего новаго или нужнаго для его желанія путешествовать по Бухаріи. Впрочемъ какъ мои тетради и письма помѣщаю

въ незапертыхъ ящикахъ, такъ и не могу ручаться, имѣлъ-ли или не имѣлъ Виткевичъ свѣдѣнія о содержаніи письма Ежевскаго, ко мнѣ адресованнаго“ [1]).

Вотъ какіе искренніе и удовлетворительные отвѣты далъ Занъ на предложенные ему слѣдственной комиссіей вопросы. Но этимъ дѣло еще далеко не кончилось...

V.

Второе показаніе Зана и освобожденіе его отъ ареста.

Вопросы, предложенные Зану слѣдственной комиссіей при вторичномъ его допросѣ.—Второе показаніе Зана.—Возвращеніе Зана на квартиру.—Рапортъ Перовскаго военному министру о дѣйствіяхъ и заключеніи слѣдственной комиссіи.—Предписаніе Перовскаго Зану о составленіи каталога предметамъ оренбургскаго музеума.—Перемѣна прежнихъ намѣреній Зана.

Читая „вопросные пункты“, предложенные Зану 31 октября 1833 года, нельзя не замѣтить, что всѣ они касались только переписки, которая была найдена въ квартирѣ Зана или у его знакомыхъ. Совершенно другой характеръ имѣли тѣ вопросы, которые предложены были Зану при вторичномъ его допросѣ, состоявшемся 1 ноября 1833 года, т. е. на другой день послѣ перваго допроса. На этотъ разъ Зану были предложены такіе вопросы:

„1., Какъ васъ зовутъ? Сколько лѣтъ отъ роду, какимъ наукамъ и гдѣ обучались?

2., Какой вы вѣры? и ежели христіанской, то бывали-ли на исповѣди и у св. причастія?

3., На службу его императорскаго величества вступили вы котораго года, мѣсяца и числа? Изъ какого званія и откуда урожденіемъ? Имѣете-ли за собою, за родителями или за женою недвижимое имѣніе, родовое или благопріобрѣтенное, какое именно и гдѣ оно состоитъ?

---

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 55—58.

4., Во время службы какими чинами и гдѣ происходили? Напредъ сего не бывали-ли за что подъ судомъ, равно и безъ суда въ какихъ-нибудь штрафахъ?

5., До начальства дошли свѣдѣнія, что всѣ нижніе чины польской націи, служащіе въ оренбургскихъ баталіонахъ № 2-го и 3-го, сожалѣя о несчастныхъ послѣдствіяхъ польской революціи, положили между собою непремѣнное намѣреніе сдѣлать какъ въ городѣ Оренбургѣ, такъ и по всей линіи, мятежъ. Главнымъ предводителемъ сего мятежа наименованы вы, и сообщниками другіе. Таковый мятежъ предположили сдѣлать немедленно такимъ образомъ: всѣхъ находящихся въ заговорѣ раздѣлить на пять частей, потомъ сдѣлать нападеніе на дома значительныхъ особъ и лишить жизни: командующаго отдѣльнымъ оренбургскимъ корпусомъ, начальниковъ - дивизіоннаго и бригаднаго, оренбургскихъ—коменданта, плацъ-майора и другихъ чиновниковъ, въ которыхъ встрѣтятъ сопротивленіе, и овладѣвши городомъ, возстановить свои права и начальство; потомъ далѣе продолжать мятежъ. По сему извольте объяснить: дѣйствительно-ли вы обще съ другими чиновниками и рядовыми изъ польскихъ плѣнныхъ имѣли намѣреніе—къ нарушенію общественнаго спокойствія—произвести мятежъ въ Оренбургскомъ краѣ и лишить жизни поименованныхъ особъ? Съ какою цѣлью и сколь давно вознамѣрились приступить къ тому? Кто сіи главнѣйшіе участники въ томъ съ вами находились, и когда положили привести въ исполненіе означенное намѣреніе?

6., Еще дошло до свѣдѣнія начальства, что вы, ѣздивши по Оренбургской губерніи для узнанія минераловъ и упражненія въ ботаникѣ, хотѣли между тѣмъ склонять всѣхъ служащихъ поляковъ и другого званія людей къ мятежу. Противу сего обязываетесь объяснить,—когда вы отлучались, съ позволенія начальства, изъ города Оренбурга въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ, съ кѣмъ изъ польскихъ нижнихъ чиновъ имѣли вы сношеніе? Въ чемъ оныя состояли? Склоняли ли вы ихъ къ мятежу, кого именно, и какой имѣли въ томъ успѣхъ?

7., Еще на васъ показываютъ, что на этихъ дняхъ пріѣзжали къ вамъ служащіе въ конно-артиллерійской казачьей ротѣ два казака изъ польскихъ плѣнныхъ. Когда они къ вамъ пріѣзжали и что совѣщались касательно мятежа?

8., Имѣете-ли вы переписку съ однимъ рядовымъ изъ польскихъ плѣнныхъ, переведеннымъ въ прошломъ лѣтѣ изъ изъ 3-го въ 1-й баталіонъ? Скажите, — въ чемъ оная состоитъ? Какъ зовутъ сего рядового? Писали-ли вы къ нему по почтѣ или же пользовались для сего особымъ случаемъ?

9., Какія имѣли вы сношенія съ бывшимъ рядовымъ изъ поляковъ, Домбровскимъ? Какія имѣли вы также сношенія съ рядовымъ 4-го баталіона. Кживицкимъ и можете-ли сказать, въ какихъ отношеніяхъ были между собою Домбровскій и Кживицкій?

10., Съ кѣмъ именно имѣли вы квартированіе здѣсь, въ Оренбургѣ, и кто преимущественно у васъ бываетъ?

11., Въ вышеозначенныхъ отвѣтныхъ пунктахъ самую-ли истинную правду вы показали и не имѣете-ли сверхъ сего еще показать чего-либо, то объясните" [1]).

На эти вопросы, предложенные слѣдственной комиссіей, какъ мы уже упоминали, 1-го ноября 1833 года, Занъ отвѣтилъ такъ:

1., „Зовутъ меня Томашъ Каролевъ (Карловъ), сынъ Занъ. Имѣю отъ роду 37 лѣтъ. Обучался всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ физико-математическомъ бтдѣленіи бывшаго виленскаго университета, который призналъ меня достойнымъ степени магистра.

2., На исповѣди и у св. причастія бывалъ, слѣдуя за родителями римско-католической вѣры.

3., Въ службу его императорскаго величества вступилъ я 1830 года, мѣсяца — , — дня[2]). Происхожу изъ дворянъ Минской губерній, Вилейскаго уѣзда, Молодечанскаго прихода, гдѣ родители мои владѣли недвижимымъ имѣніемъ,

---

1) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 года, стр. 109—112.

2] Какого мѣсяца и какого дня въ подлинникѣ не обозначено.

но какъ отецъ мой—со времени удаленія моего съ родины—не дѣлалъ меня участникомъ своего достоянія и не сообщаетъ мнѣ по сему предмету своихъ намѣреній, то я полагаю себя не имѣющимъ за собою никакого имѣнія.

4., Труды мои по части розысканій геогностическихъ въ Оренбургской губерніи заслужили вниманіе непосредственнаго моего начальства, покойнаго графа Сухтелена, и удостоились быть засвидѣтельствованы предъ стопами всемилостивѣйшаго государя императора, вслѣдствіе чего генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ объявилъ его императорскаго величества волю, коею въ знакъ монаршаго уваженія къ графу Сухтелену пожалованъ я чиномъ XIV класса. Прежде сего пользуясь правами кандидата и именемъ магистра, награду сію принялъ я, какъ даръ прощенія и возвращенной мнѣ монаршей милости, ставившей меня наравнѣ со всѣми вѣрноподданными, открывающей мнѣ дорогу къ одинаковымъ съ оными заслугамъ и предающей милостивому забвенію дѣло объ академическомъ обществѣ „филаретовъ", существовавшемъ тайно при виленскомъ университетѣ, За основаніе сего общества, по высочайшей волѣ, 1824 года присланъ я на службу въ городъ Оренбургъ съ выдержаніемъ года подъ арестомъ.

5., Что я не могъ и, дѣйствительно, не имѣлъ намѣреній нарушать общественное спокойствіе могутъ удостовѣрить слѣдующія обстоятельства. Имѣвъ счастіе вступить въ службу по собственному желанію и выбору подъ начальствомъ столь благодѣтельнаго графа Сухтелена и продолжать оную подъ достойнымъ его наслѣдователемъ, облеченнымъ высокой довѣренностью его императорскаго величества, поставленъ я на дорогѣ всѣхъ возможныхъ выгодъ службы: занимаюсь порученіями и предметами самыми пріятнѣйшими моему расположенію природному и науками пріобрѣтенному, пользуюсь милостивымъ вниманіемъ начальства и нахожусь безпрестанно на виду онаго, пользуюсь хорошимъ мнѣніемъ и благорасположеніемъ всего высшаго общества въ Оренбургѣ, въ коемъ судьба велѣла мнѣ находить новую родину, въ коемъ созрѣ-

ли чувства, способныя основать меня навсегда въ семъ городѣ Столь хорошо и спокойно чувствовалъ я себя въ ономъ, что упрашивалъ отца моего перенестись здѣсь жительствовать со мною и получилъ я обѣщаніе его удовлетворить вскорѣ сему сыновнему желанію. Первѣйшими особами, коихъ извѣтъ наименовалъ (присужденными) на лишеніе жизни, обласканъ я и облагодѣтельствованъ. Видали они на всякомъ шагу, какъ искалъ я быть за все это чистосердечно благодарнымъ и словомъ и дѣломъ. Сколь безкорыстные, сколь любящіе имѣлъ я виды въ предметахъ, касающихся общей пользы сего края, доказываютъ и мои записки, подаваемыя графу Сухтелену, какъ зрѣлый плодъ моихъ наблюденій и размышленій, и остающіяся недоконченными въ моихъ бумагахъ предначертанія. Всѣ труды мои, коими наполнялась всякая минута здѣшней жизни, отпечатлѣны привязанностію къ краю и къ обязанностямъ службы, коею такъ улучшилась участь моя. И послѣ десятилѣтней пробы миролюбиваго, мягкосердечнаго созерцательнаго бытія, человѣколюбиваго и благоразумнаго, когда здоровье по слабой отъ натуры организаціи упадаетъ и привычки становятся непреклоннѣе, могъ ли бы я рѣшиться на вздорныя, безразсудныя, кровавыя намѣренія, въ коихъ вѣрно и ощутительно долженъ бы я всѣ вышесказанныя выгоды и блага неоцѣненныя потерять и пожертвовать оными славѣ изверга и сумашедшаго злодѣя? О никогда я не измѣнялъ имени честнаго поляка, добраго человѣка и ревностнаго, вѣрнаго слуги его императорскаго величества! По симъ явнымъ обстоятельствамъ причины и мѣры всякаго знакомства, не различая народнаго происхожденія (sic). Онѣ, удерживая меня въ кругу высокаго общества, давали тонъ и ясность всѣмъ моимъ отношеніямъ и ограждали отъ знакомствъ неровныхъ (sic) и безполезныхъ. Дома всегда занятъ какими-нибудь работами службы или трудами литературными; отдохновенія и развлеченія искалъ я то въ визитахъ по дѣлу или по долгу почтенія, то въ общественныхъ забавахъ. Такому порядку времени слѣдовалъ я зимою и осенью, а на весну и лѣто отправлялся на горы. По симъ

причинамъ польскіе плѣнные не искали и не могли находить во мнѣ знакомства и сотоварищества; они и по своему назначенію, и по воспитанію и по роду жизни не могли имѣть со мною ничего общаго, что бы дало поводъ къ какимъ либо отношеніямъ. Видалъ я нѣсколько плѣнныхъ, приходившихъ просить денежнаго вспомоществованія въ бѣдности, но между оными просителями милостыни ни одинъ не выказывалъ себя, ни казался какимъ-либо чиновникомъ. Это было прошедшей осенью и съ сего времени не былъ я безпокоимъ подобными посѣщеніями. Нѣкто изъ польскихъ плѣнныхъ Бѣнецкій списываетъ мнѣ набѣло переводъ сочиненія о Коломбѣ. Какой-то Meyer, находившійся подъ арестомъ, чинилъ мнѣ фортепіано и дѣлалъ эоловскую арфу. Одинъ неудачно переплеталъ книги, другой дѣлалъ мнѣ табакъ, но прозваній ихъ не знаю. Литорграфъ Кригштейнъ и топографъ Ярошинскій изрѣдка своимъ искусствомъ помогали моимъ занятіямъ. Но таковыя отношенія съ ремесленниками, не принадлежащими къ службѣ баталіонной, не могли рождать во мнѣ догадки, ни боязни о существованіи какихъ-либо тамъ замысловъ. Я же съ своей стороны никому и никогда не давалъ повода мнить, что я могъ бы въ оныхъ участвовать, а напротивъ, сколько разъ случалось говорить съ просящими милостыни или съ ремесленниками, сколько разъ убѣждалъ ихъ имѣть надежду на милостивѣйшее прощеніе, отличаться добрымъ поведеніемъ и учиться какому-либо ремеслу, въ чемъ найдутъ и отраду и способъ для лучшаго содержанія себя. Впрочемъ, несчастныя послѣдствія польской революціи (сами по себѣ) достаточны удержать всякаго плѣннаго отъ подобныхъ намѣреній. Сумазбродство и невозможность исполненія намѣреній, въ извѣтѣ изложенныхъ, слишкомъ ощутительны, дабы самая легковѣрная голова могла осмѣлиться спокойствіе службы и надежды на милостивѣйшее прощеніе промѣнять на вѣрную пагубу себѣ. Несправедливость и невѣроятность взведеннаго на меня доноса можно также видѣть и въ томъ, что меня именуютъ главнымъ предводителемъ мятежа. Извѣстно, что я не имѣю никакихъ ни свѣдѣній, ни опытовъ

въ военномъ искусствѣ, не умѣю владѣть ни лошадью, ни оружіемъ; не упражнялъ силъ моихъ гимнастикою, не привыченъ переносить труды и неудобства походовъ. Медленно и трудно текутъ мои размышленія и рѣчи, робкій мой голосъ и весь характеръ, слабое тѣло, пугливое сердце. Одинъ взглядъ пристальный на меня достаточенъ снять съ меня сіе невѣроятное, нелѣпое и безразсудное предводительство. Я увѣренъ, что столько возбуждаю чувствованій о добротѣ моей и благоразуміи, сколько нужно для недопущенія къ себѣ подлыхъ, вздорныхъ и тѣмъ паче сумазбродныхъ и злодѣйскихъ предложеній.

6., Въ поѣздкахъ моихъ по губерніи Оренбургской для геогностическихъ наблюденій ни въ прошедшемъ, ни въ нынѣшнемъ году нигдѣ поляковъ не видалъ и потому не могъ я съ ними имѣть никакого сношенія. Предметъ и способъ помянутыхъ поѣздокъ не требуютъ присутствія и вспомоществованія какихъ-либо людей, ибо во время перемѣны лошадей долженъ я былъ знакомиться не съ людьми, а съ камнями и окрестными произрастеніями. Свидѣтельствовать это могутъ чиновники мѣстъ, кои я проѣзжалъ, и лица, вмѣстѣ со мною сопутствовавшія тогда графу Сухтелену. Съ какою пользою употреблялъ я время, назначенное мнѣ для излѣченія на сергіевскихъ водахъ, доказываютъ составленныя тамъ мною геогностическія и ботаническія записки и коллекціи, а засвидѣтельствовать это можетъ генералъ Бекбулатовъ и полицеймейстеръ таможній.

7., Показаніе сіе (т. е, извѣтъ), равно какъ и предыдущія, совершенно несправедливо.

8., Ни съ однимъ изъ польскихъ плѣнныхъ никакой и никогда переписки не имѣлъ ни посредствомъ почты, ни посредствомъ какого-либо случая.

9., Съ бывшимъ рядовымъ Домбровскимъ, какъ и съ прочими плѣнными, знакомства, никакого и сношенія не имѣлъ. Въ первый и послѣдній разъ увидѣлъ я его отправляющагося на родину. Кживицкаго вовсе не знаю и не умѣю

сказать,—въ какихъ отношеніяхъ онъ находится съ Домбровскимъ?

10., Всегдашнее со мною имѣетъ квартированіе, съ дозволенія начальства, унтеръ-офицеръ Ковальскій, имѣющій смотрѣніе за всякимъ порядкомъ моего хозяйства. На время упросилъ я Сузина оставаться со мною на одной квартирѣ, пока его слабое здоровье не перестанетъ нуждаться въ дружеской заботливости. Къ общему нашему столу приходятъ Виткевичъ и Ивашкевичъ. Изрѣдка посѣщаютъ мою квартиру Хенцинскій Кригштейнъ и Ярошинскій.

11., Въ вышеозначенныхъ пунктахъ показалъ я самую истиную правду, а сверхъ сего не имѣю ничего объявить, кромѣ глубокой скорби, каковой наполнилъ меня сей неистовый извѣтъ. Боюсь, дабы неизвѣстныя мнѣ причины, кои навлекли на меня столь несправедливыя покааанія и повергнули меня на заключеніе и отвѣтствованіе, не отняли благъ иріобрѣтенныхъ постоянно добрымъ поведеніемъ и ревностной службой его императорскому величеству, и не навлекли безпокойство моей роднѣ, друзьямъ и благодѣтелямъ. Можетъ статься, что черты жизни моей также покажутся недостаточными къ ниспроверженію чернѣйшаго извѣта, какъ и жизнь сама не была способна обезпечить меня отъ онаго. Не умѣю себѣ представить возможности существованія между плѣнными злого намѣренія и тѣмъ болѣе съ моимъ именемъ связаннаго; не могу также полагать, чтобы тамъ великимъ злословіемъ очернилъ меня кто-либо изъ знающихъ меня лично и поведеніе мое, почему и предполагать долженъ я, что причиною сего на насъ извѣта есть зависть, которая, не терпя уваженія общаго, коимъ гордимся, и боясь сравненія нашей безкорыстной и правдолюбивой ревности къ службѣ со своимъ эгоистическимъ и ограниченнымъ служеніемъ, тайно сочинила и искусно настроила дѣло, коимъ надѣется убить насъ въ общемъ мнѣніи и затруднить нашъ путь къ благорасположенію и милости новаго начальника нашего, котораго высокая власть и просвѣщеннѣйшая справедливость да будетъ нашею опорою и защитою.

14-го класса Томашъ Занъ»[1]).

Показанія Зана, какъ и слѣдовало ожидать, произвели очень благопріятное впечатлѣніе на слѣдственную комиссію и, поэтому, вскорѣ послѣ того онъ былъ возвращенъ на свою квартиру. Та же г-жа Воронина, которая сообщила объ арестѣ Зана, уже 6 ноября 1833 года писала и о возвращеніи его на квартиру. «Вчера (5-го ноября 1833 года), писала г-жа Воронина, графъ Красновскій,[2]) который не былъ въ подозрѣніи, сказывалъ, будто Занъ уже въ своей квартирѣ, но не знаю,—свободенъ-ли онъ?“ [3]).

Хотя г-жа Воронина и сомнѣвается въ освобожденіи Зана одновременно съ его возвращеніемъ на квартиру, но мы болѣе склонны думать, что это было именно такъ, потому что слѣдственная комиссія пришла къ полному убѣжденію, что „никакихъ признаковъ заговора, а равно ничего подозрительнаго въ бумагахъ не найдено“. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Перовскій, который 11 ноября 1833 года рапортовалъ военному министру слѣдующее:

„Дѣйствія комиссіи продолжаются уже двѣ недѣли и хотя оныя не приведены къ окончанію, по недоставленію еще сюда нѣкоторыхъ поляковъ изъ самыхъ дальнихъ баталіоновъ, но при первыхъ допросахъ обнаружилось, что доносъ Мейера совершенно ложенъ: никакихъ признаковъ заговора, а ровно ничего подозрительнаго въ бумагахъ не найдено“[4])

Справедливо или нѣтъ наше предположеніе объ освобожденіи Зана,—мы не беремся рѣшать окончательно, но за то можемъ съ полною достовѣрностію утверждать, что 7 декабря 1833 года Занъ уже офиціально былъ уполномоченъ Перовскимъ на отправленіе своихъ обязанностей устроителя оренбургскаго музея. Объ этомъ говоритъ такое предписаніе Перовскаго „завѣдывающему оренбургскимъ музеумомъ, господину VIV-го класса Зану“.

---

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 25 ноября 1833 г. стр. 109—112.

[2]) Графъ Красновскій—полякъ, присланный въ Оренбургъ послѣ польскаго возстанія 1831 года. („Русскій Архивъ“ 1902 года, № 8, стр. 649).

[3]) „Русскій Архивъ“ 1902 года, № 8, стр. 657.

[4]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 29 октября 1833 года, стр. 6.

„Препровождая къ вамъ шнуровую книгу на 200-хъ листахъ, утвержденную подписомъ моимъ и печатью, предлагаю вашему благородію записывать въ оную всѣ поступившіе и впредь поступать имѣющіе въ оренбургскій музеумъ предметы, съ обозначеніемъ,—кѣмъ каждый изъ нихъ пожертвованъ. При семъ поручаю вамъ составить каталогъ всѣмъ, состоящимъ нынѣ въ музеумѣ предметамъ (также съ означеніемъ приносителей) и представить оный ко мнѣ" [1]).

Хотя слухъ, пущенный рядовымъ Мейеромъ и доведенный до свѣдѣнія оренбургскаго начальства мѣщаниномъ Стариковымъ, не имѣлъ особенно вредныхъ послѣдствій для Зана, но тѣмъ не менѣе онъ внесъ большую передрягу въ мирную жизнь Зана и во многомъ измѣнилъ его прежнія намѣренія. По всей вѣроятности, благодаря этой передрягѣ, отецъ Зана не рѣшился пріѣхать въ Оренбургъ, а въ 1837 году покинулъ навсегда этотъ городъ и самъ Занъ, предполагавшій первоначально найти въ немъ новую родину.

VI.

Дальнѣйшее пребываніе Зана въ Оренбургѣ и его отъѣздъ въ Петербургъ.

Производство Зана въ X-й классъ и запросъ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ объ оренбургскомъ музеѣ.—Отвѣтное отношеніе канцеляріи оренбургскаго военнаго губернатора.—Намѣреніе Перовскаго перевести оренбургскій музей въ училище земледѣлія и лѣсоводства.—Предписаніе Перовскаго о сдачѣ Заномъ оренбургскаго музея и. д. директора неплюевскаго военнаго училища, подполковнику Маркову.—Опись вещей, хранящихся въ оренбургскомъ музеѣ, и пожертвованія, поступившія въ него лично отъ Зана.—Предписаніе Зану о приведеніи въ порядокъ коллекцій музея.—Отъѣздъ Зана въ Петербургъ.

Хотя послѣ своего внезапнаго ареста Занъ уже далеко не съ прежней энергіей относился къ исполненію своихъ обязанностей устроителя или смотрителя оренбургскаго му-

---

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. погран., дѣло отъ 12 ноября 1830 года, стр. 338.

зея, однако тѣмъ не менѣе, по представленію Перовскаго, онъ былъ, повидимому, въ 1835 году произведенъ въ X классъ. Это можно видѣть изъ запроса канцеляріи министерства вн. дѣлъ объ оренбургскомъ музеѣ, сдѣланномъ по поводу производства Зана. Вотъ этотъ запросъ:

„Правительствующій сенатъ въ одномъ изъ указовъ своихъ на имя г. министра вн. дѣлъ изъяснилъ, что государь императоръ-вслѣдствіе всеподданнѣйшаго представленія оренбургскаго военнаго губернатора—всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: бывшаго кандидата виленскаго университета, а нынѣ смотрителя оренбургскаго музея, XIV-го класса Томаса Зана, произвести въ X-й классъ.

Какъ въ дѣлахъ о музеумахъ въ министерствѣ вн. дѣлъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній на счетъ оренбургскаго музеума, то канцелярія министерства вн. дѣлъ покорнѣйше проситъ канцелярію г. оренбургскаго военнаго губернатора доставить, буде можно, въ непродолжительномъ времени свѣдѣнія,—когда именно и на какомъ основаніи учрежденъ въ Оренбургѣ музеумъ и вообще что можетъ относиться до настѣящаго предмета“.[1])

Въ отвѣтъ на этотъ запросъ отъ 30 января 1836 года канцелярія оренбургскаго военнаго губернатора 18 февраля того же года послала такое отношеніе въ канцелярію министерства внутреннихъ дѣлъ:

„Канцелярія г. оренбургскаго военнаго губернатора—вслѣдствіе отношенія канцеляріи г. министра вн. дѣлъ отъ 30 января за № 340—имѣетъ честь увѣдомить, что въ 1830 году, предположивъ учредить при оренбургскомъ неплюевскомъ военномъ училищѣ музеумъ, который вмѣщалъ бы въ себѣ преимущественно всѣ произведенія оренбургскаго края, заключалъ также коллекціи одеждъ и оружія и другихъ предметовъ домашняго быта и промышленности разныхъ здѣшнихъ народовъ и другихъ странъ, бывшій оренбургскій военный губернаторъ, генералъ-адъютантъ графъ Сухтеленъ, обратился къ разнымъ особамъ, прося содѣйствовать завися-

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. погран., дѣло отъ 12 ноября 1830 года, стр. 318.

щими отъ нихъ средствами къ успѣшному ходу сего предпріятія.

Сдѣланныя вслѣдствіе этого пожертвованія, состоящія преимущественно изъ коллекцій ископаемыхъ здѣшняго края и частію хребта Алтайскаго, положили основаніе музею, въ смотрители коего опредѣленъ—по распоряженію графа Сухтелена- употреблявшійся здѣсь по пограничной части кандидатъ виленскаго университета Томасъ Занъ, болѣе какъ любитель, нежели по обязанностямъ службы.

Такъ какъ никакого штата для этого музеума не исходатайствовано, то недостатокъ способовъ и даже необходимаго помѣщенія, которое не было благовременно приготовлено, значительно затруднили устройство этого заведенія, нынѣшній военный губернаторъ, г. генералъ-адъютантъ Перовскій, желая устранить, по возможности, оказывающіяся въ успѣхѣ этого дѣла неудобства и затрудненія, сдѣлалъ уже распоряженіе объ устройствѣ на счетъ, состоящихъ въ вѣдѣніи его превосходительства, экономическихъ суммъ, приличнаго помѣщенія,[1]) въ которомъ могли бы быть размѣщаемы въ принятомъ порядкѣ состоящія уже и могущія поступить коллекціи, по исполненіи чего и по обезпеченіи способовъ къ приличному содержанію и надзору музея можетъ быть съ большею удобностію приступлено къ пріобрѣтенію вновь предметовъ для пополненія его".[2])

Такія намѣренія имѣлъ Перовскій относительно оренбургскаго музея, по словамъ отношенія губернаторской канцеляріи. Одновременно съ этимъ Перовскій выработалъ новое положеніе и для неплюевскаго военнаго училища, при которомъ находился оренбургскій музей. По новому положенію предполагалось, что „одинъ изъ учителей, находящихся

---

[1]) При училищѣ земледѣлія и лѣсоводства, которое было построено въ Оренбургѣ по мысли Перовскаго и открыто 18 февраля 1836 года (П. Н. Столпянскій: „Изъ прошлаго оренбургскаго края, изд. 1906 года, стр. 65). Но Перовскій, предполагавшій перевести оренбургскій музей въ училище земледѣлія и лѣсоводства, не успѣлъ сдѣлать этого, а 7 февраля 1867 года было закрыто и самое училище. (Тамъ же, стр. 66). Въ настоящее время въ зданіяхъ бывшаго училища земледѣлія и лѣсоводства, построенныхъ далеко за городомъ, по направленію къ Маячной горѣ, помѣщается арсеналъ оренбургскаго казачьяго войска. (Тамъ же, стр. 59).

[2]) Архивъ О. У. А. К., отд. погран., дѣло отъ 12 ноября 1830 года, стр 378.

при семъ училищѣ несетъ обязанность смотрителя училищнаго музея, и изъ штатныхъ суммъ, училища получаетъ жалованья 600 рублей" [1]).

Но, еще не дождавшись высочайшаго утвержденія новаго положенія для неплюевскаго военнаго училища, Перовскій сдѣлалъ такое предписаніе Зану: „Состоящій въ вѣдѣніи вашемъ музеумъ со всѣми принадлежностями и имѣющимися у васъ, до этого предмета относящимися, свѣдѣніями, прошу васъ, м. г., передать исправляющему должность директора оренбургскаго неплюевскаго военнаго училища, генеральнаго штаба подполковнику Маркову" [2]). Это предписаніе Перовскій сдѣлалъ 30 іюля 1837 года и тогда же онъ просилъ подполковника Маркова „не оставить подъ личнымъ наблюденіемъ своимъ поручить завѣдываніе музеемъ тому изъ учителей, кто по усердію къ службѣ и любви къ самому предмету пожелаетъ принять на себя эту обязанность" [3]).

Однако, повидимому, никто изъ учителей неплюевскаго военнаго училища не пожелалъ принять на себя хлопотливой и отвѣтственной обязанности смотрителя оренбургскаго музея и поэтому принимать его отъ Зана пришлось самому подполковнику Маркову, который своимъ рапортомъ отъ 13 іюля 1837 года увѣдомилъ Перовскаго, что „вещи, хранившіяся въ училищномъ музеумѣ, отъ бывшаго смотрителя онаго, X-го класса Зана, имъ приняты" [4]).

Изъ описи, составленной подполковникомъ Марковымъ и приложенной имъ къ своему рапорту, можно видѣть, что при сдачѣ Заномъ оренбургскаго музея въ немъ хранилось слѣдующее число предметовъ:

„*А*) *Ископаемыхъ*:

1., Горнокаменныхъ породъ . .	1500.
2., Рудъ и ископаемыхъ . . .	150.
3., Окаменѣлостей	63.
4., Минераловъ	610.

---

1) Архивъ О. У. А. К., отд. погран., дѣло отъ 12 ноября 1830 года, стр. 399.
2) Тамъ же, стр. 398.
3) Тамъ же.
4) Тамъ же, стр. 401.

Б) Ботаническихъ.

5., 13 травниковъ, содержащихъ растеній до . . . . 1800.
6., Сѣмянъ растеній . . . 45.
7., Деревъ въ кускахъ . . . 35.

В) Зоологическихъ.

8., Насѣкомыхъ до. . . . 2000.
9., Пресмыкающихся . . . 2.
10., Раковинъ . . . . . 125.
11., Рыбъ . . . . . 2.
12., Чучелъ птичьихъ . . . 44.
13., Яицъ . . . . . 100.
14., Чучелъ звѣрей. . . . 6.

Г) Статистическихъ.

15., Костюмовъ . . . . 13.
16., Предметовъ вооруженія . . 2.
17., Приборовъ для верховой ѣзды . 2.
18., Самолововъ 3
19., Агрономическихъ моделей. . 2.
20., Пробъ чугунныхъ издѣлій. . 24.
21., Метеорологическія наблюденія съ 1829 по 1837 годъ.

Д) Историческихъ:

22, Археологическихъ памятниковъ. 12.
23., Монетъ и медалей . . . 660.
24., Отпечатковъ . . . . 92.
25., Атласъ турецкихъ картъ . . 1.
26., Автографовъ . . . . 14.
27., Рукописей . . . . 5.
28., Книгъ . . . . . 60.
29., Гравюръ 6,
30, Портретовъ . . . . 9.[1]

Вотъ какое значительное число предметовъ находилось въ оренбургскомъ музеѣ во время сдачи его Заномъ подполковнику

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. погран., дѣло отъ 12 ноября 1830 года, стр. 402.

Маркову. Нужно замѣтить, что изъ этого числа предметовъ „собственно трудами г. Зана собрано и пожертвовано: а) горнокаменныхъ породъ до 1000 штуфовъ, б) травъ до 500 видовъ, в) насѣкомыхъ до 1000 и г) нумизматическихъ предметовъ до 80 піесъ".[1]) Но сдавши оренбургскій музей подполковнику Маркову, Занъ не совсѣмъ раздѣлался съ нимъ и 2 августа 1837 года получилъ такое предписаніе:

„Директоръ неплюевскаго военнаго училища, донося г. военному губернатору о принятіи отъ вашего благородія вещей, довелъ до свѣдѣнія его превосходительства, что изъ вещей этихъ одна значительнѣйшая часть минералогическихъ коллекцій не только не классифицирована, нв и не разобрана, а другая—фальшиво обнумерована Вслѣдстіе сего я по волѣ его превосходительства—прошу ваше благородіе заняться приведеніемъ этихъ коллекцій въ порядокъ, и по исполненіи донести его превосходительству".[2])

Однако Зану не пришлось выполнить это предписаніе: получивъ разрѣшеніе оставить Оренбургъ, онъ въ томъ же 1837 году выѣхалъ изъ него и перебрался изъ „столицы степей" въ приневскую столицу—Петербургъ, гдѣ и провелъ четыре года, занимая должность библіотекаря въ горномъ институтѣ и продолжая свои научныя занятія.[3])

VII.

ВМѢСТО ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

Вотъ что извѣстно намъ о жизни и дѣятельности магистра философіи Ѳомы Карловича Зана въ Оренбургѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что привычка Зана къ научнымъ занятіямъ была полезна не только ему самому, но и тому городу, въ которомъ онъ хотѣлъ найти „новую родину" и въ которомъ занялся устройствомъ мѣстнаго музея „болѣе какъ любитель, нежели по обязанностямъ службы". Нельзя не пожалѣть, что Перовскій не сумѣлъ по достоинству оцѣнить на-

---

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. погран., дѣло отъ 12 ноября 1830 г., стр. 402.

[2]) Тамъ же, стр. 404.

[3]) „Большая энниклопедія", т. IX, стр. 500. Въ „Энциклопедическомъ словарѣ" Брокгауза и Ефрона говорится, что Занъ „въ 1830 году былъ переведенъ библіотекаремъ въ Петербургъ, въ горный институтъ" (полут. XXIII, стр. 229) но полагаемъ, что въ виду сообщенныхъ нами документальныхъ данныхъ нѣтъ особенной нужды доказывать, что эта дата ошибочна и представляетъ собою, вѣроятно, плодъ простого корректурнаго недосмотра.

учной трудоспособности Зана и использовать ее такъ, какъ какъ сдѣлалъ это графъ Сухтеленъ, который бралъ Зана съ собою во время служебныхъ поѣздокъ по Оренбургской губерніи и которому тотъ представлялъ свои геогностическія и ботаническія записки, „какъ зрѣлый плодъ своихъ наблюденій и размышленій". Куда дѣвались эти записки Зана,— трудно сказать опредѣленно, но весьма возможно, что онъ отослалъ ихъ въ свое время въ Виленскій университетъ, куда переслалъ, какъ мы видѣли уже, и замѣтки своего товарища по несчастію—Алоизія Песляка.

О дальнѣйшей судьбѣ Зана мы можемъ сказать не очень многое. Прямо изъ Петербурга онъ вернулся на родину, поселился въ имѣніи брата, занялся сельскимъ хозяйствомъ и женился. Живя на родинѣ, онъ пользовался „большимъ почтеніемъ", какъ борецъ и страдалецъ за свободу отечества, дорогой матери, Польши. Досужая молва сильно преувеличила его страданія въ ссылкѣ и ложно утверждала, что Занъ десятки лѣтъ находился въ Сибири, работалъ въ рудникахъ и былъ прикованъ къ тачкѣ. . Одинъ авторъ такъ описываетъ свою встрѣчу съ Заномъ того времени.

„Былъ я, говоритъ онъ, уже въ послѣднемъ классѣ (витебской гимназіи) и вмѣстѣ съ другими получилъ отъ инспектора приглашеніе по субботамъ вечеромъ посѣщать его квартиру для педагогическихъ бесѣдъ и пользованія его библіотекой. Въ одинъ холодный и дождливый субботній вечеръ я и товарищъ мой Домбровскій послѣ нѣкотораго колебанія,—форменныя шинели плохо защищали отъ холода,— однакоже пошли къ инспектору на Смоленскій рынокъ—мѣстность очень удаленную отъ нашей ученической квартиры. Въ маленькихъ уютныхъ комнатахъ Тихоцкаго (инспектора) застаали мы много народу. Кромѣ гимназистовъ, тутъ былъ ксендзъ де-Вальденъ—жирный елейный старикъ; былъ преподаватель таксаторскихъ классовъ Нарбутъ, домовладѣлецъ Піотухъ и совершенно незнакомый намъ пожилой, полный, лысый господинъ, съ которымъ всѣ обращались сь большимъ почтеніемъ.

Это былъ польскій поэтъ Занъ, возвращенный изъ ссылки изъ Сибири. О, въ какой восторгъ пришли мы, молодежъ, когда узнали, кто такой гость Тихоцкаго, какъ жалѣли тѣ, которымъ не удалось быть у инспектора въ эту памятную субботу! Старикъ Занъ—добрый и кроткій человѣкъ обнялъ и перецѣловалъ всю молодежъ, а мы цѣловали его руки, на которыхъ были оковы каторжника. Намъ ксендзъ де-Вальденъ разсказывалъ, что поэтъ выстрадалъ десятки лѣтъ въ ссылкѣ, работалъ въ рудникахъ, былъ прикованъ къ тачкѣ...

Разумѣется все это былъ вздоръ выдумки. Занъ былъ просто сосланъ на поселеніе. Но мы де-Вальдену слѣпо вѣрили. Самъ поэтъ ничего подобнаго о своемъ пребываніи въ Сибири не говорилъ. Онъ искренно расплакался, знакомясь съ нами, и, всхлипывая, говорилъ:

—Милая, дорогая, благородная молодежь! Я вижу, я теперь вѣрю: Польша наша дорогая мать, не погибла. У нея такіе достойные сыны. Богъ сохранитъ и благословитъ васъ, дѣтки.

Рыданія прервали его слова. Мы всѣ тоже плакали и стали вокругъ его на колѣни. Тихоцкій тоже хотѣлъ встать. Но Занъ не допустилъ его преклониться, а обнялъ и поцѣловалъ, какъ руководителя такъ хорошо воспитанной молодежи. Занъ приподнялся со стула, что при его толщинѣ и старости было ему не легко, и сказалъ намъ: „Любите ваше отечество. Любовь къ родинѣ самое благородное чувство. Патріотъ не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ". Кто-то упомянулъ о москаляхъ. Но, къ нашему удивленію, старый поэтъ не одобрилъ этого и замѣтилъ:

—Не надо никакой и ни къ кому злобы. Москали! я ихъ знаю. И между ними много хорошихъ людей. Я не разъ испыталъ это въ дни моей ссылки. Русскіе не меньше насъ страдаютъ отъ деспотизма.

Ксендзу де-Вальдену и Тихоцкому, кажется не очень понравилась рѣчь Зана. Но, какъ другу Мицкевича, они и думать не могли противорѣчить ему. Больше мы Зана не видѣли" 1).

1) С. С. Окрейцъ: „Литературныя встрѣчи и знакомства". („Историч. Вѣстн." 1916 г., іюнь, стр. 618—619).

Послѣ этого тотъ же авторъ сообщаетъ еще слѣдующій, характерный для самаго Зана и его почитателей, случай. „Въ этомъ же году въ Могилевѣ было дворянское собраніе. Помѣщики, собравшіеся на выборы, купили Зану небольшое имѣньице въ Оршинскомъ уѣздѣ. Разсказывали, дѣло происходило такъ. Князь Любомирскій, губернскій предводитель, обратился къ поэту съ заявленіемъ, что дворянство считало бы за честь, если бы другъ Мицкевича купилъ имѣніе и поселился между ними.

—А на какія деньги мнѣ купить имѣніе—возразилъ Занъ —когда у меня всего состоянія только и есть, что вотъ эта монета?

Въ рукѣ у него былъ двугривенный. Но энтузіасты—дворяне сейчасъ же сдѣлали складчину, Любомирскій далъ тысячу рублей, другіе кто сколько пожелали, и имѣніе было куплено, маленькое, плохое, гдѣ-то около мѣстечка Смолякъ. Занъ былъ плохой хозяинъ. Когда онъ умеръ, жена его продала имѣніе и уѣхала въ Вильну[1]).

Умеръ Занъ, какъ извѣстно, въ 1855 году и на его могилѣ тотъ же князь Любомирскій поставилъ памятникъ съ надписью: „Любезный Богу и людямъ, благословенна его память“ [2]).

Да будетъ памятно имя Ѳомы Карловича Зана и Оренбургу, которому онъ успѣлъ сдѣлать кое-что полезное и изъ ссылки въ который вынесъ не злое, а доброе чувство къ „москалямъ“ и вообще къ русскимъ...

Священникъ *Николай Модестовъ.*

---

1) С. С. Окрейцъ; „Литературныя встрѣчи и знакомства“. („Историч. Вѣстн.“ 1916 года, іюнь, стран. 619).

2) „Русскій Вѣстникъ“ 1890 года, сентябрь, стран. 285.

Основаніе г. Оренбурга и первоначальное благоустройство его.

(По донесенію ст. сов. Ивана Кирилловича Кириллова въ св. Синодъ).

Просматривая описаніе документовъ, хранящихся въ архивѣ св. Синода, мы случайно натолкнулись на одинъ документъ, который нѣсколько дополняетъ имѣвшіяся доселѣ свѣдѣнія о первоначальномъ построеніи г. Оренбурга. Желая исправить неточности, вкравшіяся въ труды нѣкоторыхъ историковъ Оренбургскаго края и г. Оренбурга, мы и предприняли настоящій трудъ въ надеждѣ, что онъ не будетъ лишнимъ въ виду тѣхъ данныхъ, которыя, повидимому, не были извѣстны ранѣе мѣстнымъ историкамъ.

Такъ какъ документъ, о которомъ будетъ идти наша рѣчь, принадлежитъ статскому совѣтнику Ивану Кирилловичу Кириллову, то прежде всего мы должны познакомиться нѣсколько съ личностью и дѣятельностью этого человѣка, сыгравшаго довольно видную роль въ исторіи не только г. Оренбурга, но и всего Оренбургскаго края.

Иванъ Кирилловичъ Кирилловъ происходилъ изъ мѣщанъ; службу началъ въ сыскномъ приказѣ, но потомъ былъ переведенъ копіистомъ въ Сенатъ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго и сдѣланъ былъ секретаремъ сената, а 12 октября 1727 года назначенъ оберъ-секретаремъ сената [1]). Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Ивана Кирилловича и первый мѣстный историкъ—П. И. Рычковъ такъ

1) Будучи оберъ-секретаремъ сената, Кирилловъ написалъ статистическое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Цвѣтущее состояніе всероссійскаго государства". (Ключевскій: „Курсъ Русской исторіи", часть IV, стр. 259, изд. 2-е, Москва 1915 года).

отзывается о немъ: „Кирилловъ, хотя незнатной природы былъ, но прилежными своими трудами и острымъ понятіемъ въ канцеляріи Правительствующаго Сената, изъ самыхъ низкихъ чиновъ происходя, еще при жизни Петра Великаго въ чинъ сенатскаго секретаря произведенъ и при разныхъ случаяхъ имѣлъ счастіе достоинство свое со многимъ Его Императорскому Величеству удовольствіемъ засвидѣтельствовать, а особливо имѣвшеюся у него натуральною охотою къ ландкартамъ и географическимъ описаніямъ. Онъ первый взялъ на себя трудъ всероссійскія ландкарты собирать и чрезъ обрѣтающихся при Сенатѣ геодезистовъ атласъ Россійской Имперіи и генеральную россійскую ландкарту сочинять. Наукамъ хотя формально не былъ обученъ и оныхъ основательно не зналъ, но былъ великій рачитель и любитель наукъ, а особливо математики, механики, исторіи, экономіи и металлургіи, не жалѣя при этомъ нисколько своего труда и иждивенія. Впрочемъ, хотя онъ разные человѣческіе недостатки и пороки имѣлъ и въ томъ, яко человѣкъ, будучи при порученной ему комиссіи пострадалъ, и тѣмъ разныя на себя нареканія навелъ, но сію правду поистинѣ надлежитъ ему отдать, что онъ о пользѣ государственной паче своего, и яко онъ оренбургской новой линіи, которою не только вся Башкирь нынѣ ограждена, но и вся Казанская губернія и не малая часть Сибирской отъ степныхъ народовъ прикрыта, онъ *первый дѣйствительное основаніе положилъ*“ [1]). Къ этой характеристикѣ Кириллова Рычковымъ А. И. Добросмысловъ добавляетъ слѣдующее: „Кирилловъ, говоритъ онъ, былъ въ высшей степени человѣкъ дѣятельный, трудолюбивый и некорыстный, не оставившій послѣ смерти ничего, кромѣ долговъ. Онъ былъ большой знакокъ въ свое время Средней Азіи, но, какъ и большинство изслѣдователей того времени, интересовался не нравами или обычаями и вообще складомъ внутренней жизни азіатскихъ народовъ, а торговлей, промышлен-

---

1) П. И. Рычковъ: „Исторія Оренбургская“, изданіе 1896 года, стр. 28 и 29. Курсивъ какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, нашъ.

ностію, горными богатствами, производительностію почвы и управленіемъ" [1]).

Таковъ былъ Иванъ Кирилловичъ Кирилловъ, положившій основаніе г. Оренбургу. Очень естественно, что этотъ дѣятельный и съ пытливымъ умомъ человѣкъ не могъ ограничиться только оффиціальной стороной своей канцелярской службы и составилъ особый проектъ, въ которомъ высказалъ самыя блестящія надежды на обширную торговлю съ Средне-азіатскими ханствами и Индіей. Этотъ проектъ Кириллова' поданный имъ въ сенатъ, былъ представленъ какъ нельзя болѣе во время, такъ какъ въ началѣ 1734 года въ Петербургъ прибыло отъ киргизскаго хана Малой орды—Абулъ-Хаира посольство, которое просило о принятіи киргизъ въ русское подданство подъ условіемъ построенія для ихъ защиты особой *крѣпости при сліяніи рѣки Ори съ Ураломъ* и сохраненія на вѣчныя времена ханскаго достоинства въ родѣ Абулъ-Хаира.

Такъ какъ русское правительство давно уже думало о полномъ присоединеніи нынѣшняго Оренбургскаго края къ Россіи, то само собою понятно, что оно очень сочувственно отнеслось къ проекту Кириллова и даже самого его назначило начальникомъ т. н. „Извѣстной", названной впослѣдствіи уже прямо Оренбургской, экспедиціи, которая должна была осуществить планы Кириллова и намѣренія правительства. 18 мая 1734 года состоялось пожалованіе Кириллова статскимъ совѣтникомъ, а 4 іюня того же года Сенатъ особымъ указомъ извѣстилъ св. Синодъ объ отправкѣ Кириллова съ полковникомъ Алексѣемъ Тевкелевымъ „въ земли и народы азіатскіе для интересовъ Ея Величества" [2]).

Только что упомянутый полковникъ Алексѣй Тевкелевъ, происходившій изъ инородцевъ[3]) и потому хорошо знавшій

---

1) А. И. Добросмысловъ: „Башкирскій бунтъ 1735—1737 г." Труды Оренб. Уч. Арх. Ком., вып. VIII, стр. 103.

2) „Описаніе документовъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода", т. XVI, стр. 88.

3) По словамъ А. С. Пушкина, полковникъ Тевкелевъ былъ „природный башкирецъ" („Р. Старина" 1884 г., декабрь, стр. 579). Не другіе историки, напр., Чернавскій и Алекторовъ утверждаютъ, что Тевкелевъ происходилъ изъ татаръ. Болѣе вѣрнымъ обычно признается послѣднее мнѣніе.

инородческіе языки, былъ назначенъ помощникомъ Кириллова. Вмѣстѣ съ Кирилловымъ и Тевкелевымъ правительство, намѣреваясь устроить на Аральскомъ морѣ пристань, отправило: морского поручика, мичмана, штурмана, двухъ кондукторовъ, боцмана, галернаго мастера, галернаго ученика, 6 матросовъ, 2-хъ галерныхъ конопатчиковъ, 4-хъ плотниковъ и 2-хъ десятниковъ. Кромѣ того, при Кирилловѣ находилось: нѣсколько человѣкъ майоровъ. штабъ и оберъ-офицеровъ, 10 человѣкъ прапорщиковъ, 2 унтеръ-офицера, 30 человѣкъ капраловъ и рядовыхъ и нѣсколько человѣкъ геодезистовъ: 2 поручика, 4 подпоручика, 2 прапорщика, 2 бомбардира, 4 канонера, переводчикъ, бухгалтеръ, канцеляристъ, подканцеляристъ, копіистъ и писарь.

Но это былъ еще не полный составъ экспедиціи Кириллова. Когда Кирилловъ (29 іюня 1734 г.) прибылъ въ Москву, то здѣсь въ его распоряженіе были даны: бергъ-пробиръ, аптекарь, ботаникъ, исторіографъ, живописецъ, штыкъ-юнкеръ, прапорщикъ. комиссаръ, 17 человѣкъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, канцеляристъ, 2 подканцеляриста, 4 копіиста, хирургъ съ ученикомъ, ученый московскій священникъ (Антипа Мартиніановъ Ляминовъ) и нѣсколько человѣкъ студентовъ Славяно-Латинской Академіи [1]). Изъ Москвы экспедиція отправилась на одиннадцати судахъ и 10 ноября 1734 года Кирилловъ прибылъ въ Уфу.

Повидимому, все обѣщало полный и несомнѣнный успѣхъ экспедиціи Кириллова, но башкиры смекнули, что съ построеніемъ города при сліяніи рѣкъ Ори и Яика (Урала) они со всѣхъ сторонъ будутъ окружены русскими и потому рѣшили оказать вооруженное сопротивленіе Кириллову.

---

[1]) Считаемъ по безпутереснымъ отмѣтить здѣсь, что первоначально намѣревался отправиться въ экспедиціи И. К. Кириллова и будущій русскій ученый Мих. Вас. Ломоносовъ, хотѣвшій принять для этого санъ священника („Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 1912 года, февраль, стр. 116), но почему-то вмѣсто него былъ назначенъ, какъ мы видимъ, экспедиціоннымъ священникомъ московскій священникъ Антипа Ляминовъ.

Кромѣ того, мы можемъ сказать здѣсь, что въ экспедиціи И. К. Кириллова участвовалъ „*въ качествѣ бухгалтера*“ извѣстный исторіографъ Оренбурга Петръ Ивановичъ Рычковъ, который съ того времени „уже не выѣзжалъ изъ Оренбурга“. („Оренб. Листокъ“ 1878 года, № 20, и 1877 года, № 40).

Можетъ быть, если-бы Кириловъ раньше (еще въ Петербургѣ) узналъ о намѣреніи башкиръ, экспедиція и не состоялось-бы, но теперь, когда цѣль экспедиціи была уже такъ близка, отступать было поздно, да и не таковъ былъ Кирилловъ, чтобы остановиться предъ встрѣтившимся препятствіемъ. Чтобы облегчить подвозъ провіанта къ будущему Оренбургу изъ сибирскихъ магазиновъ Исетской провинціи и чтобы болѣе обезопасить безпрепятственное построеніе новаго города, Кирилловъ еще въ концѣ 1734 года основалъ на верхнемъ теченіи рѣки Яика (Урала) Верхнеяицкую крѣпость (нынѣшній г. Верхнеуральскъ), а весною слѣдующаго 1735 года (11 апрѣля) съ 15-ю ротами пѣхоты, 350-ю казаками и нерегулярными отрядами татаръ, калмыковъ, башкиръ и мещеряковъ выступилъ въ походъ къ мѣсту будущаго предположеннаго города.

Спустя четыре дня послѣ выступленія въ походъ Кириллова, на рѣку Чесновковку прибылъ вологодскій полкъ, подъ командой полковника Чирикова. Простоявъ тутъ около девяти дней, Чириковъ повелъ полкъ по слѣдамъ Кириллова и съ недѣлю шелъ благополучно. Но въ 160-ти верстахъ отъ Уфы, полкъ долженъ былъ вступить въ битву съ напавшими на него башкирами Юрматынской волости Ногайской дороги, и потерпѣлъ пораженіе. Чириковъ, полковой священникъ, лекарь, 18 драгунъ и 42 человѣка служащихъ были убиты и часть обоза разграблено. Тогда Кирилловъ, узнавъ о нападеніи башкиръ, послалъ вспомогательный отрядъ, но посланная команда, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ стычекъ съ башкирами, принуждена была возвратиться назадъ. Между тѣмъ поднялись башкиры Сибирской дороги, которые напали на шедшій изъ Сибири въ Верхне-яицкую пристань обозъ, освобожденный потомъ подполковникомъ Арсеньевымъ. Однакоже, несмотря на всѣ препятствія, оказываемыя башкирами, 1) Ки-

1) Доселѣ при изложеніи сообщаемыхъ нами свѣдѣній объ экспедиціи Кириллова мы пользовались слѣдующими пособіями: „Оренбургская епархія“ Н. Чернавскаго, вып. 1, стр. 31—49, „Исторія Оренбургской губерніи“ А. Алекторова, изд. второе 1883 г., стр. 13—28, „И. И. Неплюевъ и „Оренбургскій край“ В. Н. Витевскаго, стр. 138—142, „Изъ прошлаго Оренбургскаго края“ П. Н. Столпянскаго (изданіе „Оренбургской газеты“ 1906 г.), „Башкирскій бунтъ 1735—1737 г.“ А. Добросмыслова, („Труды“ Оренб. Уч. Арх. Ком. вып. VIII) и Топографія Оренб. губерніи“ П. И. Рычкова, но далѣе мы пойдемъ своими особымъ путемъ, основываясь главнымъ образомъ на донесеніи самого Кириллова въ св. Синодъ.

рилловъ 6 августа 1735 года достигъ по рѣкѣ Яику (Уралу) устья рѣки Ори и *въ тотъ-же самый день* основалъ здѣсь *Оренбургскую крѣпость*, которая должна была защищать строителей будущаго города отъ нападенія башкиръ.

В. Н. Витевскій[1]), Н М. Чернавскій[2]), П. Н. Столпянскій[3]), А. Алекторовъ[4]), и А. И. Добросмысловъ[5]), основываясь, вѣроятно, на указаніи П. И. Рычкова, утверждаютъ, что Оренбургская крѣпость была заложена Кирилловымъ 15 августа, но мы не можемъ согласиться съ этимъ, такъ какъ въ своемъ донесеніи Св. Синоду статскій совѣтникъ Иванъ Кирилловъ прямо говоритъ слѣдующее: „Повелѣніемъ Ея Императорскаго Величества велѣно мнѣ у устья Орскаго надъ рѣкою Яикомъ, между башкирскаго житья и кайсацкихъ, каракалпацкихъ и калмыцкихъ ордъ, построить новый городъ, *именемъ Оренбургъ, и 6 Августа 1735 года крѣпость, а 31-го того-же Августа городъ заложенъ*, а въ крѣпости деревянная церковь, въ которой нынѣ поставлена полковая св. апостола Андрея Первозваннаго“ [6]).

Основываясь на этомъ донесеніи самаго Кириллова, написанномъ вскорѣ-же послѣ этихъ событій, мы должны разойтись съ Н. М. Чернавскимъ и въ указаніи дня основанія города Оренбурга, такъ какъ онъ утверждаетъ, что г. Оренбургъ былъ заложенъ 30 августа, а не 31-го, какъ говоритъ самъ Кирилловъ.

Ни Столпянскій, ни Алекторовъ не повторяютъ этой ошибки потому только, что совсѣмъ не указываютъ даты основанія г. Оренбурга Кириловымъ. Что-же касается Витевскаго и Добросмыслова, то оба они говорятъ о днѣ основанія г. Оренбурга вполнѣ согласно съ донесеніемъ Кириллова, хотя въ днѣ заложенія крѣпости и расходятся съ нимъ.

---

1) В. Витевскій: „И. И. Неплюевъ“, стр. 142.
2) Н. Чернавскій: „Оренбургская епархія“, вып. 1, стр. 47.
3] П. Столпянскій: „Изъ прошлаго Оренбургскаго края“, стр. 9.
4) Алекторовъ: „Исторія Оренб. губерніи“, стр. 24.
5) „Башкирскій бунтъ 1735—1737 г.“ „Труды“ Оренб. Уч. Арх. Ком. вып. VIII стр. 22).
6) „Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ св. Правит. Синода“, изданіе 1906 г., т. XVI, стр. 87.

Но главный интересъ донесенія Кириллова заключается не въ этомъ, а въ дальнѣйшихъ его словахъ, къ которымъ мы сейчасъ и обратимся.

Сообщая св. Синоду о заложеніи крѣпости и города Оренбурга, а тмкже о построеніи *первой церкви Андрея Первозваннаго*, а не Преображенія, какъ утверждаетъ Алекторовъ,[1]) Кирилловъ говоритъ: „Въ новозаложенномъ городѣ, въ самомъ его центрѣ, построена быть имѣетъ *соборная церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы*. Въ Оренбургѣ-же заведены *латинская и русская съ довольнымъ числомъ учащихся, такожъ арабская и калмыцкая школы* и чрезъ чинившуюся проповѣдь Слова Божія, при самомъ еще сего дѣла началѣ *нѣсколько человѣкъ махометановъ, калмыкъ и безвѣрниковъ, христіанскій законъ нашъ приняли* и впредь воспріятіе онаго многими весьма надежно“.

Въ виду всего этого Кирилловъ обращается въ св. Синодъ съ просьбою „для отправленія въ соборной церкви службъ и проповѣди, для утвержденія въ христіанскомъ законѣ воспріявшихъ оный и наставленія къ воспріятію приходящихъ, такожъ и для школьнаго обученія новокрещенныхъ дѣтей, опредѣлить *изъ ученыхъ людей протопопа*, котораго назначить *ректоромъ* и надъ школами, а къ нему въ сослужители, а надъ школами *префектомъ-ключаря* да *двухъ священниковъ*, ихъ-же и въ школахъ *учительми*, дабы они могли преподать учащимся и толкованіе катехизма (sic) да для священнослуженія-жъ и *школьнаго обученія двухъ діаконовъ и четырехъ церковниковъ* (т. е. дьячковъ, а по нынѣшнему, псаломщиковъ), которые-бъ могли содержать первыя двѣ латинскія школы *фару и инфиму, такожъ и русскую*, а съ временемъ, обучившись арабскаго, татарскаго и калмыцкаго языковъ, безвѣрникамъ *природными ихъ языками наставленіе чинить и нужное къ вѣдѣнію христіанскаго закона переводить*“.

Въ концѣ своего доношенія Кирилловъ просилъ св. Синодъ произвести „въ протопопа и ректора находящагося при немъ іерея Антипу, *который крестилъ нѣсколькихъ иновѣрцевъ*,

1) А. Алекторовъ: “Исторія Оренбургской губерніи“, стр. 24.

и впредь въ семъ богоугодномъ подвигѣ совершенная о немъ есть надежда, а жалованья опредѣлено ему нынѣ *триста рублей* въ годъ и хлѣбной и столовой припасъ" [1].

Таково было по прежней терминологіи[2]) „доношеніе", а по нынѣшней—прошеніе статскаго совѣтника Ив. Кириллова, доложенное въ св. Синодѣ $\frac{\text{20 февраля}}{\text{21 марта}}$ 1736 года.

Къ сожалѣнію это „доношеніе" Кириллова дошло до насъ не въ полномъ своемъ видѣ, а только въ изложеніи, сдѣланномъ докладчикомъ и занесенномъ въ протоколъ. Однако и въ такомъ видѣ оно представляетъ не малый интересъ для насъ, такъ какъ по всѣмъ признакамъ оно приведено было докладчикомъ вполнѣ добросовѣстно, т. е. весьма полно, а иногда и почти дословно, и поэтому мы можемъ отнестись къ нему съ полнымъ довѣріемъ въ его достовѣрности.

Весьма характерно для Кириллова то, что съ самыхъ первыхъ дней существованія Оренбурга онъ завелъ въ немъ уже латинскую, русскую, арабскую и калмыцкую школы съ довольно опредѣленно выраженнымъ миссіонерскимъ назначеніемъ Интересны въ этомъ отношеніи и дальнѣйшія предположенія Кириллова, для выполненія которыхъ онъ и обратился съ своимъ „доношеніемъ" въ св. Синодъ. Стремясь къ полному подчиненію инородцевъ, населявшихъ нынѣшній Оренбургскій край, русскому правительству, Кирилловъ не хотѣлъ дѣйствовать въ этомъ направленіи только силою оружія. Не отказываясь отъ оружія въ тѣхъ случаяхъ, когда это было особенно нужно, онъ въ тоже время, очевидно, прекрасно сознавалъ, что наилучшимъ средствомъ для дѣйствительнаго подчиненія инородцевъ русскому вліянію и ослабленія ихъ религіознаго фанатизма можетъ служить только ознакомленіе ихъ съ христіанской цивилизаціей путемъ школы, которую онъ хотѣлъ повидимому, устроить на очень широкихъ для того времени началахъ, и путемъ христіанской проповѣди на *инородческихъ языкахъ*. Для завѣдыванія этой школой, осно-

---

1) „Описаніе документовъ и дѣлъ хранящихся въ Архивѣ Св. Правительствующаго Синода", изд. 1906 г., т. XVI, стр. 87--88.

2) По прежней терминологіи прошеніе „о дачѣ пашпорта" тоже было доношеніемъ (см., напр., „Опись докум. и дѣлъ Архива Св. Синода", т. VIII, стр. 431).

ванной тотчасъ послѣ заложенія Оренбурга, Кирилловъ подыскалъ ученаго человѣка въ лицѣ одного изъ членовъ Оренбургской экспедиціи, священника Антипа Мартиніанова Ляминова, которому и назначилъ весьма большое по тому времени жалованье—въ триста рублей съ особыми хлѣбными и столовыми припасами.

Интересно посмотрѣть теперь,—какъ отнесся къ этому, задуманному Кирилловымъ, предпріятію св. Синодъ?.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ особомъ постановленіи св. Синода, сдѣланномъ по поводу „доношенія" Кириллова и поэтому намъ необходимо познакомиться теперь съ дальнѣйшимъ теченіемъ этого дѣла. Оно было таково.

Когда донесеніе Кириллова было доложено св. Синоду, то для справки были выписаны: „Выс. указъ, сообщенный Сенатомъ св. Синоду 4 іюня 1734 года, объ отправкѣ ст. совѣтника Кириллова и съ нимъ полковника Алексѣя Тевкелева въ земли и народы азіатскіе для интересовъ Ея Величества и Синодальное опредѣленіе по сему указу отъ 21 августа того-же (1734) года, выписка изъ вѣдомости, поданной въ 1727 году бывшимъ архимандритомъ Заиконоспасскаго училищнаго монастыря Гедеономъ, въ коей показанъ между прочимъ изучившій русскій языкъ и пребывающій въ латинскомъ ученіи, происшедшій до богословскихъ наукъ Антипа Ляминовъ и опредѣленіе имѣвшагося въ Москвѣ св. Синода отъ 28 августа 1734 года объ отправленіи въ Оренбургскую экспедицію къ статскому совѣтнику Кириллову священника Замоскворѣцкаго сорока церкви великомученицы Параскевы[1]) Антипа Мартиніанова".

---

1) Въ настоящее время эта церковь офиціально называется Пятницкой, на Пятницкой улицѣ, а прежде она называлась церковью „Параскевы Пятницы, именуемой „Прощи"; Антипа Мартіановъ былъ опредѣленъ священникомъ этой церкви прямо изъ школьниковъ въ концѣ 1729 года на мѣсто священника Ивана Филиппова, который перешелъ на новое мѣсто къ Успенію, что въ Кожевникахъ. Судя по дѣлу, возникшему у священника Ивана Филиппова съ его предмѣстникомъ изъ—за уплаты денегъ за домъ, можно думать, что въ то время Пятницкій приходъ былъ очень бѣдный. Это, вѣроятно, и послужило главной побудительной причиной къ тому, чтобы священникъ Антипа Мартиніановъ согласился перемѣнить спокойную жизнь приходскаго московскаго священника на безпокойную и опасную карьеру священника Оренбургской экспедиціи.

„По выслушаніи доношенія и справокъ св. Синодомъ 20 февраля 1736 года постановлено: строеніе соборной церкви во вновь заведенномъ городѣ Оренбургѣ позволить и произвесть къ оной въ *протопопы* Антипу Мартиніанова, удостоить его и *въ чинъ ректора* для лучшаго смотрѣнія *надъ учрежденными* въ означенномъ городѣ *словяно-латинскими школами*; опредѣлить къ сему-же собору *ключаря*, а надъ школами *префекта* [1]), *двухъ священниковъ*, а въ тѣхъ школахъ учителей, да для священно и церковно-служенія-жъ и *школьнаго обученія двухъ діаконовъ и четырехъ причетниковъ*, которые, во-первыхъ, могли-бъ *фару и инфиму* ученикамъ задавать и *русскія школы* содержать, выбравъ ихъ изъ ученыхъ людей, гдѣ и откуда возможно; ходатайствованіе о содержаніи всѣмъ означеннымъ лицамъ и на церковныя потребы и школьнымъ ученикамъ имѣть статскому совѣтнику Кириллову; ректору и префекту съ товарищи въ содержаніи школъ и студентовъ съ благимъ усердіемъ и сколько когда въ школахъ обращаться будетъ учениковъ, какихъ націй и кто до каковыхъ наукъ будутъ происходить, *присылать св. Синоду вѣдомости* по каждой вакаціи. Выборъ ключаря и прочихъ священно и церковно-служителей предоставленъ Московской Синодальной Канцеляріи“ [2]).

„22 февраля священникъ Антипа Мартиніановъ, по порученію св. Синода (былъ) произведенъ въ протоіереи пребывающимъ въ С.-Петербургѣ на чредѣ священнослуженія Архангело-городскимъ архіепископомъ Аароном“.

Этимъ послѣднимъ извѣстіемъ и заканчивается дѣло *„По доношенію статскаго совѣтника Кириллова о произведеніи обрѣтающагося при немъ священника Антипы Мартиніакова въ протоіереи къ соборной церкви въ новозаведенномъ городѣ Оренбургѣ, а также и о построеніи въ Оренбургѣ церкви и объ опредѣленіи къ заведеннымъ въ семъ городѣ училищамъ ректора, префекта и учителей“* [3]). Такимъ образомъ, не остается

---

[1] Т. е. инспектора.
[2] Т. е. нынѣшней московской синодальной конторѣ.
[3]) „Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Пр. Синода“, С.П.В. 1906 г., т. XVI, стр. 87—89.

никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ мѣропріятія Кириллова, связанныя съ церковнымъ благоустройствомъ г. Оренбурга и съ его заботами о мирномъ завоеваніи инородцевъ путемъ христіанскаго просвѣщенія, были приняты св. Синодомъ безъ всякихъ измѣненій и вполнѣ одобрены имъ. Св. Синодъ отклонилъ только отъ себя заботы о содержаніи школъ, заведенныхъ Кирилловымъ, предоставивъ это самому Кириллову. Но высшее наблюденіе надъ этими школами св. Синодъ оставилъ всетаки за собою, обязавъ училищное начальство ежегодно представлять ему „по каждой вакаціи" вѣдомость о числѣ, составѣ и успѣхахъ учащихся.

Въ объясненіе такого скораго и легкаго разрѣшенія св. Синодомъ школъ, заведенныхъ въ Оренбургѣ Кирилловымъ, мы можемъ сказать, что идея устройства такихъ школъ была не совсѣмъ новой. Еще въ 1724 году архимандритъ Иркутскаго Вознесенскаго монастыря Антоній обращался въ св. Синодъ съ ходатайствомъ „объ учрежденіи въ этомъ монастырѣ школы для обученія священно и церковнослужительскихъ дѣтей и сиротъ монгольскому языку. Но мысль объ учрежденіи этой школы принадлежала не самому архимандриту Антонію, а лейбъ-гвардіи преображенскаго полка капитану Льву Измайлову, бывшему чрезвычайнымъ посломъ въ Китаѣ. Вотъ что писалъ архимандритъ Антоній въ св. Синодъ: „прошедшаго 721 года чрезвычайный посланникъ Левъ Измайловъ, посыланъ въ Китайское государство для нѣкоторыхъ нуждъ царственныхъ, которому въ бытіе мое при немъ, на границу, прежде поѣздки въ Китай, прислана грамота мунгольскаго (sic) писанія,—и не нашли ни единаго переводчика изъ русскихъ людей, чтобъ перевелъ грамоту, о чемъ зѣло сумнителенъ былъ господинъ посланникъ; токмо нашли отъ нихъ же самихъ, мунгольскаго рода, новокрещеннаго, который мало зналъ писаніе, и насилу въ два дни перевелъ на русскій діалектъ мунгольское писаніе, о чемъ сумнѣніе было—такъ или не такъ переведено. Тогда господинъ посланникъ говорилъ мнѣ, что близко пограничные города государя нашего, а духовенство-де не заведетъ дѣтямъ школы мун-

гольскаго языка; и сіе прибавилъ, что езопы[1]) изъ Европіи (sic) ѣздятъ, не имуще никакого акциза пограничнаго, къ мунголамъ и китайцамъ, только сами отъ себя, какъ языкъ разныхъ народовъ, такъ и обычай довольно знаютъ, а нашеде духовенство и пограничнаго языка не знаетъ. И того времени господинъ посланникъ совѣтовалъ мнѣ, робятъ сиротъ собравши, завести мунгольскаго языка школу."[2])

Вотъ еще когда и при какихъ обстоятельствахъ зародилась у насъ въ Россіи мысль объ устройствѣ школъ для изученія инородческихъ языковъ. Мысль эта явилась не самостоятельно, а была взята изъ примѣра католическихъ миссіонеровъ—о. о. іезуитовъ. Очевидно, эту-то мысль[3]) и хотѣлъ провести въ жизнь Кирилловъ при основаніи своихъ школъ въ Оренбургѣ.

Что-же касается дальнѣйшей судьбы этихъ школъ, то намъ нигдѣ не приходилось встрѣтить какое-либо указаніе на ихъ существованіе въ прежнемъ Оренбургѣ и, поэтому, въ рѣшеніи этого интереснаго вопроса намъ по необходимости приходится ограничиться только возможными предположеніями. Такъ какъ впослѣдствіи Кирилловъ избралъ мѣстомъ главнаго управленія Оренбургской экспедиціи городъ Самару[4]),

---

1) Т. е. іезуиты.

2) „Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Прав. Синода", т. IV, стр. 423—429. Указомъ 11 августа 1725 года св. Синодъ разрѣшилъ устроить при Иркутскомъ Вознесенскомъ монастырѣ школы для обученія сиротъ монгольскому и китайскому языкамъ. („Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству Православнаго Исповѣд.", т. V, стр. 161).

3) Повидимому, мысль о пріобщеніи инородцевъ къ русской культурѣ путемъ христіанскаго просвѣщенія зародилась въ Кирилловѣ еще гораздо ранѣе построенія Оренбурга. Намъ извѣстенъ такой случай, относящійся еще къ 1728 году. Какой-то татаринъ Суханка, содержавшійся въ острогѣ, заявилъ о своемъ желаніи креститься. Для наученія вѣрѣ христіанской и крещенія Сенатъ отправилъ Суханку въ Славяно-Греко-Латинскую Академію. Воспріемникомъ Суханки при крещеніи пожелалъ быть сенатскій оберъ-секретарь Иванъ Кирилловъ, который просилъ Сенатъ, а этотъ въ свою очередь—Синодъ, чтобы Суханку, нареченнаго въ крещеніи Симеономъ, оставить при Академіи на годъ для обученія русской грамотѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ сдѣлать изъ него переводчика. Синодъ исполнилъ желаніе Сената, и Симеону, въ качествѣ ученика Академіи, назначены были кормовыя деньги—по 3 к. на день изъ средствъ Синодальной Коллегіи. Но Симеонъ обманулъ довѣріе и Кириллова и Сената. 11 марта 1730 г. архимандритъ Германъ донесъ въ св. Синодъ, что „означенный Симеонъ изъ Академіи неизвѣстно куда бѣжалъ". („Опись докум. и дѣлъ, хранящихся въ Арх. Св. Пр. Синода", т. VIII. стр. 409). Однако. этотъ неудачный опытъ пріобщенія инородца къ русской культурѣ, какъ мы видимъ, далеко не охладилъ рвенія Кириллова, тѣмъ болѣе, что онъ смотрѣлъ на заведенныя имъ школы и съ другой точки зрѣнія,—какъ на средство для образованія необходимаго русскому правительству кадра ученыхъ толмачей или переводчиковъ, какъ показываетъ приведенный нами случай изъ жизни Кириллова.

4) Витевскій: „И. И. Неплюевъ", стр. 151.

то всего вѣроятнѣе, что и школы, заведенныя въ Оренбургѣ, онъ перевелъ туда-же—поближе къ себѣ. В. Н. Витевскій, повидимому, со словъ академика Пекарскаго, ставитъ въ особенную заслугу преемника Кириллова—Вас. Никит. Татищева то, что онъ „успѣлъ завести въ Самарѣ *школу для калмыковъ и татаръ*“ и что „по его-же иниціативѣ и плану стали переводить книги съ восточныхъ языковъ на русскій и составлять татарско-калмыцкій словарь“[1]). Но въ виду сказаннаго нами ранѣе мы думаемъ, что въ дѣлѣ заведенія инородческихъ школъ Татищевъ менѣе всего былъ самостоятеленъ; онъ только продолжалъ, какъ намъ кажется, дѣло, заведенное и достаточно налаженное его предмѣстникомъ—Кирилловымъ. На переведеніе Оренбургскихъ школъ въ Самару указываетъ отчасти и дальнѣйшее пребываніе въ Самарѣ протопопа и ректора Антипа Мартиніанова, а не Мартіанова, какъ называетъ его Витевскій. Мы даже думаемъ, совершенно напротивъ, что Татищевъ, какъ вольнодумецъ Петровскаго времени[2]), меньше всего сочувствовалъ школьной затеѣ Кириллова и старался съ своей стороны по возможности, если не совсѣмъ свести на нѣтъ, то, по крайней мѣрѣ, тормозить это дѣло, воздвигнувъ гоненіе на бывшаго сподвижника Кириллова—ректора и протопопа Антипу. въ лицѣ котораго Татищевъ встрѣтилъ вѣроятно твердаго поборника и защитника заведенныхъ Кирилловымъ школъ. Что-бы ни доносилъ Татишевъ на протопопа и ректора Антипу[3]) и какъ-бы худо не думалъ о немъ Витевскій[4]), но во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что протопопъ Антипа принадлежалъ къ наиболѣе образованнымъ людямъ своего времени[5]), почему и былъ однимъ изъ любимыхъ и довѣренныхъ сподвижниковъ Кириллова. Не даромъ послѣдній почти тотчасъ-же по основаніи Оренбурга и еще до построенія соборнаго храма обращается

---

[1]) Витевскій: „И. И. Неплюевъ“, стр. 157.
[2]) Р. Старина 1887 г., іюнь, стр. 563.
[3]) Объ этомъ см. у Витевскаго: „И. И. Неплюевъ“, стр. 156.
[4]) Тамъ-же, стр. 178.
[5]) Въ сохранившемся спискѣ учениковъ Славяно-Греко-Латинск. учил. за 1727 годъ Антипа Ляминовъ значится вторымъ ученикомъ, „происшедшимъ въ латинской школѣ до богословскихъ наукъ“. (Опис. докум. и дѣлъ, хранящихся въ Арх. св. Синода, т. VII, стр. CXLVI).

въ св. Синодъ съ просьбою[1]) о произведеніи „въ протопопа и ректора“ обрѣтающагося при немъ священника Антипы Мартиніанова, которому онъ не побоялся довѣрить свое прошеніе даже для личнаго врученія св. Синоду. За послѣднее говоритъ простое сопоставленіе слѣдующихъ цифръ: 20 февраля 1736 г. было доложено св. Синоду прошеніе Кириллова, а 22 февраля того-же года Антипа Мартиніановъ уже былъ произведенъ въ протоіереи. Такой быстротѣ производства Антипы Мартиніанова въ протоіереи могло содѣйствовать только личное ходатайство Антипы въ св. Синодѣ, а двери Синода могли открыться для него только при личномъ врученіи имъ прошенія Кириллова.

При разсмотрѣніи „доношенія“ Кириллова невольно возникаетъ слѣдующій вопросъ: былъ-ли построенъ Кирилловымъ въ Оренбургѣ тотъ благовѣщенскій соборъ, построеніе котораго разрѣшилъ ему св. Синодъ и къ которому онъ назначилъ протоіерея Антипу съ цѣлымъ штатомъ священно-церковно-служителей? Начавшійся еще въ 1735 году башкирскій бунтъ, продолжавшійся и въ послѣдующіе годы, затѣмъ скорая смерть Кириллова и существующій еще съ 1735 г.[2]) Преображенскій соборъ въ г. Орскѣ (прежнемъ Оренбургѣ), повидимому, говорятъ за отрицательное рѣшеніе этого вопроса. Но имѣя въ виду съ другой стороны, что Кирилловъ былъ человѣкъ, несомненно, весьма энергичный, не любившій откладывать задуманнаго дѣла въ долгій ящикъ, трудно предположить, чтобы онъ оставилъ своего любимца, протоіерея Антипу, такъ сказать, висѣть на воздухѣ, не прикрѣпивъ его къ собору. Да и что могло помѣшать Кириллову, если ни въ построеніи, то, по крайней мѣрѣ, въ закладкѣ Благовѣщенскаго собора? Башкирскій бунтъ? Вѣдь не помѣшалъ-же этотъ самый бунтъ Кириллову для большаго обезпеченія дальнѣйшаго существованія г. Оренбурга заложить въ томъ-же 1736 году въ Табынскѣ 14-го іюля „земляной

---

[1]) Оренбургъ былъ заложенъ 31 августа 1735 года, а въ январѣ 1736 года въ св. Синодъ уже поступило прошеніе Кириллова.

[2]) Н. Чернавскій: „Оренбургская епархія“, вып. 1, стр. 295.

городъ о пяти бастіонахъ и *церковь*".[1]) Кромѣ того, намъ извѣстно, что при Кирилловѣ и, вѣроятно, не безъ его личнаго участія построены были въ 1736 году еще слѣдующія крѣпости: Губерлинская, Озерная (Верхне-Озерная) Камышъ-Самарская (впослѣдствіи Татищевская), Бердская, Бузулукская, Красно-Самарская, Борская, Міасская, Чебаркульская, Едляцкая и Нагайбацкая[2]). Видя эту энергичную дѣятельность Кириллова за предѣлами Оренбурга, зная, что и въ крѣпостяхъ онъ прежде всего строилъ церкви[3]), трудно и даже невозможно представить, чтобы такой христіанинъ, какъ Кирилловъ оставилъ цѣлый городъ, предназначенный быть административнымъ и религіозно-просвѣтительнымъ центромъ, безъ соборнаго храма. Всего вѣроятнѣе, что Кирилловъ успѣлъ заложить Благовѣщенскій соборъ еще въ 1735 году тотчасъ-же послѣ отсылки своего донесенія въ св. Синодъ, которому въ январѣ 1736 года-уже было представлено оно, по мѣсту своего назначенія[4]). Можно думать даже, что Кирилловъ потому и поспѣшилъ съ своимъ донесеніемъ въ св. Синодъ, что хотѣлъ, какъ можно скорѣе, приступить къ постройкѣ Благовѣщенскаго собора, но не рѣшался дѣлать это безъ разрѣшенія св. Синода: вѣдь соборъ—не крѣпостная церковь, для которой у Кириллова имѣлся уже готовый походный иконостасъ, антиминсъ и священникъ. Самовольная постройка собора, для котораго требовался цѣлый особый штатъ священно-церковно-служителей, была-бы дѣломъ довольно рискованнымъ даже для Кириллова. Вотъ почему мы приходимъ къ тому убѣжденію, что, несмотря на башкирскій бунтъ, несмотря на преждевременную кончину Кириллова, онъ всетаки успѣлъ построить въ г. Оренбургѣ задуманный имъ Благовѣщенскій соборъ. Соборъ этотъ, вѣроятнѣе всего, былъ деревянный и построенъ, какъ говорится, на живую руку, вслѣдствіе чего весьма скоро пришелъ въ ветхость и потребовалъ

---

1) Труды Оренб. Уч. Арх. Ком., вып. VIII, стр. 88.
2) Н. Чернавскій: „Оренбургская епархія", вып. I, стр. 47.
3) Такъ было въ Оренбургской крѣпости и въ Табынской.
4) „Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ св. Прав. Синода", т. XVI, стр. 87.

капитальнаго ремонта. Вмѣсто-же ремонта въ 1750 году[1]) былъ построенъ прямо новый соборъ, уже каменный, наименованный почему-то Преображенскимъ, а не Благовѣщенскимъ. Примѣровъ подобнаго переименованія церквей при ихъ перестройкѣ или возобновленіи можно-бы было привести весьма много, но, чтобы не ходить за примѣрами далеко, укажемъ на существующую доселѣ въ г. Оренбургѣ церковь Вознесенія, которая прежде называлась Благовѣщенскою и находилась надъ воротами гостинаго двора[2]).

Попытаемся теперь суммировать все сказанное нами доселѣ, т. е. сдѣлать необходимые выводы изъ донесенія Кириллова. По нашему мнѣнію, основываясь на донесеніи Кириллова св. Синоду, мы можемъ считать твердо установленными слѣдующіе факты:

1) Оренбургская крѣпость при устьѣ р. Ори была застроена не 15 августа, а 6 августа 1735 года.

2) Съ самаго начала Оренбургской крѣпости въ ней была построена церковь св. апостола Андрея Первозваннаго.

3) Городъ Оренбургъ при устьѣ р. Ори былъ заложенъ Кирилловымъ не 30 августа, а 31 августа 1735 года.

4) Съ самыхъ первыхъ дней существованія г. Оренбурга въ немъ были заведены Кирилловымъ съ миссіонерскою цѣлью латинская, русская, арабская и калмыцкая школы, преподаваніе Закона Божія въ которыхъ должно было вестись на инородческихъ языкахъ.

5) Первымъ соборнымъ протоіереемъ г. Оренбурга былъ протопопъ Антипа Мартиніановъ Ляминовъ.

Что-же касается построенія въ г. Оренбургѣ Благовѣщенскаго собора, то, хотя оно весьма вѣроятно, но требуетъ еще подтвержденія документальными данными, которыхъ у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ руками и поэтому отнести и его къ числу безспорныхъ фактовъ мы не можемъ пока. Же-

---

[1]) Архивъ О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 14 іюня 1862 года.

[2]) Вотъ какъ описываетъ Витевскій гостиный дворъ въ Оренбургѣ. „Онъ, говоритъ Витевскій, находился на Большой, или Губернской улицѣ, съ которой во внутренность двора вели ворота съ церковью устроенною надъ ними, *во имя Благовѣщенія Божія Матери*“ („И. И. Неплюевъ“, стр. 724).

лалось-бы, чтобы кто-нибудь изъ имѣющихъ свободный доступъ въ архивъ мѣстной консисторіи, вновь занялся-бы разсмотрѣніемъ этого темнаго вопроса и вывелъ бы его изъ темноты къ свѣту.

Въ заключеніе нашего очерка мы должны сказать еще слѣдующее. Недешево обошлось построеніе города Оренбурга русскому правительству: помимо чрезвычайныхъ расходовъ то на подарки киргизъ-кайсакамъ, то на другія нужды, на одно содержаніе Оренбургской экспедиціи велѣно было отпускать ежегодно по 50.000 рублей изъ суммъ Екатеринбургскихъ казенныхъ горныхъ заводовъ. Недешево обошлось оно и башкирамъ: деревни ихъ были раззорены и выжжены, цѣлыя тысячи башкиръ были казнены или сосланы въ Рогервикъ[1]) и въ Остзейскіе полки, въ извозчики, солдаты и матросы; цѣлыя тысячи башкирскихъ женъ и дѣтей были розданы по рукамъ русскихъ. Башкиры, оставшіеся на своихъ мѣстахъ, даромъ должны были доставлять на войско провіантъ, фуражъ и лошадей[2]). Но дороже всего обошлось построеніе г. Оренбурга самому иниціатору Оренбургской экспедиціи—Ивану Кирилловичу Кириллову: неудачи, преслѣдовавшія его съ самаго прибытія въ Уфу, и непривычная бивуачная жизнь, полная всякихъ лишеній, вредно отразилась на плохомъ его здоровьѣ и развили въ немъ чахотку, отъ которой Кирилловъ и скончался 14 апрѣля 1737 года въ г. Самарѣ[3]). Погребенъ Кирилловъ при Самарской церкви Св. Николая Чудотворца, соединенной впослѣдствіи съ церковью Казанской Божіей Матери, именуемой нынѣ Старый соборъ[4]). До самой своей смерти Кирилловъ оставался вѣренъ самому себѣ: былъ по прежнему *энергичнымъ и безкорыстнымъ*. Почти

---

[1]) Рогервикъ—заливъ въ западной части Финскаго залива. (Энциклоп. Словарь бр. Гранатъ, т. XIII, стр. 4273). Въ прежнее время подъ этимъ названіемъ былъ извѣстенъ городъ, находившійся на берегу Финскаго залива.

[2]) В. Витевскій: „И. И. Неплюевъ", стр. 139—151. Всего было убито, сослано и казнено 28 тысячъ башкиръ. (Рычковъ: „Исторія Оренбургская", стр. 56).

[3]) А. Алекторовъ („Исторія Оренб. губерніи", изд. второе 1883 г., стр. 28) говоритъ, что Кирилловъ умеръ въ 1738 году, но это не вѣрно: 10 мая 1737 г. состоялся уже указъ о назначеніи вмѣсто умершаго Кириллова В. Н. Татищева (Витевскій: „И. И. Неплюевъ", стр. 187).

[4]) В. Витевскій: „И. И. Неплюевъ", стр. 151).

наканунѣ своей смерти онъ началъ было готовиться къ походу въ Оренбургъ и хлопотать *о снаряженіи въ Ташкентъ перваго торговаго каравана*, но преждевременная смерть разстроила эти планы. Умеръ Кирилловъ *„въ великой бѣдности“*[1]). Преждевременная смерть Кириллова отразилась и на судьбѣ его дѣтища—г. Оренбурга, который послѣ него былъ перенесенъ на другое мѣсто. Случилось это такъ.

Назначенный на мѣсто Кириллова—Василій Никитичъ Татищевъ, вѣроятно, болѣе изъ личнаго антогонизма[2]) къ своему предшественнику, чѣмъ по дѣйствительной нуждѣ, нашелъ мѣстоположеніе Оренбурга неудобнымъ и составилъ проектъ о перенесеніи его на новое мѣсто,—въ урочище „Красная гора“[3]). Но преемникъ самаго Татищева—И. И. Неплюевъ призналъ это мѣсто также неудобнымъ, а потому въ 1743 году перенесъ Оренбургъ туда, гдѣ онъ находится теперь[4]). На мѣстѣ же прежняго Оренбурга, основаннаго Кирилловымъ, осталась только т. н. Орская крѣпость, переименованная впослѣдствіи въ г. Орскъ.

Священникъ *Николай* ***МОДЕСТОВЪ.***

---

[1]) Тамъ же, стр. 152.

[2]) Антогонизмъ Татищева къ Кириллову очень рѣзко проявлялся въ томъ, что онъ гналъ и преслѣдовалъ всѣхъ любимцевъ Кириллова [см. ст. Р. Игнатьева: „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“ въ „Оренб. Листкѣ“ за 1875 г.].

Объ антогонизмѣ Татащева къ Кириллову говорятъ еще слѣдующія слова его письма къ Ивану Антоновичу Черкасову: „Въ 1737 году перевели меня, пишетъ Татищевъ, въ Оренбургскую Комиссію, которую, какъ видно, по обману Тевкелева и *Кириллова* для частнаго великаго прибытка начали. Я-же, прибывъ, усмотрѣлъ, что оное вымышлено болѣе для собственной, нежели для казенной пользы, *сталъ истину доносить и тѣ обманы обличать*, которымъ онаго бывшаго герцога (Курляндскаго-Бирона) и Остермана наипаче озлобилъ за сіе“. (П. Пекарскій: „Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ“, СПБ. 1864 г., стр. 37—38).

По поводу этихъ словъ Татищева можно сказать, что Кирилловъ умеръ „въ великой бѣдности“, а самъ Татищевъ въ концѣ царствованія императрицы Анны, по опредѣленію Сената, попалъ подъ судъ и съ него положено было взыскать 4.616 р. 4 к. за самовольную постройку домовъ въ Самарѣ для себя и канцеляріи, за продажу въ казну принадлежащихъ ему юфтевыхъ кожъ, за подарки отъ купцовъ и башкиръ товарами, лошадьми и т. п. (Тамъ же, стр. 34).

„По мыслямъ, которыя высказывалъ Татищевъ, пишетъ академикъ П. Пекарскій, по своей любви къ знаніямъ и просвѣщенію онъ шелъ впереди своего вѣка, стоялъ выше окружавшей его среды; по образу же дѣйствій на служебномъ поприщѣ онъ не отличался ничѣмъ отъ стариннаго воеводы въ отдаленномъ городкѣ. Изъ сенатскаго доклада, представленнаго императрицѣ Елизаветѣ незадолго до удаленія его отъ должности астраханскаго губернатора, оказывается, что онъ не дѣлалъ часто различія между деньгами казенными и своими и допускалъ злоупотребленія и за рубли и за башкирскихъ иноходцевъ, даже за овчинки и волчьи мѣха“. („Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова“ академика П. Пекарскаго, стр. 13).

[3]) А. С. Пушкинъ: „В. Н. Татищевъ“ („Русская Старина“ 1884 г., декабрь, стр. 577).

[4]) Н. М. Чернавскій: „Оренбургская епархія“, вып. I, стр. 53 и П. Н. Столпянскій: „Изъ прошлаго Оренбургскаго края“, изд. 1906 г., стр. 10.

Къ исторіи крестьянскаго бунта въ Челябинскомъ уѣздѣ въ 1843 году.

(Матеріалы о дѣйствіяхъ казачьихъ властей. Извлечены изъ дѣлъ бывшаго № 9 Оренбургскаго казачьяго полка, хранящихся въ архивѣ Еткульскаго станичнаго правленія).

Нелѣпый бунтъ государственныхъ крестьянъ Челябинскаго уѣзда, вспыхнувшій весною 1843 года, навсегда останется памятнымъ въ исторіи Оренбургской губерніи, какъ яркая характеристика умственнаго развитія „свободнаго" крестьянина эпохи сороковыхъ годовъ минувшаго XIX столѣтія.

Въ тотъ моментъ, когда первые проблески зари освобожденія зажигались уже въ лучшихъ умахъ русскихъ дѣятелей, когда литература усиленно выясняла человѣческую личность въ обездоленномъ крестьянинѣ рабѣ,—въ нашемъ краѣ, какъ будто въ насмѣшку надъ новыми идеями освобожденія, разразился огромный мятежъ свободныхъ крестьянъ—„изъ за нелѣпыхъ толковъ, что ихъ хотятъ отдать *подъ барина*». Называли даже новаго помѣщика—Министра земледѣлія Кульнева, который, въ интересахъ крестьянства, энергично занялся улучшеніемъ ихъ быта и экономическаго состоянія,—ознакомленіемъ крестьянъ съ нѣкоторыми необходимыми ремеслами, улучшенными породами хлѣбныхъ злаковъ, наиболѣе правильною обработкою земли и т. п.

Необходимо замѣтить, что въ Челябинскомъ уѣздѣ совершенно не было крѣпостныхъ крестьянъ. Всѣ крестьяне были зачислены въ сословіе государственныхъ, а взамѣнъ податей, доставляли въ Оренбургскія пограничныя крѣпости провіантъ натурою.

Въ 1839 году всѣ государственные крестьяне поступили въ вѣдѣніе Министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ; непосредственное же завѣдываніе ими было возложено на губернскія палаты.

Оренбургская казенная палата, вслѣдствіе распоряженія министерства, разослала по волостямъ, для безплатной раздачи крестьянамъ лучшія сѣмена ржи пшеницы, льна и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на случай обезпеченія населенія отъ голода, она предложила ввести обязательную общественную запашку, а для храненія хлѣба,—выстроить общественные же хлѣбозапасные магазины. Кромѣ того, для улучшенія домашней выработки холста были разосланы образцы его, вытканные на широкихъ станкахъ, а въ нѣкоторыя волости присланы и самые станки.

Всѣ эти благодѣтельныя для крестьянъ мѣропріятія, темная масса перетолковала по своему и вывела совершенно неожиданное заключеніе, что правительство заботится не о ихъ, крестьянскихъ, выгодахъ, а о выгодахъ ихъ будущаго помѣщика, чтобъ къ пріѣзду его все было готово. Послѣднею искрою, вызвавшею взрывъ былъ новый указъ 1843 года объ обязательномъ разведеніи картофеля. Челябинскій уѣздъ, наполненный раскольниками, заволновался. Недовольное предыдущими новшествами, мѣстное населеніе въ этомъ распоряженіи увидѣло уже посягательство на „древлее благочестіе“, ибо картофель почитался порожденіемъ діавола,—„чертовымъ яблокомъ“—„Лучше смерть, чѣмъ отдаться подъ барина и продать чорту душу“,—вопили невѣжественные главари по всѣмъ волостямъ.

Нѣсколько волостныхъ правленій было разгромлено, власти избиты и подвергнуты истязаніямъ, отказъ вносить подати и сопротивленіе военнымъ командамъ, вынудили правительство принять рѣшительныя мѣры къ подавленію новаго мятежа, который грозилъ разростись въ огромный бунтъ; признаки ужасовъ пугачевщины уже витали въ воздухѣ, тѣмъ болѣе, что и сосѣдніе уѣзды тоже глухо волновались;

достаточно было одной удачи бунтовщиковъ, чтобы мятежъ охватилъ снова весь пріуральскій край.

Вся тяжесть борьбы съ мятежниками естественно выпала на долю мѣстныхъ Оренбургскихъ казаковъ, которые въ этотъ тяжелый годъ пострадали больше, чѣмъ бунтующіе крестьяне, такъ какъ поголовно были мобилизованы и отправлены въ крестьянскія волости; все хозяйство осталось на рукахъ женщинъ, дряхлыхъ стариковъ, да малыхъ ребятишекъ. А время было самое горячее: наступала весна, начинались полевыя работы, а работниковъ не было. Вслѣдствіе этого большинство семей осталось почти безъ посѣва.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется подлинное архивное дѣло полкового правленія № 9 оренбургскаго казачьяго полка „О бунтующихъ государственныхъ крестьянахъ Челябинскаго уѣзда". Мнѣ думается, что многіе документы этого дѣла не лишены историческаго интереса т. к. проливаютъ яркій свѣтъ на ту лихорадочную дѣятельность въ распоряженіяхъ властей, съ какою были двинуты казачьи части для подавленія мятежа.

Но прежде, чѣмъ приступить къ изложенію, считаю нелишнимъ вкратцѣ выяснить административную организацію Оренбургскихъ казаковъ въ описываемую эпоху.

Главнымъ начальникомъ края и казачьяго войска какъ въ административномъ, такъ и военномъ отношеніяхъ былъ оренбургскій военный губернаторъ. Эту должность тогда занималъ генералъ лейтенантъ Обручевъ; непосредственное же завѣдываніе казаками было вручено, какъ и нынѣ, Наказному Атаману Оренбургскаго казачьяго войска—генералъ-майору графу Цукато; ему же было поручено и главное начальствованіе надъ экзекуціоннымъ отрядомъ.

По роду своей службы казаки составляютъ военно-земледѣльческій классъ, почему военные интересы у нихъ неразрывно связаны съ интересами чисто гражданскими, бытовыми и мирнымъ сельскимъ трудомъ. Вслѣдствіе этого, съ самыхъ отдаленныхъ временъ и донынѣ, ближайшими руководителями казачьей жизни являются ихъ атаманы, соеди-

няющіе въ своемъ лицѣ административную, полицейскую и военную власть.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, все Оренбургское казачье войско было раздѣлено на 10 полковъ или полковыхъ округовъ, во главѣ съ командирами полковъ и полковыми правленіями, члены которыхъ, являясь помощниками командира полка, назывались засѣдателями. Каждый полковой округъ обнималъ собою нѣсколько станицъ и, въ случаѣ мобилизаціи, долженъ былъ немедленно выставить казачій полкъ, въ полномъ вооруженіи и снаряженіи, подъ начальствомъ своего администратора—командира полка. Такимъ образомъ, всѣ казаки, находясь въ своихъ домахъ, какъ бы состояли на дѣйствительной службѣ, имѣя полную боевую организацію на мѣстѣ.

Непосредственное завѣдываніе полковыми округами находилось въ вѣдѣніи „окружныхъ дежурствъ", соотвѣтствовавшихъ нынѣшнимъ управленіямъ отдѣловъ. Такихъ дежурствъ было два—первое находилось въ Оренбургѣ, второе —въ Троицкѣ. Во главѣ каждаго стоялъ Окружный штабъ—офицеръ, соотвѣтствующій атаману отдѣла.

Каждою станицею завѣдывалъ „станичный начальникъ", который не избирался, а назначался изъ мѣстныхъ казачьихъ офицеровъ и урядниковъ.

Таково было въ общихъ чертахъ административное дѣленіе войска по штатамъ 1840 года.

Выше было указано, что крестьянскій мятежъ явился полною неожиданностью какъ для властей, такъ и для казачьяго населенія. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ состоялся обычный нарядъ казаковъ на линейную службу, на ярмарку въ Нижній-Новгородъ и въ другія мѣста, куда казаки должны были выступить въ первыхъ числахъ мая, повозможности управившись съ посѣвомъ.

Какъ вдругъ 3 апрѣля командиръ 9 полка, полковникъ Аржанухинъ, неожиданно получилъ увѣдомленіе отъ управляющаго казенною палатою посланное изъ Челябинска 2 апрѣля 1843 г. за № 64 слѣдующаго содержанія.

„По случаю усилившихся безпорядковъ между государственными крестьянами Челябинскаго уѣзда до высшей степени, я довожу о томъ съ эстафетой до свѣдѣнія Господина Оренбургскаго военнаго губернатора, и потому, на случай, если бы Его Превосходительству угодно было употребить на то близъ расположенныя войка, я долгомъ считаю предварить о томъ Ваше Высокоблагородіе. Управляющій Николай Львовъ“[1]).

Это былъ первый отзвукъ отдаленнаго раската грома, очевидно, въ глуши уѣзда дѣло принимало серьезный оборотъ.

На этой бумагѣ командиромъ полка положена слѣдующая резолюція: „Надлежаще въ 9 полку изготовиться и *паче* ожидать изъ Оренбургу ордера“. Въ тотъ же день, 3 апрѣля, были отданы приказы станичнымъ начальникамъ 9 полка, отправленныя съ эстафетой, въ которыхъ, послѣ сообщенія объ отношеніи управляющаго, между прочимъ говорилось: „приказываю тебѣ приказать воинскимъ чинамъ № станицы, не исключая и состоящихъ во внутренней службѣ, дабы они на случай могущаго послѣдовать распоряженія къ выступленію для усмиренія тѣхъ крестьянъ, были готовы; а также огнестрѣльное оружіе было бы въ готовности и полное число боевыхъ снарядовъ“[2]).

Почти въ одинъ день роковая вѣсть—быть готовыми къ походу, облетѣла всѣ казачьи станицы, прилегающія къ мѣстностямъ, пораженнымъ мятежемъ. Заволновался казачій муравейникъ: не диковинка идти въ походъ, а диво, что такъ неожиданно, да при томъ въ самую горячую пору, передъ самой пахотой, когда всѣ рабочіе мужскіе руки на учетѣ. Со дня на день ожидали дальнѣйшихъ распоряженій отъ своего непосредственнаго начальства изъ Оренбурга. Прошла недѣля, и 10 апрѣля получилось такое распоряженіе изъ Войскового Дежурства отъ 3 апрѣля 1843 г. за № 1368.

„Господину Командующему Оренбургскимъ казачьимъ полкомъ № 9[3]).

---

[1]) Дѣло Полк. Прав. 1843 г. о бунтующихъ крестьянахъ, листъ 1.
[2]) Отношеніе нач. ст. за № 165.
[3]) Тоже дѣло листъ 3.

Препровождая при семъ въ копіи предложеніе Г. Корпуснаго Командира, отъ 2 апрѣля за № 1363 о безпорядкахъ, возникшихъ между Государственными крестьянами Челябинскаго уѣзда, волостей—Каминской, Куртамышской, Таловской, Воскресенской, Чумлякской и Каменской по поводу нелѣпыхъ толковъ обращенія ихъ въ помѣщичьи владѣнія, предписываю немедленно нарядить во ввѣренномъ Вамъ полку команду изъ 150 казаковъ, съ полнымъ вооруженіемъ и нужнымъ числомъ офицеровъ и урядниковъ, которые должны быть назначены изъ самыхъ расторопныхъ и благонадежнаго поведенія. Команду сію слѣдуетъ имѣть въ готовности по станицамъ, не отвлекая отъ должныхъ занятій и по первому требованію гражданскаго начальства собрать и выслать подъ командою благонадежнаго офицера, снабдивъ оную полнымъ числомъ боевыхъ патроновъ изъ запасовъ, въ полку имѣющихся; въ случаѣ же недостатка сихъ запасовъ,—позаимствоваться порохомъ и свинцемъ изъ учебныхъ припасовъ. При чемъ даю знать Вашему Высокоблагородію, что отъ меня, вмѣстѣ съ симъ, предложено полковнику Радену немедленно прибыть въ г. Челябу и сдѣлать распоряженія свои согласно съ предложеніемъ г. Корпуснаго Командира. Обо всѣхъ же высылаемыхъ командахъ, доноситъ Корпусному Командиру и мнѣ, согласно съ волею Его Превосхадительства. Наказный Атаманъ графъ Цукато, Дежурный Штабъ-офицеръ, Войсковой старшина Коринъ 2-й».

Въ дѣлѣ имѣется копія съ распоряженія генерала Обручева, указанная въ этой бумагѣ (№ 1366), но я здѣсь ее не привожу, т. к. она полностью приведена въ „Матеріалахъ по Исторіи войска“ Н. Г. Лобова т. 10, и въ моемъ очеркѣ „Крестьянскій бунтъ въ Челябинскомъ уѣздѣ[1])“. 12 апрѣля за № 6 полковникъ Раденъ уже изъ Челябинска экстренно прислалъ слѣдующее новое распоряженіе.

По случаю возникшихъ между государственными крестьянами Челябинскаго уѣзда сильныхъ безпорядковъ, вслѣдъ

Вѣстникъ Оренбург. учебн. округа 1912 г., № 6, стр. 193.

за симъ въ скоромъ времени потребуется изъ ввѣреннаго Вамъ полка 200 человѣкъ казаковъ, въ полномъ вооруженіи, для дѣйствія огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, если бы въ томъ предстояла необходимость. Вслѣдствіе сего предлагаю Вашему Благородію немедленно приготовить означенное число казаковъ при благонадежныхъ г. г. офицерахъ и урядникахъ, на хорошихъ лошадяхъ съ полнымъ вооруженіемъ и боевыми патронами, имѣя при себѣ продовольствіе на восемь дней и ожидать къ выступленію перваго приказанія. Полковникъ фонъ-Раденъ.

На это распоряженіе командующій 9 полкомъ есаулъ Савастьяновъ донесъ Радену, что „хотя и слѣдовало бы изъ управляемаго мною полка командировать нужное число офицеровъ съ командою, имѣющею отправиться для усмиренія крестьянъ Челябинскаго уѣзда, но на лицо таковыхъ, (кромѣ назначенныхъ на походную полевую службу), никого не состоитъ, команда же эта поручится въ вѣдѣніе Начальнику Еткульской станицы хорунжему Печенкину 4-му. О чемъ Вашему Высокоблагородію за извѣстіе донести честь имѣю и въ особенности докладываю, что Кочердыцкой волости, Андреевскаго сельскаго общества бывшій старшина Золотыхъ и писарь Булгаковъ предъявили мнѣ, что у нихъ между крестьянами происходятъ величайшіе безпорядки, которые вмѣстѣ съ симъ отправлены мною на распоряженіе къ Челябинскому Окружному Начальнику Государственнаго имущества. Командующій полкомъ Есаулъ Савастьяновъ“ [1]).

Всѣ войска, назначенныя для усмиренія бунтующихъ крестьянъ, по распоряженію ген.-лейт. Обручева, были раздѣлены на три отряда, при чемъ казаки № 9 полка вошли въ 1-й отрядъ полк. Радена—292 человѣка и 3-й отрядъ генерала Цукато—208 человѣкъ.

14 апрѣля за № 16 полк. Раденъ изъ Челябы сдѣлалъ слѣдующее экстренное распоряженіе есаулу Савастьянову. „1) собрать наипоспѣшнѣе всѣхъ служащихъ во ввѣренномъ

---

[1]) Рапортъ Есаула Савастьянова отъ 13 апр. № 204.

Вамъ полку казаковъ, находящихся при домахъ на лицо (отнюдь не касаясь кордонной стражи), и двинуть оный на соединенiе съ 6 и 10 полками въ с. Становое, что на дорогѣ отъ Усть-Уйской крѣпости въ Куртамышъ.

2) Полкъ долженъ имѣть продовольствiе и провiантъ на двѣ недѣли со дня выступленiя и фуражъ для лошадей прiобрѣтать покупкою по среднимъ справочнымъ цѣнамъ, производя имъ дачу со дня выступленiя изъ полковыхъ штабовъ.

3) воинскiе чины должны быть въ фуражныхъ шапкахъ[1]) во время всѣхъ сихъ дѣйствiй, а киверовъ съ собой не брать, предлагаю немедленно съ должною дѣятельностью принять мѣры къ выполненiю предписанiя во всѣхъ отношенiяхъ, присовокупляю, что поспѣшное выступленiе казачьихъ полковъ и скорое прибытiе на сборные пункты покажутъ ихъ исправность, а всякое промедленiе подвергнетъ строжайшей отвѣтственности ближайшихъ начальниковъ.

4) Какъ, по распоряженiю г. Корпусного Командира, къ Вашему полку должны прибыть два конныхъ артиллерiйскихъ орудiя, то до присоединенiя оныхъ съ полкомъ съ мѣста не выступать, а между тѣмъ успѣете получить и сообразное распоряженiе, въ случаѣ, если по случаю волненiя въ Кочердыкской волости, полкъ Вашъ, по прибытiи г. Корпусного Командира, получитъ особое назначенiе. По прибытiи же артиллерiи и по полученiи вторичнаго приказанiя о выступленiи, Вы должны будете съ пушками слѣдовать, прикрывая оныя.

Какъ полкъ Вашъ будетъ находиться подъ личнымъ начальствомъ Наказнаго Атамана, то обратить вниманiе, чтобъ полкъ Вашъ былъ въ полномъ вооруженiи съ боевыми патронами.

Сверхъ сего, чтобы тотъ же часъ была учреждена летучая почта отъ штаба полка (ст. Еткульской) въ д. Селезянѣ и Копытовой для сообщенiя съ одной стороны съ полкомъ № 8 дер. Глубокой, а съ другой—съ 5 башкирскимъ канто-

---

1) Фуражкахъ.

номъ, д. Мелякай, почему предлагаю Вамъ тотчасъ же назначить въ сіи пункты расторопныхъ казаковъ на хорошихъ лошадяхъ".

Такимъ образомъ, всѣ казачьи полки были быстро приведены въ боевую готовность и кольцомъ оцѣпили бунтующій уѣздъ отъ ст. Міасской чрезъ Челябу, Троицкъ до ст. Звѣриноголовской, ожидая только приказа чтобъ разомъ двинуться въ намѣченные сборные пункты.

Между тѣмъ, изъ Троицка усиленнымъ маршемъ была двинута № 18 казачья батарея подъ начальствомъ есаула Пушкина I. Штабъ-квартирою ея назначена крѣпость Чебаркульская, куда и должны были явиться казаки-артиллеристы изъ своихъ станицъ, имѣя верховыхъ лошадей и 8-дневный запасъ сухарей, дабы составить необходимое число людей и лошадей къ 6 орудіямъ.

Часть батареи, въ составѣ первыхъ четырехъ орудій съ полнымъ запасомъ зарядовъ должна была отправиться въ гор. Челябу, въ отрядъ полк. Радена, а остальныя два орудія въ отрядъ гр. Цукато—въ ст. Усть-Уйскую.

Помимо льготныхъ казаковъ-артиллеристовъ есаулъ Пушкинъ спѣшно требовалъ и старослужащихъ, „которые прежде служили въ артиллеріи, такъ какъ при ввѣренной мнѣ батареѣ теперь состоитъ старослужащихъ казаковъ самая малая часть, а потому выслать 25 человѣкъ въ ст. Полетаевскую и приказать имъ взять провіанту въ сухаряхъ на двѣ недѣли, а такъ же имѣть при себѣ шинели и фуражныя шапки и аммуничныхъ верховыхъ лошадей" [1]).

Изъ отношенія командующаго № 9 полкомъ отъ 16 апрѣля за № 231 видно, что льготныхъ артиллеристовъ во всемъ полку оказалось только 7 человѣкъ, а 18 были посланы старослужащіе.

Всѣ эти казаки соединившись съ батареей въ ст. Полетаевской и вступили подъ команду есаула Пушкина, а два орудія, подъ начальствомъ Есаула Носова, остались въ ст.

---

[1]) Рапортъ есаула Пушкина 14 апр. № 158.

Чебаркульской, ожидая сюда казаковъ 9 полка, чтобъ подъ ихъ прикрытіемъ двинуться въ село Становое.

Между тѣмъ, вслѣдствіе недостатка строевыхъ казаковъ и угрожающаго положенія въ бунтующихъ селахъ, по распоряженію генерала Обручева, былъ остановленъ очередной, уже состоявшійся нарядъ казаковъ, назначенныхъ на службу внѣ войска.—19 апрѣля 1843 года генералъ Обручевъ, съ пути изъ ст. Еманжелинской (куда онъ прибылъ изъ Оренбурга) послалъ по станицамъ открытое предписаніе слѣдующаго содержанія: „Всѣмъ казакамъ, назначеннымъ изъ Оренбургскаго казачьяго войска на службу въ семъ году въ Нижній Новгородъ и Москву, а также записаннымъ въ артиллерію изъ 7, 8, 9 полковъ немедленно слѣдовать въ г. Челябу, куда непремѣнно прибыть 20 и 21 числа сего мѣсяца; сверхъ сего изъ сихъ полковъ слѣдуютъ туда же назначенные люди на лѣтнюю коронную службу и въ отряды султановъ-правителей. Сіе открытое предписаніе должно быть передано для исполненія съ нарочнымъ". Такимъ образомъ этимъ распоряженіемъ все служилое казачье населеніе поголовно было отправлено изъ станицъ на усмиреніе бунта. Очевидно, дѣло мятежа принимало серьезный оборотъ.

Въ это время казачьи части, сформированныя по прежнимъ распоряженіямъ, были вполнѣ готовы и въ полномъ боевомъ вооруженіи, при 20 боевыхъ патронахъ, ожидали выступленія въ походъ. Наконецъ 16 апрѣля полковникъ Раденъ прислалъ эстафету слѣдующаго содержанія.

„Предлагаю непремѣнно соединиться съ двумя орудіями № 18 батареи и служа имъ со ввѣреннымъ Вамъ полкомъ прикрытіемъ отправиться черезъ городъ Троицкъ для соединенія съ отрядомъ г. Наказнаго Атамана. При чемъ нужнымъ полагаю присовокупить, чтобы Вы съ полученіемъ сего отправили бы нарочнаго къ есаулу Пушкину для извѣщенія его, что Вы со ввѣреннымъ полкомъ должны выйти въ станицу Кичигинскую, на Троицкій трактъ, для присоединенія съ двумя орудіями № 18 батареи и дальнѣйшаго слѣдованія

вмѣстѣ съ ними черезъ гор. Троицкъ на соединеніе съ отрядомъ Наказнаго Атамана".

16 апрѣля отрядъ казаковъ въ 200 человѣкъ, подъ командой командующаго полкомъ есаула Савастьянова, выступилъ на соединеніе съ батареею и форсированнымъ маршемъ двинулся по тракту на г. Троицкъ; въ село Становое прибылъ 24 апрѣля, гдѣ и вступилъ подъ команду генерала графа Цукато.

Неожиданное выкомандированіе всего населенія вызвало полнѣйшій недостатокъ боевыхъ припасовъ,—пороха и свинца, хранящихся въ пороховыхъ погребахъ каждой станицы въ довольно ограниченномъ количествѣ, такъ какъ пули по высланнымъ формамъ (калыпамъ)[1]) выливались казаками на мѣстахъ. Еткульское станичное правленіе рапортомъ, отъ 19 апрѣля за № 308, донесло полковому правленію что „хотя и должны снабдить воинскихъ чиновъ 20 боевыми патронами каждаго, а какъ свинцу запаснаго и учебнаго, за снабженіемъ выкомандированныхъ въ первый отрядъ воинскихъ чиновъ полнымъ количествомъ, состоитъ самое малое количество, коимъ можно нынѣ командирующихся чиновъ снабдить по 4 патрона"—проситъ: „снабдить его указомъ, какими средствами должно пріобрѣсти означенное вещество". Полковое Правленіе распорядилось „въ добавокъ къ выданнымъ 4 патронамъ выдать пороху и свинцу на каждаго военно-служителя то самое число, кое составится съ 4 патронами двадцать"[2]).

Между тѣмъ полковникомъ Раденомъ вновь было подтверждено[3]): „полку имѣть исправное оружіе съ боевыми патронами, полагая не менѣе 20 патроновъ на человѣка, а если запасы дозволяютъ, то и болѣе сего; сверхъ строевыхъ лошадей полагается вьючныхъ при каждыхъ пяти человѣкахъ по одной". Очевидно, власти предполагали серьезное сопро-

---

[1]) „Калыпъ" казачье названіе формы для отливки пуль.

[2]) Указъ Полк. Правл. 19 апр. № 254.

[3]) Предпис. Радена 17 апр. № 35 изъ Челябы.

тивленіе бунтующихъ, ибо такой случай уже имѣлъ мѣсто въ селѣ Куртамышѣ[1]).

Второй отрядъ въ составѣ 273 человѣкъ казаковъ, 13 урядниковъ и 2 заурядъ-чиновниковъ 20 апрѣля выступилъ въ гор. Челябу для соединенія съ отрядомъ полковника Радена. Въ этотъ день первая команда въ составѣ 200 человѣкъ была уже въ Троицкѣ, а оттуда двинулась по слѣдующему маршруту, подписанному графомъ Цукато:

20 апрѣля ночевать въ Бобровской,
21 „ быть въ Каракульслой,
22 „ „ „ Крутоярской,
23 „ „ „ Усть-Уйской и
24 „ „ „ Становомъ селѣ.

Но маршрутъ былъ ускоренъ, и 23 апрѣля всѣ команды отряда графа Цукато были уже въ селѣ Становомъ.

Труденъ былъ путь казаковъ, ибо почти невозможно было сдѣлать запасовъ фуража для лошадей, особенно въ маленькихъ поселкахъ, такъ какъ къ веснѣ обычно все уничтожается; приходилось съ трудомъ доставать сѣно; а въ Троицкѣ пришлось провести нѣсколько лишнихъ часовъ, дабы хорошенько выкормить лошадей и идти прямо до 1-й крѣпости Каракульской 50 верстъ, гдѣ имѣлся казенный запасный складъ.

Дѣйствительно, чѣмъ-то тревожнымъ вѣетъ съ пожелтѣвшихъ, толстыхъ листовъ стараго дѣла: положеніе было необычайное, выбившее изъ колеи весь уѣздъ, начиная отъ бунтующихъ и кончая усмирителями. Вотъ, напримѣръ, предписаніе графа Цукато есаулу Савастьянову написанное 21 апрѣля 1843 г. за № 17 карандашемъ: „Предписываю Вашему Благородію по предписанному маршруту прибыть къ переправѣ Усть-Уйской станицы, у которой Вы найдете два орудія, которыя принять подъ команду и прибыть съ оными непремѣнно 24 числа къ вечеру въ деревню Становую. При чемъ присовокупляю, что фуражъ для вѣреннаго Вамъ полка

---

[1]) „Вѣст. Орен. уч. окр.“ 1912 г., № 6, стр. 195 Мой очеркъ „Крестьянскій бунтъ въ Челяб. уѣздѣ“.

приказано мною заготовить въ Усть-Уйской. Графъ Цукато".

Точчно дѣло идетъ гдѣ-то въ далекой Туретчинѣ, а не въ нашемъ тихомъ, мирномъ Челябинскомъ уѣздѣ!

Уже было сказано, что положеніе казачьихъ командъ, отправленныхъ ранней весной, оказалось весьма тяжелымъ, такъ какъ фуража для лошадей достать было чрезвычайно трудно, а потому приходилось заимствовать изъ лѣтнихъ кордонныхъ запасовъ, заготовленныхъ казаками, командированными для охраны пограничной линіи.

Въ дѣлѣ имѣется очень много свѣдѣній, указывающихъ на отсутствіе у мѣстныхъ жителей фуража. Привожу одно изъ такихъ „сношеній".

„Въ Каракульскій провіантскій магазинъ. Командующій полкомъ № 9.

По предписанію Главнаго Начальства слѣдую я съ командою ввѣреннаго мнѣ полка, Челябинскаго уѣзда въ село Становое для присоединенія къ отряду господина Наказнаго Атамана Оренбургскаго казачьяго войска и долженъ искупить у здѣшнихъ жителей овса или по неимѣнію онаго для мѣсева[1]) муки, но какъ жители отозвались мнѣ, что у нихъ никакого хлѣба рѣшительно въ продажѣ не имѣется, а дабы столь скорымъ и большимъ переходомъ не изнурить казачьихъ лошадей, я прошу оной магазинъ не отлагательно отпустить подъ расписку мою ржаной муки указнаго вѣса двѣ четверти, за каковую при предоставленіи мною своему начальству отчетовъ имѣютъ быть уплачены по утвержденнымъ цѣнамъ изъ суммъ Войскового военнаго капитала деньги. Есаулъ Савастьяновъ. У сего сношенія именная печать. 21 апрѣля 1843 г. № 24".

Въ пріемѣ хлѣба, сѣна и овса выдавались квитанціи слѣдующаго содержанія.

Квитанція. Дана сія отъ Командующаго Оренбургскимъ казачьимъ полкомъ № 9, за станичнаго начальника Крутоярской станицы судьѣ, заурядъ-хорунжему Иванову въ томъ,

---

1) Мѣшанина—рубленое намоченное сѣно, посыпанное мукою.

что по предписанію Его Сіятельства Господина Наказнаго Атамана Оренбургскаго казачьяго войска господина генералъ-майора и кавалера графа Цукато отъ 20 апрѣля за № 13, по неимѣнію у жителей отъ неурожая на продовольствія 250 лошадей, состоящихъ при 2 офицерахъ, 6 урядникахъ и 200 казакахъ во время прослѣдованія моего съ этою командою въ село Становое для усмиренія крестьянъ, взволновавшихся въ Челябинскомъ уѣздѣ, принято на полусуточную дачу изъ кордонныхъ запасовъ сѣна безъ платежа за оное денегъ всего 93 пуда 30 фунтовъ въ чемъ и свидѣтельствую подписомъ моимъ и приложеніемъ именной печати. Апрѣля 23 дня 1843 г. Есаулъ Савастьяновъ[1])".

Не лишены интереса и справочныя цѣны того времени на сѣно и хлѣбъ выданныя земскими судами—Челябинскимъ и Троицкимъ, Не смотря на отсутствіе этихъ продуктовъ и явную дороговизну ввиду неурожая, ранней весны и волненій, все же цѣны слишкомъ баснословно дешевы въ сравненіи съ настоящими, даже урожайными годами. Привожу цѣликомъ эти интересные документы.

«Челябинскій ЗЕМСКІЙ СУДЪ
16 апрѣля 1843 г.
№ 3277.

Господину Командиру Оренбургскаго казачьяго № 9 полка.

Впослѣдствіе отношенія Вашего Высокоблагородія отъ 15 апрѣля за № 223 Земскій Судъ долгомъ считаетъ увѣдомить, что по происшедшимъ между Государственными крестьянами Челябинскаго уѣзда безпорядкамъ и неповиновенію начальству отъ нелѣпыхъ толковъ что они поступаютъ во владѣніе какого-то помѣщика или въ удѣлъ, дѣйствія полиціи въ уѣздѣ совершенно прекращены и свѣдѣнія о справочныхъ цѣнахъ отъ становыхъ приставовъ Челябинскаго уѣзда нынѣ въ Земскій Судъ не доставлены, почему и требуемыхъ въ отношеніи Вашемъ свѣдѣній о существующихъ въ настоящее время цѣнахъ Земскій Судъ доставить не находитъ возможнымъ, кромѣ какъ только съ 28 марта по 4 апрѣля сущест-

[1]) Дѣло о бунт. крестьянахъ, листъ 109.

вовали среднія справочныя цѣны на муку ржаную куль вѣсомъ 9 пуд. 2 руб. 91½ коп., крупу ячную[1]) въ 8 пудъ 5 руб. 71¾ коп., овесъ четверть въ 5½ пудъ 1 рубль 82½ коп. и сѣна пудъ 12½ коп. серебромъ. Засѣдатель Устюженинъ, Секретарь Крыльцевъ[2])".

2) Троицкій ЗЕМСКІЙ СУДЪ
Апрѣля 20 дня 1843 г.
№ 2358.

Господину Командующему полкомъ № 9.

На отношеніе Вашего Благородія отъ 18 апрѣля за № 8 здѣшнее мѣсто увѣдомить честь имѣетъ, что по Троицкому уѣзду въ текущемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ существовали цѣны, а именно: мука ржаная четверть 7 пудъ 10 фунт.—2 руб. 74½ коп., крупъ ячныхъ четверть 3 руб. 94½ коп., овса четверть 5½ пудъ 1 руб. 32 коп., сѣна пудъ 17 коп. Приставъ Филимоновъ[3]).

Такимъ образомъ 70 лѣтъ тому назадъ цѣна на сѣно и съѣстные продукты въ особенно дорогое весеннее время (распутицу) представляются въ слѣдующемъ видѣ: 1) въ городѣ Челябинскѣ—пудъ ржаной муки стоилъ 31½ коп., ячменной крупы 71½ коп., овса—33 коп. и сѣна 12½ коп.

2) въ Троицкѣ: пудъ ржаной муки 38 коп. овса 24 коп. и сѣна 17 коп. Если принять нынѣшнія среднія цѣны—муки ржаной пудъ 95 коп., овса 75 коп. и сѣна 50 коп. и сравнить съ бывшими въ 1843 году, невольно убѣдимся, что цѣны на эти продукты увеличились въ 3 раза.

Пока казачьи команды форсированнымъ маршемъ безъ отдыха стягивались въ штабъ-квартиры начальниковъ отрядовъ, село Становое и станицу Міяскую, въ помощь имъ на обывательскихъ подводахъ, тоже безостановочно, везли пѣхотныя роты № 6 Оренбургскаго линейнаго баталіона, вооруженныя въ полную боевую аммуницію, съ значительнымъ числомъ патроновъ, выданныхъ на руки солдатамъ. Для каждыхъ двухъ ротъ полагалось по 150 одноконныхъ подводъ[4]), заго-

---

1) Ячменную.
2) Дѣло о бунт. крест., листъ 81.
3) Дѣло о бунт. крест., листъ 89.
4) Отношеніе Троицкаго Исправн. 18 апр. 1843 г. № 124.

товляемыхъ наканунѣ пріѣзда, поэтому солдаты двигались безпрерывно, останавливаясь на краткій срокъ для обѣда. Роты были высланы, отъ № 6 Оренбургскаго линейнаго баталіона, квартировавшаго въ Троицкѣ. Двѣ изъ нихъ въ село Становое, а двѣ въ гор. Челябу по личному приказанію Оренбургскаго Генералъ-Губернатора г. Обручева.

Старшій Адъютантъ 2 округа, сотникъ Бухаринъ, 18 апрѣля 1843 г. за № 98 увѣдомилъ Командира 9 полка, полковника и кавалера Аржанухина.

„Г. Корпусной Командиръ[1]) въ бытность свою въ Троицкѣ изволилъ сдѣлать слѣдующее распоряженіе: оставщіе двѣ роты 6 баталіона[2]) отправить въ Челябу на подводахъ, почему роты эти уже выступили изъ Троицка сего числа и будутъ имѣть сего дня ночлегъ въ Нижнеувельской и завтра прибудутъ въ Еманжелинскую[3]). Троицкому Земскому Исправнику приказано отъ его Превосходительства заготовить подъ свозъ двухъ ротъ по 150 одноконныхъ подводъ на двухъ пунктахъ—въ Нижнеувельской и Еманжелинской. О чемъ я счелъ долгомъ донести В. В. на тотъ конецъ,—не угодно ли Вамъ будетъ оказать содѣйствіе Земскому Исправнику приказаніемъ собрать лошадей изъ окрестныхъ станицъ и деревень“.

Съ такой горячностью были двинуты въ ходъ всѣ административныя дружины и благодаря этому всѣ войска, за исключеніемъ небольшой команды, 21 апрѣля были на своихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ уже ожидали отрядные начальники—въ с. Становомъ г.-м. Цукато, а въ ст. Міасской полк. Раденъ.

Самъ главный начальникъ—генералъ Обручевъ уже 18 апрѣля былъ на мѣстѣ волненія, чтобы лично руководить ходомъ дѣйствій.

Такимъ образомъ 21 апрѣля была собрана уже внушительная военная сила, сосредоточенная на двухъ противоположныхъ концахъ бунтующаго уѣзда.

Въ Міасскій отрядъ Радена входили слѣдующія части:

---

1) Г.-л. Обручевъ.
2) Двѣ роты уже были отправлены въ село Становое.
3) Отъ Троицка 82 версты.

Оренбургскаго войска—№ 7 полка 4 офицера, 11 урядниковъ, 201 казакъ; № 8—11 офицер., 26 уряд., 510 казаковъ; № 9—3 оф., 12 ур., 277 казаковъ и сборная сотня изъ № 5, 6 и 10 полковъ—133 казака; 4 казачьихъ орудія съ прислугою № 18 батареи и двѣ роты пѣхоты изъ 6 офиц., 26 унт.-оф. и 268 ряд. всего 26 офицер., 81 уряд. и ун.-оф., 1440 нижнихъ чиновъ.

Въ Становской отрядъ Цукато:—№ 6 полка 11 ур., 300 каз., № 9 полка 2 офиц., 6 ур., 200 каз., № 10—10 офицер., 20 ур., 510 каз., 2 конныхъ орудія 18 батарей (подъ командой ес, Носова, присланнаго изъ Оренбурга); 2 роты пѣхоты —7 оф., 22 ун.-оф., 5 музык., 260 ряд. и два пѣшихъ орудія Троицкой полуроты (12 чел.), а всего 20 офиц., 68 урядн. и ун.-оф. и 1337 ниж. чиновъ. Всѣ войска были снабжены полнымъ комплектомъ боевыхъ патроновъ, а орудія боевыми снарядами преимущественно картечью и гранатами, для дѣйствія по массѣ.

Военныя дѣйствія были открыты, и 22 апрѣля графъ Цукато издалъ первый приказъ по своему отряду. Привожу этотъ знаменитый историческій приказъ полностью.

„Приказъ[1]). Отъ 22 апрѣля 1843 г. за № 1, данный въ селѣ Становомъ.

По предписанію Г. Командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса отъ 10 апрѣля за № 206 вступилъ въ командованіе ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ заключающемъ въ своемъ составѣ Оренбургскаго казачьяго войска полки № 6, 9 и 10; Оренбургскаго Линейнаго № 6 баталіона двѣ роты и Оренб. гарнизонной артиллеріи 4 орудія, объявляю г.г. полковымъ и прочимъ командирамъ къ свѣдѣнію и непремѣнному исполненію нижеслѣдующее:

1) 4-мъ орудіямъ гарнизонной артиллеріи состоять въ командѣ командира двухъ ротъ линейнаго баталіона г. маіора Тамилова.

2) Дежурныхъ по полку и баталіону наряжать обыкновеннымъ порядкомъ и сверхъ того дежурныхъ урядниковъ

1) Дѣло о бунт. крестьян., листъ 131.

и унтеръ-офицеровъ по сотнямъ и по ротамъ, а во всякомъ взводѣ дневальнымъ. Дежурнымъ состоять подъ начальствомъ главнаго дежурнаго по отряду, который будетъ назначаться особымъ приказомъ изъ штабъ офицеровъ.

3) Ежели отрядъ будетъ расположенъ по квартирамъ, то изъ баталіона, въ которомъ будутъ состоять орудія, назначать къ онымъ караулъ изъ 50 рядовыхъ при одномъ офицерѣ; лошади же отъ орудія должны быть въ коновязяхъ.

4) Во всякой сотнѣ назначать изъ 25 человѣкъ, у которыхъ лошади должны быть осѣдланы.

5) Ежедневно въ приказѣ будетъ даваться на счетъ разъѣздовъ.

6) Всякая тревога будетъ объявляться пушечнымъ выстрѣломъ, по коему команды тотчасъ должны слѣдовать на сборный пунктъ, объявленный черезъ дежурныхъ.

7) Полкамъ и командамъ по прибытіи на ночлегъ присылать ежедневно писарей въ мою канцелярію за полученіемъ приказаній.

8) Наблюдать, чтобы чины, состоящіе во ввѣренномъ мнѣ отрядѣ, ничего отъ жителей сами собою не брали и не требовали; но получали опредѣленное содержаніе нижеозначеннымъ порядкомъ; обидъ и притѣсненій никому не наносили подъ опасеніемъ преданія суду по всей строгости законовъ.

9) Командамъ опредѣляется получать на содержаніе провіантъ, мясную порцію по 1 фунту на человѣка съ приваркомъ состоящимъ изъ разныхъ овощей, или вмѣсто мяса рыбу, горохъ, картофель, огурцы и вообще то, что можетъ служить къ лучшему насыщенію; фуражъ для лошадей въ опредѣленномъ количествѣ и солому на подстилку нижнимъ чинамъ. Сверхъ того, когда чины будутъ располагаться въ селеніяхъ, получать квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ и помѣщенія для лошадей.

10) Г. г. Командирамъ полковъ и отрядовъ по прибытіи въ село Куртамышъ доставлять объ отпускѣ довольствія требованія вмѣстѣ съ пріемщиками къ назначенному мною въ квартермистры сотнику Черкасову, уполномачивая пріемщи-

ковъ расписываться у него по тетради въ пріемѣ продовольствія людямъ и лошадямъ и давая въ то же время квитанціи помощнику окружного уѣзднаго начальника Государственныхъ Имуществъ г. Лузгину о числѣ полученнаго продовольствія для людей и лошадей; до прибытія въ село Куртамышъ довольствовать отряды припасами, получаемыми г.г. командирами прямо отъ гражданскаго начальства подъ квитанціи.

11) Г. Сотнику Черкасову съ прибытіемъ въ Куртамышъ получать продовольственные припасы отъ г. Лузгина и въ то же время отпускать пріемщикамъ въ команды съ распискою въ тетради при семъ прилагаемой, гдѣ должны быть записываемы и на приходъ полнымъ количествомъ съ засвидѣтельствованіемъ г. Лузгина.

При семъ предлагаю г.г. полковымъ командирамъ имѣть должную во всѣхъ мѣстахъ осторожность, сберегать здоровье чиновъ и пещись о лучшемъ продовольствіи и содержаніи какъ ихъ, такъ и лошадей. Наказный Атаманъ ген.-майоръ графъ Цукато".

Не лишнимъ считаю привести и другіе приказы графа Цукато, данные имъ въ этотъ періодъ, какъ историческую рѣдкость нашего края.

1) Приказъ № 3, данный въ селѣ Становомъ 24 апрѣля.

Завтрашняго числа 6 и 9 полкомъ собраться за деревней ведущей по дорогѣ къ д. Костылевой въ 6 час. утра и оттуда слѣдовать подъ командою войскового старшины Бобылева въ выше означенную деревню. Графъ Цукато".

2) 25 апрѣля № 5 въ с. Куртамышѣ*) 10 полку занять караулы у выѣздовъ и дѣлать ночные разъѣзды; повторяется имѣть по 25 лошадей осѣдланныхъ во всякой сотнѣ. Если случится тревога, то будетъ возвѣщено пушечнымъ выстрѣломъ, по которому всякому полку особо, около своихъ квартиръ, строиться въ боевой порядокъ и ожидать приказанія, а пѣхотѣ выстроиться около орудій.

*) Дѣло о бунтующ. крестьянахъ листъ 134.

3) 25 апрѣля. Деревня Куртамышъ. По ввѣренному мнѣ отряду на 25 число сего апрѣля назначается пароль „городъ Николаевъ", отзывъ «Святой Николай». Предписывается быть готовыми къ выступленію завтрашняго числа въ 6 часовъ.

4) [1]) 27 апрѣля 1843 г. № 8. Дер. Гагарьева. Назначается дежурнымъ по ввѣренному мнѣ отряду есаулъ Савастьяновъ; о выступленіи отряда ожидать особаго приказанія, а потому предлагаю г. г. Командирамъ распорядиться сварить чинамъ обѣдъ".

5) 28 апрѣля. № 9. Тамъ же. Завтрашняго числа ввѣренному мнѣ отряду выступить въ 7 час. утра; сборный пунктъ сдѣлать за деревней по дорогѣ въ с. Таловское, обозу слѣдовать за цѣлымъ отрядомъ".

6) 30 апрѣля № 14. Село Введенское. 6 и 9 Оренбургскимъ каз. полкомъ выступить завтрашняго числа съ двумя орудіями взятыми изъ Устьуйской крѣпости въ селеніе Пепелино въ 7 часовъ утра подъ начальство Войскового старшины Бобылева и для сего майору Томилову передать тѣ орудія въ вѣдѣніе старшины Бобылева; Оренбургскому же казачьему полку № 10 съ двумя ротами 6 лин. баталіона и двумя орудіями, взятыми изъ Троицка, приготовиться къ выступленію завтра и ожидать моего приказанія. Пароль на сіе число назначается „городъ Челяба", лозунгъ „Святой Александръ". До 5 мая отрядъ генерала Цукато прошелъ почти всѣ селенія бунтующихъ крестьянъ и часть казаковъ, изъ дальнихъ станицъ, была отпущена домой съ предупрежденіемъ быть готовыми и выступить опять по первому требованію, при чемъ предлагалось: „отправиться въ дома прямѣйшимъ путемъ, слѣдуя по тракту съ соблюденіемъ должнаго походнаго порядка. На ночлегахъ и роздыхахъ жителямъ притѣсненія не чинить и ничего безденежно не брать, лошадей довольствовать подножнымъ кормомъ[2]).

Такимъ образомъ, всѣ войска во все время похода довольствовались исключительно за счетъ казны, начиная съ мо-

---

[1]) Дѣло о бунтующихъ крест. листъ 137.
[2]) Отношеніе команд. 6 полка 5 мая 1843 г. № 26.

мента выступленія, вплоть до возвращенія домой. Безъ всякаго сомнѣнія, содержаніе почти трехтысячнаго отряда не дешево обошлось казнѣ. Такъ изъ вѣдомости 9 полка видно что на содержаніе команды—212 человѣкъ и 254 лошадей съ 16 апрѣля по 6 мая т. е. въ теченіе только 21 дня израсходовано 2203 руб. 50 коп.,[1]) а это была лишь 14-я часть всего отряда и 11 часть казаковъ, такъ что если сдѣлать приблизительный подсчетъ суммъ, израсходованныхъ на содержаніе только казачьихъ полковъ въ теченіе 21 дня, не считая пѣхоты и артиллеріи, то получится довольно значительная сумма 24239 руб. 60 коп.; если же къ этому приложить содержаніе 677 пѣхотинцевъ съ артиллеристами и упряжными лошадями, то безъ всякаго сомнѣнія расходъ будетъ около 35—40 тысячъ руб., но такъ какъ многіе отряды пробыли до августа мѣсяца, то безошибочно можно сказать, что вся экзекуціонная компанія обошлась казнѣ не меньше 50 тысячъ рублей, что по тому времени составляло не малую сумму.

Изъ приведенныхъ документовъ видно, что во всѣхъ распоряженіяхъ начальства сквозила полнѣйшая быстрота дѣйствій. Всѣ бумаги передавались экстренно съ нарочными казаками, для сего была устроена летучая почта, связавшая непрерывною цѣпью всѣ станицы и весь уѣздъ. Черезъ каждыя 10—15 верстъ находились посты летучей почты изъ 4-хъ человѣкъ казаковъ, изъ коихъ одинъ былъ дежурнымъ: днемъ и ночью съ осѣдланнымъ конемъ и едва только съ сосѣдняго поста прискочетъ казакъ съ эстафетой, какъ этотъ дежурный, получивъ пакетъ, на всемъ карьерѣ мчится дальше, а его мѣсто уже занялъ слѣдующій казакъ, осѣвлавши своего коня и готовый скакать съ новой бумагой.

Каждый конвертъ сопровождался летучей картой, слѣдующаго содержанія[2]): отъ г. Троицка до ст. Еткульской или до мѣста пребыванія Есаула Савастьянова слѣдующій на имя его конвертъ за № 1-мъ предписываю г.г. мѣстнымъ и ста-

---

1) Вѣдомость 9 полка въ дѣлѣ листъ 176.
2) Одинъ изъ образцовъ находящихся въ дѣлѣ.

ничнымъ начальникамъ отправлять до мѣста назначенія, какъ, наивозможно, поспѣшнѣе, неудержно, а для видимости въ полученіи и отправленіи сего расписываться на семъ же. Апрѣля 17 дня 1843 г. Подписалъ Графъ Цукато". Пакеты же, отправляемые безъ картъ, запечатывались сургучною печатью съ припечатаннымъ къ ней гусинымъ перомъ; иногда гусиныя перья припечатывались и къ летучимъ картамъ для большаго вразумленія. Постами летучей почты Челябинскій уѣздъ былъ связомъ непосредственно съ Оренбургомъ, чрезъ Троицкъ и Верхнеуральскъ, т. к. телеграфа тогда не было, а почты ходили рѣдко. На посты летучей почты назначались преимущественно благонадежные и доброконные казаки изъ старыхъ станицъ. „Строго наблюсти", добавлено въ приказѣ, чтобы получаемые бумаги отвозили отнюдь не крестьяне, поступившіе въ казаки. За всякое послабленіе и неисправность станичное правленіе подвергается строжайшей отвѣтственности[1])". Очевидно, власти не довѣряли казакамъ, только что перечисленнымъ изъ крестьянъ, т. к. они въ большинствѣ сами были не довольны перечисленіемъ.

Изъ всего вышеизложеннаго становится яснымъ, что мѣры, принятыя генераломъ Обручевымъ для подавленія крестьянскаго мятежа, дѣйствительно, были чрезвычайно рѣшительны, быстры и умѣлы. Въ какіе нибудь 5—6 дней всѣ льготныя казачьи части и регулярныя войска были уже въ сборѣ, составивъ довольно внушительныя отряды. Къ мѣсту возмущенія экстренно прибыли всѣ главныя власти изъ Оренбурга и начальникъ края генералъ Обручевъ, дабы лично руководить ходомъ дѣйствій. Быстрота дѣйствій была вполнѣ необходимой и разумной; очевидно, въ данномъ случаѣ власти руководились урокомъ кошмарнаго Пугачевскаго бунта, разразившагося въ нашемъ краѣ, благодаря исключительно неумѣлымъ и безтолковымъ распоряженіямъ бывшаго губернатора генерала Рейнсдорпа, который вначалѣ слишкомъ небрежно отнесся къ искрѣ возмущенія, разгорѣвшейся въ

---

[1]) Указъ станичн. правл. 20 апр. № 1208.

страшный пожаръ и на вѣки оставившей печальную память въ нашемъ краѣ. Ошибки прошлаго безъ сомнѣнія учло правительство сороковыхъ годовъ. Кто знаетъ,—можетъ быть, при иныхъ мѣрахъ и Челябинскій бунтъ былъ бы роковымъ, тѣмъ болѣе, что недовольныхъ было слишкомъ много, а крестьянская масса была очень темна и невѣжественна, такъ что почва являлась болѣе, чѣмъ благопріятною. Но къ чести руководителей и начальниковъ карательныхъ отрядовъ нужно сказать, что, благодаря разумнымъ мѣрамъ, все обошлось благополучно. Очевидно власти вполнѣ поняли всю нелѣпость причинъ возмущенія и отнеслись къ возмутившимся весьма снисходительно и гуманно дѣйствуя—въ силу приказа Обручева—однимъ увѣщеваніемъ и разъясненіемъ; и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ было пущено въ дѣло оружіе, и то лишь для устрашенія: такъ напр. въ с. Гагарьемъ казаки были пущены лавою, дѣйствуя тупыми концами пикъ. Только главари возмущенія и наиболѣе буйные крестьяне были наказаны розгами и отправлены въ Челябу, гдѣ надъ ними былъ назначенъ военный судъ. Приговоръ этого суда Высочайше конфирмованъ въ 1845 г., а въ январѣ слѣдующаго года былъ приведенъ въ исполненіе, при чемъ виновные были наказаны шпицрутенами 7 января въ г. Челябинскѣ, въ мѣстѣ преступленія.

Въ составъ экзекуціонной комиссіи вошли командиры—6 Оренбургскаго казачьяго полка и 6 баталіона, а экзекуторомъ назначенъ дворянскій засѣдатель Оренбургской палаты гражданскаго суда Воецкій[1]).

Все остальное населеніе было помиловано.

Инспекторъ Еткульскаго высшаго
начальнаго училища *А. Кривощековъ.*

---

[1]) Отношеніе дежурства 2 окт. 31 дек. 1845 г. за № 3339.

Къ исторіи казачьяго духовенства въ Оренбургской епархіи.

Разбирая старинныя дѣла, хранящіяся въ архивѣ Еткульскаго станичнаго правленія, мнѣ пришлось найти довольно любопытную переписку по поводу выселенія изъ станицы семейства заштатнаго священника Георгія Емельянова въ 1844 году.

Помимо своего чисто историческаго значенія, переписка открываетъ интересную страницу изъ прошлаго казачьяго духовенства, характеризуя условія былой жизни.

Дѣло возникло по слѣдующему поводу.

12 декабря 1840 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе новаго положенія объ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ, при чемъ точно были опредѣлены границы казачьей территоріи,—вдоль Оренбургской пограничной линіи, а также въ новолинейномъ и Илецкомъ районахъ. Такъ какъ во многихъ мѣстахъ, отведенныхъ казакамъ, находились крестьянскія селенія, образованныя раньше, то, во избѣжаніи черезполосицы, новымъ указомъ и всѣ эти крестьяне были перечислены въ казачье сословіе, а непожелавшіе перейти въ казачество, должны были выселяться съ казачьихъ земель за свой собственный счетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, лицамъ неказачьяго сословія, такъ называемымъ „разночинцамъ“,—проживающимъ въ станицахъ, было предоставлено право или перечислиться въ казаки, или выселиться. Короче говоря, новое положеніе создавало въ предѣлахъ войсковой территоріи—чисто казачье населеніе, совершенно изолированное отъ посторонняго элемента, къ которому между прочимъ были отнесены совершеннолѣт-

нія дѣти духовныхъ лицъ, несостоящія на духовной или государственной службѣ, а проживающія при своихъ родителяхъ.

Въ крѣпости Еткульской въ это время проживалъ заштатный старичекъ—священникъ Георгій Емельяновъ, при которомъ находился сынъ его, заштатный же понамарь Павелъ Емельяновъ, какъ разъ подходившій подъ указанную выше категорію лицъ, подлежащихъ переходу въ казачество.

Изъ имѣющагося въ дѣлахъ списка подлежащихъ выселенію изъ крѣпости Еткульской намѣчено двѣ семьи: „1) заштатный понамарь Павелъ Емельяновъ, у коего въ семьѣ 3 муж. 3 жен. 2) священница Екатерина Косорогова (кромѣ домообзаведенія ничего не имѣетъ“).

Однако мѣстное станичное начальство, очевидно, не очень торопилось привести въ исполненіе требованіе новаго положенія.

Дѣло, по обыкновенію, затянулось – и только въ 1844 году Войсковое правленіе указомъ отъ 29 февраля за № 1391 на имя командира № 9 полка уже категорически потребовало болѣе рѣшительныхъ дѣйствій –и то по докладу командира № 10 полка, который донесъ „что мѣры принимаемые къ выселенію разночинцевъ съ войсковой земли остаются безъ успѣшности“. Вслѣдствіе этого Войсковое правленіе приказало о пожелавшихъ поступить въ казачье званіе по составленіи списковъ представить Г. Оренбургскому Губернатору, безсрочно отпускныхъ оставить на войсковыхъ земляхъ, а о высылкѣ лицъ не желавшихъ поступить въ казачье сословіе предписать, „чтобы оныя (полковыя правленія) приняли *ближайшія дѣйствительныя мѣры* къ исполненію Высочайше утвержденнаго положенія относильно высылки съ войсковыхъ земель, проживаюшихъ на оныхъ своими домами разночинцевъ, не пожелавшихъ поступить въ войско, назначивъ имъ хля окончательнаго переселенія крайній окончательный срокъ къ будущему іюню мѣсяцу и для не отложнаго исполненія сего, обязавъ каждаго подписками, кромѣ отставныхъ солдатъ, представить оныя въ Войсковое правленіе; для види-

мости же успѣха сего перехода расночинцевъ съ войсковыхъ земель представить вѣдомости».

Слѣдствіемъ этого распоряженія было то, что мѣстное казачье начальство самымъ рѣшительнымъ образомъ, въ свою очередь, потребовало отъ разночинцевъ непремѣннаго оставленія казачьей территоріи.

Священникъ Емельяновъ, находя требованія казачьихъ властей по отношенію къ своему сыну незаконными, обратился за защитою въ Челябинское Духовное правленіе, которое отношеніемъ отъ 14 марта 1844 года за № 162 просило командира № 9 полка „оградить его отъ несправедливыхъ притѣсненій". Привожу этотъ документъ полностью.

Челябинское Духовное Правленіе
14 марта 1844 г.
№ 162.

Командиру № 9 Оренбургскаго казачьяго полка.

Челябинское Духовное правленіе слушало прошеніе заштатнаго священника Эткульской крѣпости Георгія Емельянова, въ которомъ прописано, что съ 1790 по 1840 годъ служилъ онъ при Богоявленской церкви въ Эткульской крѣпости—первоначально причетникомъ, а потомъ 40 лѣтъ священникомъ и на послѣдокъ по старость лѣтъ уволенъ въ отставку по случаю попечительнаго пособія на содержаніе себя, жены, дочери и въ отставку по болѣзни уволеннаго сына, бывшаго при Богоявленской же церкви понамаремъ—Павла Емельянова съ семействомъ изъ шести, кромѣ сего, человѣкъ состоящимъ,—сорокъ рублей ассигнаціями.

Минувшаго 1843 года сентября 16 дня Эткульское станичное правленіе объявило помянутому моему Павлу сыну, что будто бы по указу Войскового правленія, какъ непожелавшему поступать въ казачье вѣдѣніе, имѣть жительство на землѣ принадлежащей казакамъ отказано, и принуждаетъ выѣхать изъ крѣпости; но какъ сынъ его Павелъ былъ въ штатѣ при Эткульской Богоявленской церкви, то и въ отставкѣ имѣетъ болѣе права проживать въ той крѣпости, нежели въ какомъ либо въ другомъ мѣстѣ, и проживаетъ въ его собственномъ

домѣ, какъ бы работникомъ, безъ коего онъ при старости лѣтъ, имѣя хозяйство, обойтись не можетъ, а получаемаго попечительнаго пособія для нанятія работника не достаточно, слѣдовательно, сынъ его, не имѣя собственнаго дома и скотоводства, нисколько не можетъ стѣснять казаковъ; да и ему самому, въ вознагражденіе пятидесяти-лѣтнихъ заслугъ и трудовъ его, понесенныхъ по службѣ при Богоявленской церкви и прихожанъ ея казаковъ, Полковое № 9 полка правленіе не только не дозволяетъ пользоваться землею, даже за выгонъ двухъ или трехъ скотинъ требуетъ кортомныя деньги: вотъ награда при старости лѣтъ отъ войскового начальства за пятидесяти-лѣтнюю службу, каковой службы военному начальству не слѣдовало бы оставлять безъ вниманія.

Наконецъ куда долженъ выѣхать сынъ его изъ крѣпости Эткульской на жительство? Ибо нигдѣ не назначено земли для жительства престарѣлыхъ, сиротствующихъ и больныхъ, неспособныхъ продолжать службу, духовныхъ лицъ, на которую бы сынъ его, оставивъ—по принужденію начальства мѣсто рожденія и мѣсто прошлой службы,—отправился. А потому проситъ Челябинское Духовное правленіе оградить его отъ несправедливыхъ притѣсненій Эткульскаго станичнаго правленія.

По выше писаннымъ причинамъ, во уваженіе его престарѣлыхъ лѣтъ и долго временной службы, оставить сына его Павла при немъ для поддержанія его старости и просить увѣдомленія, на какомъ основаніи отнимается отъ безпомощнаго отца, неимѣющаго никого въ управленіи домомъ, —сынъ Павелъ. Протоіерей Алексѣй Агровъ".

Какой отвѣтъ дало на это отношеніе полковое правленіе, изъ дѣла не видно.

Вѣроятнѣе всего, что оно указало Духовному правленію, что выселеніе лицъ неказачьяго сословія производится не по капризу казачьяго начальства, а по волѣ правительства и что пономарь Павелъ Емельяновъ, какъ лицо, неимѣющее духовнаго сана и несостоящее на духовной службѣ, дѣйствительно, подлежитъ выселенію на точномъ основаніи закона.

Вслѣдствіе изложеннаго, Челябинское Духовное правленіе всю переписку направило къ преосвященному Іоанникію, епископу Оренбургскому и Уфимскому. Къ нему же за защитой обратился и заштатный священникъ Георгій Емельяновъ съ прошеніемъ объ оставленіи при немъ его сына Павла для поддержанія престарѣлыхъ родителей.

Ходатайство имѣло успѣхъ. 17 августа 1844 года преосвященный Іоанникій, основываясь на представленіи Челябинскаго Духовнаго правленія и прошеніи Емельянова, обратился съ личнымъ письмомъ къ Наказному Атаману, графу Цукато, въ которомъ, указывая на полную безпомощность престарѣлаго служителя церкви, протрудившагося въ теченіе цѣлыхъ 50 лѣтъ, ходатайствуетъ предъ графомъ и объ оказаніи покровительства престарѣлому священнику Емельянову съ его семействомъ, въ уваженіе бѣдственнаго положенія семейства и многолѣтнихъ трудовъ, употребленныхъ имъ для церкви Еткульской крѣпости, дозволить сыну его проживать въ этой крѣпости и пользоваться самому священнику Емельянову поземельными угодьями и безмезднымъ выгономъ для скота".

Это письмо вмѣстѣ со всею перепискою было возвращено командиру 9-го полка при предписаніи Войскового правленія отъ 23 марта 1845 года за № 1223, съ предложеніемъ дать по этому дѣлу свое заключеніе: „не встрѣтится ли какихъ препятствій къ удовлетворенію просьбы *отставного* священника Георгія Емельянова, ходатайствующаго о дозволеніи ему съ семействомъ проживать въ Еткульской станицѣ и пользоваться нѣкоторыми поземельными довольствіями. Въ свою очередь полковое правленіе предписаніемъ за № 1247 предложило Еткульскому станичному правленію дать свое заключеніе, въ какой мѣрѣ священникъ пользуется угодьями и какъ вообще къ этому вопросу относится мѣстное общество.

Отзывъ получился весьма интересный и довольно оригинальный, почему привожу его полностью.

Еткульское Станичное правленіе.
11 апрѣля 1845 года.
№ 202.

Въ полковое правленіе № 9 Оренбургскаго полка.

РАПОРТЪ.

Сіе станичное правленіе донести честь имѣетъ, что просьбу отставного священника Георгія Емельянова о дозволеніи сыну его заштатному пономарю Павлу Емельянову проживать въ станицѣ Еткульской и пользоваться безвозмездно поземельными довольствіями удовлетворить, никакъ не можетъ, потому что, хотя священникъ Емельяновъ и пишетъ въ своей просьбѣ, что имѣетъ онъ болѣзненнаго сына и хозяйство его заключается въ 2-хъ или 3-хъ скотинахъ, но это совсѣмъ несправедливо, такъ какъ сынъ его повидимости совершенно здоровъ и занимается домашностью, имѣетъ скотоводство въ сложности всего слишкомъ 30 штукъ и распахиваетъ земли около 7—8 десятинъ каждогодно и накашиваетъ сѣна по двѣсти копенъ и болѣе, а повинности по станицѣ никакой не относитъ и оброку въ общественную сумму нисколько не платитъ, самъ же священникъ Емельяновъ съ женой своей сможетъ пропитываться отъ доброхотныхъ даятелей сей станицы. Подписали: Станичный Начальникъ Урядникъ Севастьяновъ и два неграмотныхъ судьи приложили свои печати".

Полковое правленіе, очевидно, провѣривъ доводы станичнаго правленія, вполнѣ согласилось съ мнѣніемъ станичныхъ властей и всю переписку направило обратно въ Войсковое правленіе, присовокупивъ отъ себя, что „священникъ сверхъ сего имѣетъ пенсіонъ".

Казалось, ходатайство старика-священника окончательно потерпѣло полное крушеніе, тѣмъ болѣе, что отзывъ станицы былъ данъ слишкомъ противорѣчащій даннымъ, указаннымъ священникомъ въ прошеніи, ссылавшемся на „болѣзненнаго сына и малое хозяйство". Кто изъ нихъ былъ правъ, изъ сохранившихся документовъ не видно.

Надо полагать, что и въ то отдаленное время общество такъ же мало цѣнило труженниковъ, какъ приходится наб-

людать и въ наше время: характерною въ данномъ случаѣ является черта казаковъ, сохранившаяся и донынѣ учитать пользованіе земельными угодіями, которыхъ и теперь у казаковъ еще очень много, а о томъ сколько ихъ было 70 лѣтъ назадъ и говорить не приходится: на вольныхъ необъятныхъ пространствахъ можно было прокормить тысячи скота и о какихъ то 30 скотинахъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Указывая на характерную особенность казачества, вѣроятно, вполнѣ справедливо будетъ допустить, что и священникъ Емельяновъ, тоже въ силу характерной особенности, могъ умалить свои достатки, но повторяю, что за неимѣніемъ въ дѣлѣ другихъ подтверждающихъ или отвергающихъ данныхъ, вопросъ остался открытымъ, а разбираться въ немъ—не мое дѣло.

Войсковое правленіе, разсмотрѣвъ переписку и представленные отзывы полкового правленія, основываясь на ходатайствѣ преосвященнаго Іоанникія не согласилось съ доводами правленія и указомъ отъ 28 сентября 1845 г. сообщило, что, хотя „людямъ невошедшимъ въ составъ Оренбургскаго казачьяго войска запрещается на будущее время имѣть на земляхъ онаго постоянную осѣдлость и пользоваться земельными довольствіями, собственно казачьему сословію присвоенными, а потому, хотя не слѣдуетъ заштатному священнику Емельянову проживать и пользоваться поземельными угодьями, но принимая въ уваженіе престарѣлыя его лѣта, большое семейство и 50-лѣтніе труды, употребленные имъ для Еткульской церкви, предоставить полковому правленію согласить общество Еткульской станицы на безпрепятственное дозволеніе ему пользоваться угодьями въ самомъ необходимомъ для хозяйства количествѣ. Что же касается до сына его, понамаря, то онъ можетъ оставаться въ семействѣ своего отца“.

3 декабря 1845 г. за № 4362 полковое правленіе донесло, что „общество дозволило священнику Емельянову пользоваться угодьями, но въ самомъ необходимомъ для хозяйства количествѣ“.

Такъ окончилась эта любопытная исторія, дающая яркую картину тяжелаго правового положенія сельскихъ батюшекъ въ срединѣ минувшаго столѣтія. Священникъ прослужившій въ одномъ приходѣ цѣлыхъ 50 лѣтъ, совершенно сжившійся съ прихожанами и селомъ едва не былъ выброшенъ за бортъ и только заступничество архипастыря предъ высшимъ начальствомъ спасло все семейство отъ выселенія изъ станицы, ставшей родиною многочисленной семьи стараго священника.

А. Кривощековъ.

Послѣдніе дни жизни императора Александра I-го и его кончина въ Таганрогѣ.

(По письму камердинера Петра Папкова къ московскому коменданту Н. Н. Веревкину).

„Еще важнѣе было бы предъявленіе документа отъ кого либо изъ лицъ, находившихся въ Таганрогѣ.
(В. Г.—„По поводу легенды объ императорѣ Александрѣ I").

Недавно (7 апрѣля сего 1915 года) въ архивъ оренбургской ученой архивной комиссіи было передано ея дѣйствительнымъ членомъ—Д. Н. Соколовымъ письмо Петра Папкова къ московскому коменданту Н. Н. Веревкину. Письмо это пожертвовано г-жею Е. А. Эверсманъ и написано, какъ можно думать, царскимъ камердинеромъ.

„Перечитайте документы, говоритъ князь В. В. Барятинскій, относящіеся къ роковому утру 19 ноября и вы не сможете отвѣтить даже на слѣдующіе три (казалось бы важные) вопроса:

1. При какихъ обстоятельствахъ скончался Александръ—спокойно или въ мученіяхъ? Въ сознаніи или безъ сознанія?

2. Кто присутствовалъ при кончинѣ? Одна-ли императрица или еще кто-нибудь? и если кто-нибудь, помимо ея, присутствовалъ, то кто именно?

3. Какъ держала себя императрица послѣ кончины ея супруга? Спокойно или нѣтъ? Плакала или нѣтъ? Ушла-ли она изъ комнаты сама или съ ней сдѣлался обморокъ и ее вынесли?

Къ этимъ тремъ вопросамъ можно, пожалуй, прибавить еще одинъ: когда точно скончался государь въ 10 ч. 45 м. или въ 10 ч. 50 мин.?"[1])

Такъ какъ письмо Папкова—прямо или косвенно—даетъ отвѣтъ, за исключеніемъ перваго, на всѣ остальные поставленные вопросы, то уже этимъ однимъ достаточно опредѣляется его историческая цѣнность и научный интересъ. Но кромѣ того въ письмѣ Папкова имѣются еще другія подробности, которыя не были извѣстны ранѣе и которыя, быть можетъ, помогутъ уясненію запутаннаго вопроса о таинственной кончинѣ императора Александра I...

Что же касается подлинности письма т. е. принадлежности его тому лицу, которому оно приписывается, то сомнѣваться въ этомъ, кажется, нѣтъ достаточныхъ основаній. Написано письмо 23 ноября 1825 года, т. е. подъ первымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти государя Александра I, и на бумагѣ, имѣющей такіе водяные знаки: „У. Ф. Л. П." (на первой половинѣ листа) и „1825" (на второй половинѣ). Какъ камердинера, автора интересуетъ преимущественно,—когда государь былъ въ одномъ мундирѣ и когда надѣлъ шинель, когда онъ потребовалъ мѣхъ подъ ноги и когда надѣлъ мѣховую шинель, когда выпилъ пуншу и сколько было поставлено ему піявокъ и т. п.

Стиль письма и правописаніе автора изобличаютъ въ немъ человѣка малограмотнаго и непривыкшаго къ литературному изложенію своихъ мыслей, какъ это и свойственно человѣку того положенія, которое занималъ авторъ. Въ какихъ отношеніяхъ находился онъ къ московскому коменданту Веревкину,—сказать не беремся опредѣленно, но, какъ можно догадываться, между ними существовала какая-то дружба, и письмо отъ 23 ноября не было первымъ...

Почеркъ письма ровный, близкій къ канцелярскому[2]), и

---

[1]) Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ. (Императоръ Александръ I —Ѳедоръ Козьмичъ)", кн-во „Прометей", стр. 58.

[2]) Авторъ письма, повидимому, прежде, чѣмъ поступить въ царскіе камердинеры, служилъ полковымъ или какимъ-нибудь другимъ писаремъ. За это говорятъ отчасти причудливые завитки на большихъ буквахъ и нѣкоторые вычурныя выраженія, которыя встрѣчаются въ письмѣ Папкова и которыми онъ, очевидно, нѣсколько щеголяетъ.

безъ помарокъ. Подчистокъ тоже нѣтъ. Чернила выцвѣли и пожелтѣли, но не настолько, чтобы затруднлть чтеніе письма[1]). Кто-то попытался было въ послѣдствіи, на что указываетъ сратнительная свѣжесть чернилъ, восполнить пунктуацію автора, но, благодаря примитивности изложенія, такъ запутался въ этомъ, что не довелъ дѣло до конца и бросилъ свою попытку, какъ совершенно непосильную и безполезную... При копированіи письма мы намѣренно выпустили всѣ эти новые, совсѣмъ несвойственные автору, знаки препинанія и возстановили прежнюю его простоту и безыскуственность.

Вотъ оно во всей своей первоначальной цѣлости и неприкосновенности.

„Московскому Коменданту Веревкину

Таганрогъ 23 Ноября

Ужасная вѣсть о кончинѣ ГОСУДАРЯ дошла уже до васъ любезный мой Николай Никитичъ и Аграфена Ѳедоровна, то мнѣ остается теперь сказать[2]) Вамъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ сего постигшаго насъ нещастія такъ судьбѣ угодно было, что ГОСУДАРЬ на убѣжденія согласился и отправился въ крымъ[3]) 27 октября въ Горахъ близь Алуштъ[4]) ГОСУДАРЬ проѣзжая верхомъ безпрестанно долженъ былъ или опущаться съ Горъ или подниматся на Горы у подошвъ Горъ было очень жарко а выше очень холодно и чемъ выше холоднѣе; была же къ тому жестокая буря. ГОСУДАРЬ безпрестанно внизу снималъ фуражку и обтирался; какъ чрезъ минуту поднявшись на Высоту чувствовалъ противное въ тотъ же день чрезъ байзарскую (sic) долину[5]) проѣзжая въ Севастополь остановился на дорогѣ и отпра-

---

[1]) Владѣльцы письма, какъ видно очень дорожили имъ и тщательно берегли его.

[2]) Это слово было пропущено авторомъ и вставлено послѣ надъ строкой, повидимому, кѣмъ либо изъ читателей письма.

[3]) По словамъ кн. В. В. Барятинскаго, государь Александръ Павловичъ „уѣхалъ сперва въ землю Войска Донского (съ 11 по 15 октября), а затѣмъ въ Крымъ по просьбѣ новороссійскаго генералъ-губернатора, графа (впослѣдствіи свѣтл. князя) М. С. Воронцова". („Царственный мистикъ", стр. 23—24).

[4]) Алушта — дер. на южн. берегу Крыма, въ 30 верстахъ отъ Ялты.

[5]) Очевидно, чрезъ Байдарскую долину. „Побывъ у Воронцова въ Алупкѣ — пишетъ кн. Барятинскій, Александръ верхомъ поѣхалъ въ Байдары, гдѣ его ожидалъ экипажѣ и обѣдъ". („Царственный мистикъ", стр. 25).

вился въ Георгіевской Монастырь верхомъ съ 2 Татарами и переводчикомъ въ 5 верстахъ отъ дороги. Уже смерклось и было уже очень холодно[1]); Спрашивали неугодноли надѣть Шинель или бурку ненала и отправился оттуда возвратился чрезъ 2 часа вставъ съ лошади и сказалъ очень холодно и что онъ озябъ; надѣлъ Шинель, Селъ въ коляску и отправился въ Севастополь куда уже прибылъ въ 9 часовъ вечера, на другой день такъ же въ одномъ мундирѣ былъ при парадѣ, при спускѣ Судна на Александровской батареи потомъ на морѣ И все сіе очень поздно кончилось замѣтили перемѣну въ лицѣ онъ нежаловался на балъ непоѣхалъ а отказался[2]) въ бакчисараѣ[3]) назсовѣ[4]) иперекопѣ[5]) замѣтили, что онъ такъ сказать очень не посебѣ; въ Ореховѣ[6]) уже самъ сказалъ, что немного нездоровъ, а въ маріуполѣ[7]) за 125 верстъ до таганрога недоѣзжая наночлегѣ позвалъ вилліе[8]) сказалъ, что чувствуетъ ознобъ, и что намеренъ выпить пуншу, чтобъ

---

1) „Изъ Балаклавы, пишетъ Н. К. Шильдеръ, императоръ Александръ прослѣдовалъ въ коляскѣ до мѣста, откуда идетъ дорога въ Георгіевскій монастырь. Тамъ онъ опять сѣлъ на лошадь, въ мундирѣ, безъ шинели, отпустилъ свиту въ Севастополь и, взявъ съ собою фельдегеря Годефроа, отправился въ монастырь въ сопровожденіи одного татарина. Это было 27 октября (8 ноября) въ 6 часовъ пополудни. День былъ теплый и прекрасный, но къ вечеру подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ и насталъ чувствительный холодъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что императоръ Алексавдръ простудился во время этой неосторожной и несвоевременной поѣздки въ Георгіевскій монастырь и такимъ образомъ утомительные переѣзды 27 октября послужили исходной точкой поразившаго его вскорѣ смертельнаго недуга". (Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I," С.-Петербургъ 1897 года, т. IV, стр. 370).

2) „День 28-го октября, пишетъ д-ръ, Тарасовъ, государь посвятилъ осмотру укрѣпленій, флота, морского госпиталя, и казармъ; затѣмъ былъ большой обѣдъ у Императора, и въ наружности Императора не было замѣтно никакой неблагопріятной перемѣны". (Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ", стр. 27).

3) На другой день, 23-го октября, говоритъ тотъ же д-ръ Тарасовъ, Алексанръ переправился на сѣверную сторону, осмотрѣлъ тамъ укрѣпленія и затѣмъ проѣхалъ въ коляскѣ въ Бахчисарай, гдѣ остановился въ ханскомъ дворцѣ". (Тамъ же).

4) Что нужно разумѣть подъ этимъ,—мы затрудняемся сказать. Такого названія мы нигдѣ не нашли.

5) Перекопъ—уѣздный городъ Таврической губерніи. „2-го ноября онъ (императоръ Александръ], пишетъ д-ръ Тарасовъ, ночевалъ въ Перекопѣ, гдѣ осматривалъ госпиталь". (Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ". стр. 28).

6) Орѣховъ—безуѣздный городъ Таврической губерніи. „На слѣдующій день, 4-го ноября, говоритъ д-ръ Тарасовъ. Государь принималъ въ Орѣховѣ вызванныхъ имъ туда Екатеринославскаго гражданскаго губернатора и архіепископа Феофила". (Тамъ же, стр. 31).

7) Маріуполь—портовый и уѣздный городъ Екатеринославской губерніи. „Сдѣлавъ обоимъ (екатеринославскому гражданскому губернатору и архіепископу Феофилу), пишетъ д-ръ Тарасовъ, соотвѣтствующее внушеніе, онъ (государь) выѣхалъ въ Маріуполь, куда и прибылъ въ 7 часовъ вечера". [Тамъ же].

8] Яковъ Васильевичъ Билліе, баронетъ и лейбъ-медикъ императора Александра 1-го.

пропотеть выпилъ пуншу укутался, но не вспотелъ[1]). 5 Ноября подъ ноги потребовалъ мѣхъ и надѣлъ мѣховую Шинель[2]) на станціи за обѣдомъ сказалъ, что чувствую лихорадку крымскую: 125 верстъ до таганрога онъ все засыпалъ и послѣднію станцію Едва двигались такъ тяжело ему ѣхать, что онъ безпрестанно спрашивалъ сколько верстъ осталось? но на голову не жаловался, пріѣхалъ въ 7 часу вечера[3]) никого не принималъ на другой день началъ было одѣваться ходить пешкомъ но немогъ[4]) потомъ хуже и хуже 8-го числа Коротенькое письмо написалъ въ С.-Петербургъ къ ИМПЕРАТРИЦѢ[5]) далѣе все хужѣ но какъ не уговаривали лекарство не принималъ[6])

---

[1]) 4-го ноября „въ 10-мъ часу вечера" въ Маріуполѣ государь, по словамъ д-ра Тарасова, потребовалъ къ себѣ лейбъ-медика Виллiе, который нашелъ его „въ полномъ развитіи лихорадочнаго сильнаго пароксизма. Виллiе былъ крайне встревоженъ положеніемъ государя, казался потерявшимъ свое практическое присутствіе духа и наконецъ рѣшился дать государю стаканъ крѣпкаго пунша съ ромомъ, уложилъ его въ постель и покрылъ сколько можно теплѣе. Это усилило только безпокойство императора, и онъ немного заснулъ лишь къ утру. Виллiе предлагалъ остаться въ Маріуполѣ, но государь не согласился на это, ибо отъ Маріуполя до Таганрога только 90 верстъ, и его величество спѣшилъ для свиданія съ императрицею, ожидавшею его прибытія въ назначенное время, т. е. 5-го ноября. Такъ было назначено по [маршруту". (Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ". стр. 31).

[2]) „5-го ноября, пишетъ тотъ же докторъ Тарасовъ, послѣ сильнаго пароксизма, по утру государь чувствовалъ утомленіе и слабость. Часу въ десятомъ утра въ закрытой коляскѣ съ медвѣжьею полостью въ теплой шинели, отправился изъ Маріуполя". [Тамъ же].

[3]) „Пріѣздъ въ Таганрогъ, говоритъ князь В. В. Варятинскій, состоялся въ 7-мъ часу вечера 5-го ноября". [Тамъ же, стр. 32].

[4]) „Относительно ночи съ 5-го на 6-е [ноября] Виллiе въ своемъ дневникѣ пишетъ: „Ночь прошла дурно. Отказъ принять лѣкарство. Онъ [государь] приводитъ меня въ отчаяніе. Страшусь, что такое упорство не имѣло-бы когда-нибудь дурныхъ послѣдствій". [Тамъ же, стр. 33].

[5]) За 8-е ноября кн. П. М. Волконскій пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Государь изволилъ писать въ С.-Петербургъ къ ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, приказалъ сдѣлать отправленіе 6-мъ числомъ, запретивъ писать о его болѣзни". (Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ", стр. 34).

[6]) За 14-е ноября тотъ же кн. Волконскій отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: „По утру жаръ у государя былъ поменѣе, и его величество дѣлалъ весь свой туалетъ и брился, какъ обыкновенно. Около обѣда сдѣлался опять сильный жаръ, и за ушами шея къ головѣ замѣтно покраснѣла, почему г. Виллiе и Стофраганъ (другой лейбъ-медикъ) предложили его величеству поставить за уши піявки; но государь и слышать о семъ не хотѣлъ, всячески былъ уговариваемъ и упрашиваемъ докторами, императрицею и мною, но совсѣмъ отказалъ, отсылалъ даже съ гнѣвомъ, чтобы оставили его въ покоѣ, ибо нервы и безъ того разстроены, которые бы должно стараться успокаивать и не умножать раздраженіе ихъ пустыми лѣкарствами. Въ 8 часовъ вечера, при императрицѣ, всталъ и спустилъ ноги съ постели, отъ чего сдѣлался ему сильный обморокъ; видя его упрямство, я при ея величествѣ сказалъ докторамъ, что почитаю однимъ средствомъ склонить государя на принятіе лѣкарства и приставленіе піявокъ —предложить его величеству причащеніе св. тайнъ, вмѣсто всѣхъ лѣкарствъ, наставя вмѣстѣ съ тѣмъ духовника, чтобы на духу и послѣ причащенія старался его увѣщевать и согласить на приставленіе піявокъ, говоря, что въ Таганрогѣ сіе средство отъ лихорадки почитается самымъ лучшимъ. Доктора приняли мой совѣтъ и просили императрицу взять на себя сдѣлать таковыя предложенія. Государыня, видя, что жаръ не уменьшается, изволила рѣшиться предложить его величеству пріобщиться..... Въ самое сіе время сдѣлался его величеству пресильный потъ, почему доктора положили повременить причастіемъ, пока потъ будетъ продолжаться, а между тѣмъ занялся наставленіемъ священника соборной здѣшней церкви, отца Алексѣя Ѳедотова". (Тамъ же, стр. 47).

15 рано по утру принялъ предложеніе ИМПЕРАТРИЦЫ исповѣдывался и приобщился когда священникъ приобщилъ то вставъ на колени сказалъ что онъ уврачевалъ душу и просилъ отъ церкви и отъ народа, чтобъ онъ согласился врачевать тело Есть ли надобно то я согласенъ отвѣчалъ и тутъ сказалъ теперь я вижу, что опасно буленъ (sic); пустили 50 піявокъ сдѣлалось полѣгчѣ[1]) но потомъ опять хуже горчица непособила[2]) 16 былъ безъ чувствъ приложилъ у затылка мушку было полѣгчѣ, проговорилъ[3]) 18-го почти не открывалъ глазъ[4]) 19 числа въ 10 часовъ 50 Минутъ кончилъ жизнь[5]) ИМПЕРАТРИЦА была безъ отлучно[6]) при немъ 5

---

[1]) Въ дневникѣ кн. Волконскаго за 15-е ноября записано: „Жаръ продолжался до 4-хъ часовъ утра. Въ 6 часовъ сдѣлалось его величеству хуже, о чемъ я немедленно сообщилъ ея величеству, которая, пришедши къ государю, тотчасъ напомнила о духовникѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ г-нъ Вилліе объявилъ государю, что онъ въ опасности. Его величество приказалъ позвать духовника и прослушавъ молитвы къ исповѣди, обратился къ императрицѣ, сказалъ: „il faut me laisser seul.“ Когда всѣ вышли, то государь изволилъ исповѣдываться, а по окончаніи приказалъ духовнику призвать императрицу, съ коей вошелъ опять и я съ ген.-ад. Дибичемъ и съ докторами Вилліе, Стоффрегеномъ, Тарасовымъ и камердинерами; государь изволилъ пріобщиться Св. Тайнъ, послѣ чего духовникъ поздравляя его величество, просилъ его не отказывать помощь медиковъ и совѣтовалъ по обычаю здѣшнему приставить піявки. Умоляя государя не терять времени, сталъ съ крестомъ въ рукахъ на колѣни. Государь сказалъ: „встаньте“, и, поцѣловавъ крестъ и духовника, сказалъ, что никогда не ощущалъ большаго удовольствія, какъ на сей разъ; обратился къ императрицѣ, взялъ ея руку, и поцѣловавъ оную, сказалъ: „Jamais je n'ai éprouvé un plus grand plaisir et vous remercie beaucoup“. Какъ жаръ не убавлялся, напротивъ того усиливался, то доктора предложили опять піявки; его величество, не отказывая съ тѣхъ поръ ничего, употреблялъ всѣ лекарства, какія были ему подносимы; началъ съ піявокъ, коихъ поставили за уши 35 по обѣимъ сторонамъ, что продолжалось довольно долго и крови довольно было вытянуто; жаръ хотя и уменьшился, но не надолго, и къ ночи было уже хуже. Прикладывали синапизмы къ рукамъ и бедрамъ“. (Кн. В. В. „Царственный мистикъ“. стр. 49—50).

[2]) См. предыдущее примѣчаніе.

[3]) Въ дневникѣ кн. Волконскаго за 16-е ноября говорится: „Ночь проводилъ худо и все почти въ забытіи: въ 2 часа ночи попросилъ лимоннаго мороженаго, котораго откушалъ одну ложечку, потомъ во весь день ему было худо: къ вечеру положили еще къ ляжкамъ синапизмы, но жаръ не уменьшался. Государь былъ все хуже, въ забытьи и ничего не говорилъ“. (Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ“, стр. 51). А Тарасовъ за то же число пишетъ: „Ночь государь провелъ нѣсколько спокойнѣе. Жаръ былъ менѣе сильный; поставленная на затылокъ шпанская мушка хорошо подѣйствовала“. [Тамъ же, стр. 52].

[4]) За 18-е Ноября Вилліе пишетъ: „Ни малѣйшей надежды спасти моего обожаемаго повелителя. Я предупредилъ императрицу и кн. Волконскаго и Дибича, которые находились—первый у себя, а послѣдній—у камердинеровъ“. (Тамъ же, стр. 54).

[5]) 19-го ноября Вилліе отмѣчаетъ: „Государь оставался въ забытіи во все время до конца, въ 10 часовъ и 50 минутъ испустилъ послѣдній духъ. Императрица закрыла ему глаза, и подержавъ челюсть, подвязала платкомъ, потомъ изволила пойти къ себѣ“. [Тамъ же].

[6]) Въ актѣ кончины императора Александра сказано: „Все сіе къ неописанной горести вѣрныхъ сыновъ Россіи, совершилось въ присутствіи Е. И. В. Государыни Императрицы Елизаветы Алексѣевны, которая во всю болѣзнь августѣйшаго ея супруга изволила быть при немъ неотлучно“. [Тамъ же, стр. 77].

сутокъ не спала и не кушала, когда сталъ кончатся начали читать отходную[1]) ИМПЕРАТРИЦА все держала ЕГО за руку а когда испустилъ духъ то она закрыла глаза перевязала платкомъ подбородокъ сложила руки поцеловала поклонилась и сказавъ прощай мой другъ обратилась къ образу помолилась и пошла въ свою половину, Эдва къ себѣ вошла зарыдала какъ потомъ вскорѣ сказала Господи прости моей слабости ободрившись приказала при тѣлѣ служить панихиду[2]) взяла Свечу и неплакала но скорбь ужасная была на лицѣ ея на другой день перевезли тело въ другой домъ[3]) но вчера была тамъ на панихидѣ, а со вчерашняго дня начала говѣть[4]). ИМПЕРАТРИЦА но (не?) человѣкъ, но Ангелъ воплоти чудо переноситъ съ величіемь души но очень слаба, ужасное здѣсь положеніе плачь видимъ тѣло и все Еще неопомнимся, все намъ кажется не воснель видимъ по вскрытіи тела все нашли въ наилучшемъ видѣ но когда черепъ вскрыли то вылилось до 50-ти золотниковъ воды[5]) ждемъ Сюда изъ варшавы ЦЕСАРЕВИЧА[6]) прощайте вашъ Преданный.

Петръ Папковъ".

Сопоставляя письмо Папкова со свѣдѣніями, помѣщенными нами въ примѣчаніяхъ, нельзя не признать того, что Папковъ былъ очень добросовѣстнымъ корреспондентомъ и точнымъ хроникеромъ. Онъ не только почти съ эпическимъ безстрастіемъ передаетъ о событіяхъ въ Таганрогѣ, но и устанавливаетъ ихъ строгую хронологическую послѣдовательность, при чемъ иногда дѣлаетъ очень важныя и инте-

---

[1]] Объ этомъ никто не говоритъ, кромѣ Папкова.

[2]] Объ этомъ никто не сообщаетъ, кромѣ Папкова.

[3]] Тоже. Напротивъ, кн. В. В. Барятинскій говоритъ: „Тѣло [императора] оставалось во дворцѣ съ 19-го ноября до 11-го декабря; затѣмъ было перенесено въ соборъ Александровскаго монастыря". [Кн. Б. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ", стр. 67].

[4]] Объ этомъ никто не сообщаетъ, кромѣ Папкова.

[5]] „Александръ скончался 19-го ноября около 11 часовъ утра. Вскрытіе тѣла сдѣлано 20-го числа въ 7 часовъ вечера, т. е. тридцать два часа спустя послѣ смерти". [Кн. В. В. Барятинскій: „Таинственный мистикъ", стр. 67]. Въ протоколѣ вскрытія тѣла говорится, между прочимъ: „При извлеченіи мозга изъ своей полости, на основаніи черепа, равно, какъ и въ желудочкахъ самого мозга, найдено прозрачной сукровицы (serositas) до двухъ унцовъ". [Тамъ же, стр. 80]. О томъ, что при вскрытіи черепа *„вылилось до 50-ти золотниковъ воды"*, сообщаетъ только одинъ Папковъ.

[6]] Т. е. Константина Павловича, которому было послано извѣщеніе о болѣзни императора 11-го ноября. [„Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ", стр. 61].

ресныя дополненія. Благодаря этой особенности письма Папкова, мы можемъ на основаніи только его одного представить себѣ болѣе или менѣе подробную картину какъ послѣднихъ дней жизни государя Александра Павловича, такъ и его казавшейся тогда загадочной кончины.

Папковъ начинаетъ свое описаніе съ 27-го октября 1825 года. Это онъ дѣлаетъ не даромъ, а потому именно, что считаетъ день 27-го октября начальнымъ моментомъ смертельной болѣзни государя, который простудился, какъ нужно догадываться изъ письма, во время восхожденія на горы близъ Алушты, когда была „жестокая буря“ и когда „у подошвъ горъ было очень жарко, а выше холодно, и чѣмъ выше—холоднѣе“. Но какъ самъ государь, такъ и окружавшіе его не сразу догадались о начавшейся болѣзни. Только въ Бахчисараѣ, какомъ-то Зосовѣ и Перекопѣ стало замѣтно, что государь чувствуетъ себя „очень не по себѣ“, а въ Орѣховѣ онъ „уже самъ сказалъ, что немного нездоровъ“. На ночлегѣ же въ Маріуполѣ государь позвалъ лейбъ-медика Я. В. Виллліе и сознался, „что чувствуетъ ознобъ и что намѣренъ выпить пуншу, чтобы пропотѣть“. Однако, не смотря на то, что пуншъ не произвелъ желаемаго дѣйствія, государь 5-го ноября потребовалъ мѣхъ подъ ноги, надѣлъ мѣховую шинель и отправился далѣе—въ Таганрогъ, до котораго оставалось, по словамъ Папкова, 125 верстъ. Во время этого пути за обѣдомъ на какой то станціи государь самъ сказалъ, что чувствуетъ крымскую лихорадку... Ѣхать ему было очень тяжело... и онъ все засыпалъ дорогой. Послѣднюю станцію еле двигались и государь постоянно спрашивалъ: „Сколько верстъ осталось? *Но на голову*, почему-то добавляетъ Папковъ, *не жаловался*... Въ Таганрогъ прибыли въ 7-мъ часу вечера того-же 5-го ноября. Никакихъ пріемовъ по пріѣздѣ сюда государь не дѣлалъ. На другой день, т. е. 6-го ноября онъ началъ было одѣваться для прогулки („ходить пѣшкомъ“), но не могъ уже,.. и съ тѣхъ поръ болѣзнь все прогрессировала: ему становилось все „хуже и хуже“. Впрочемъ, 8-го ноября онъ еще былъ въ силахъ написать

коротенькое письмо въ С.-Петербургъ къ своей матери, вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Какъ ни уговаривали государя принять лѣкарство, онъ этого не дѣлалъ, и положеніе его становилось, поэтому, совершенно безнадежнымъ. 15-го ноября онъ былъ уже настолько плохъ, что охотно, по предложенію государыни Елизаветы Алексѣевны, исповѣдывался и пріобщился св. Тайнъ, послѣ чего духовникъ государя (соборный священникъ о. Алексѣй Ѳедотовъ) всталъ на колѣни и сталъ просить его отъ лица церкви и народа, чтобы онъ, уврачевавъ душу, согласился и на врачеваніе тѣла. Государь отвѣтилъ на это полнымъ согласіемъ и тутъ же добавилъ: „Теперь я вижу, что опасно боленъ"... Этимъ сейчасъ же поспѣшили воспользоваться и поставили ему 50 піявокъ, но было уже поздно... Правда сначала сдѣлалось было лучше, но потомъ наступило ухудшеніе и 16-го ноября государь находился уже безъ чувствъ... Поставили мушку „у затылка" и государь пришелъ на нѣкоторое время въ сознаніе: что то проговорилъ... 18-го ноября государь „почти не открывалъ глазъ", а *19-го въ 10 часовъ 50 минутъ* (*утра*) его и совсѣмъ не стало...

Всѣ послѣдніе 5 сутокъ жизни Александра Павловича государыня Елизавета Алексѣевна находилась безотлучно при умирающемъ супругѣ („не спала и не кушала") и держала его за руку во время кончины. При ней же была прочитана и т. н. отходная, т. е. „Канонъ молебный при разлученіи души отъ тѣла".

Сдѣлано это, конечно, тѣмъ же самымъ духовникомъ, который исповѣдывалъ и пріобщалъ государя и который, какъ слѣдуетъ заключить, *присутствовалъ при кончинѣ его*. Государыня ни на минуту не теряла самообладанія и, какъ только государь испустилъ духъ, сама закрыла глаза ему, перевязала платкомъ подбородокъ, сложила руки, поцѣловала, поклонилась и сказавъ: „Прощай, мой другъ!" обратилась къ образу, помолилась—и только *тогда ушла на свою половину*. Здѣсь она дала было полную волю своему скорбному чувству и зарыдала, но вскорѣ опомнилась, сказала:

„Господи, прости моей слабости“... и, „ободрившись, приказала при тѣлѣ (умершаго супруга) служить панихиду“. Во время панихиды государыня взяла свѣчу и не плакала.... *„но скорбь ужасная была на лицѣ ея“*... На слѣдующій день тѣло почившаго государя *было перевезено въ другой домъ* и тамъ же, какъ можно судить по ходу рѣчи Папкова, было произведено медицинское вскрытіе тѣла. „По вскрытіи тѣла, какъ говоритъ Папковъ, все нашли въ наилучшемъ видѣ, но когда черепъ вскрыли, то *вылилось до 50-ти золотниковъ воды*“.

22-го ноября, т. е. наканунѣ того дня, когда Папковъ писалъ свое письмо, государыня снова присутствовала на панихидѣ при тѣлѣ почившаго государя, которое еще и въ это время находилось „тамъ“,—въ другомъ домѣ. Съ того же дня государыня начала говѣть, и этимъ самоиспытаніемъ разрѣшились тѣ душевныя волненія, которыя она переживала въ послѣдніе тяжелые дни...

Такое поведеніе государыни, такое необычайное присутствіе духа въ слабомъ тѣлѣ, вызвало даже восторгъ въ Папковѣ, который пишетъ съ восхищеніемъ: „Императрица—не человѣкъ, но ангелъ во плоти, чудо: переноситъ (скорбь) съ величіемъ души, но, добавляетъ Папковъ, очень слаба„...

Весьма характерны и слѣдующія слова Папкова: „Ужасное здѣсь положеніе, плачь: видимъ тѣло и все еще не опомнимся, все намъ кажется,—не во снѣ-ли видимъ? Ждемъ сюда изъ Варшавы Цесаревича“...

Какъ видно, письмо Папкова ни на минуту не даетъ читателю права сомнѣваться въ дѣйствительности смерти государя Александра Павловича... Но мало того: нужно сказать, что своими случайными обмолвками и дополненіями оно проливаетъ даже совсѣмъ новый свѣтъ на нѣкоторые темные факты таганрогской трагедіи. Такъ, напримѣръ, Папковъ сообщаетъ, что тѣло почившаго государя было перевезено на слѣдующій день въ другой домъ. Эта маленькая, повидимому, подробность весьма важна и цѣнна. Ею вполнѣ достаточно объясняется тотъ странный на первый взглядъ

фактъ, что медицинское вскрытіе тѣла государя оттянулось *до 7 часовъ вечера 20-го ноября*[1]). Дѣло объясняется очень просто. Врачи пожалѣли больную государыню и, чтобы сберечь ея разстроенные нервы, надумали произвести крайне тяжелую для окружающихъ, грязную и сложную операцію вскрытія и бальзамированія тѣла не во дворцѣ, не рядомъ съ покоями государыни, а въ какомъ-то другомъ домѣ. Пріисканіе этого-то дома и заняло не мало времени, такъ какъ изъ чувства брезгливости далеко не всякій могъ согласиться уступить свой домъ для той цѣли, для которой его пріискивали... А замедленіе во вскрытіи тѣла въ свою очередь достаточно объясняетъ и то, что наиболѣе пораженная часть тѣла — голова не дождалась вскрытія, и почернѣла... Возможно даже, что и самое возникновеніе легенды о подмѣнѣ тѣла государя тѣломъ кого-то другого было обязано своимъ происхожденіемъ именно сравнительно быстрому перевезенію тѣла государя въ другой домъ и, конечно, частнаго владѣльца. Для простецовъ, непосвященныхъ въ тогдашнія дворцовыя тайны, казалось загадочнымъ это скорое перевезеніе тѣла умершаго государя изъ дворца не въ храмъ, не въ соборъ, а въ какой-то частный домъ,—и вотъ они дали свое, казавшееся имъ вполнѣ удовлетворительнымъ, объясненіе непонятному для нихъ факту... Сколько времени оставалось тѣло государя въ найденномъ частномъ домѣ,—Папковъ не говоритъ, но во всякомъ случаѣ оно не тотчасъ послѣ вскрытія и бальзамированія было взято оттуда, а только, спустя нѣкоторое время. Тотъ же Папковъ отмѣчаетъ, что 22-го ноября государыня была на панихидѣ не во дворцѣ, а *„тамъ"*, т. е. въ другомъ домѣ.

Если къ этимъ указаніямъ Папкова присоединить еще упоминаніе о чтеніи отходной, самообладаніи государыни, ея говѣніи и т. п., то будетъ вполнѣ справедливо признать, что въ письмѣ Папкова мы имѣемъ весьма важный въ историческомъ отношеніи документъ, который говоритъ далеко не

---

[1]) Эта дата указана въ протоколѣ вскрытія тѣла. (Кн. В. В. Барятинскій: „Царственный мистикъ", стр. 70).

въ пользу очень распространенной, но мало вѣроятной, легенды о тождествѣ таинственнаго томскаго старца Ѳедора Козьмича съ императоромъ Александромъ I-мъ.

Въ виду этого-то и рѣшились мы предложить письмо Папкова просвѣщенному вниманію всѣхъ тѣхъ, кого почему-либо интересуетъ вопросъ о кончинѣ императора Александра I-го въ Таганрогѣ. По нашему мнѣнію, письмо Папкова не потеряетъ своей исторической цѣнности даже и тогда, когда, по суду компетентныхъ лицъ, оно окажется не оригиналомъ, а только копіей... Пусть будетъ это и копія, но, во всякомъ случаѣ, копія довольно близкая къ самому оригиналу какъ по тексту, такъ и по времени!

Священникъ *Николай* **МОДЕСТОВЪ.**

г. Оренбургъ.
15 іюня 1915 года.

Царскій подарокъ новорожденному.

„Не родись хорошъ и пригожъ,
а родись счастливъ“.
(Пословица).

Какъ-то, давно уже, пришлось намъ читать разсказъ о томъ, какъ Императоръ Александръ I-й, остановившись на одной почтовой станціи и увидѣвъ въ комнатѣ станціоннаго смотрителя лежащее на столѣ Евангеліе, спросилъ его: „Часто-ли онъ читаетъ эту святую книгу?“

—„Каждый день прочитываю по-немножку“, отвѣтилъ станціонный смотритель.

Государь похвалилъ его за это и незамѣтно вложилъ въ Евангеліе какую-то крупную ассигнацію въ надеждѣ на то, что любитель Евангелія самъ найдетъ ее при дальнѣйшемъ чтеніи...

Но вотъ Государь возвращается и снова останавливается на той же станціи. Евангеліе, оказывается, лежитъ на прежнемъ мѣстѣ. Государь раскрываетъ его и видитъ, что положенная имъ ассигнація осталась совершенно нетронутой.

Тогда Государь тутъ же, на глазахъ смотрителя, беретъ обратно положенную имъ ассигнацію и говоритъ въ назиданіе: „Ищите Царствія Божія и сія вся приложатся вамъ“. (Лк. XII, 31).

Такъ смотритель и остался съ однимъ только назиданіемъ...

Гораздо счастливѣе этого смотрителя оказался смотритель другой почтовой станціи...

Здѣсь произошло слѣдующее:

Проѣзжалъ въ сентябрѣ 1824 года изъ Уфы въ Оренбургъ опять тотъ же Государь Александръ Павловичъ. Въ это время у смотрителя одной почтовой станціи, Алексѣя Частозвонова, произошло прибавленіе семейства: родился сынъ Иванъ. Какимъ-то обравомъ это сдѣлалось извѣстнымъ и проѣзжавшему Государю...

Принялъ-ли Государь это за добрую примѣту или вообще находился въ хорошемъ настроеніи, — мы не беремся рѣшать, но за то положительно можемъ сказать, что онъ не остался безучастнымъ къ происшествію, случившемуся въ семьѣ бѣднаго станціоннаго смотрителя. Онъ тогда же подарилъ на счастье или, какъ говорится „на зубокъ" новорожденному цѣлыхъ 500 рублей ассигнаціями....

Благодаря такой счастливой случайности, бѣдный станціонный смотритель сразу превратился, если не въ богатаго, то во всякомъ случаѣ въ весьма достаточнаго человѣка...

Описанное событіе имѣло мѣсто въ деревнѣ Зиргановой, Стерлитамакскаго уѣзда, нынѣшней Уфимской, а прежде Оренбургской, губерніи[1]). Оно показалось всѣмъ настолько важнымъ и достойнымъ вниманія, что впослѣдствіи занесено было даже въ одинъ оффиціальный документъ, который мы и приведенъ здѣсь полностію. Вотъ онъ:

„1834 года Маія 22 дня мы, нижеподписавшіеся, симъ свидѣтельствуемъ, что у бывшаго Оренбургской губерніи, Стерлитамацкой округи, деревни Зиргановой, почтовой части станціоннаго смотрителя Алексѣя Львова Частозвонова[2]) и законной жены его Аксиньи Семеновой въ незабвенный чрезъ здѣшнюю губернію проѣздъ блаженной и вѣчно достойной памяти ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА 1824 года Сентября 15 числа родился сынъ Иванъ, коему новорожденному оный ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ МОНАРХЪ въ то время изво-

[1]) Прежняя Оренбургская губернія была раздѣлена на двѣ губерніи—собственно Оренбургскую и Уфимскую—въ 1865 году.—С. Н. М.

[2]) Нынѣшніе потомки Алексѣя Частозвонова почему-то называются уже не Частозвоновыми, а Чистозвоновыми.—С. Н. М.

лилъ пожаловать щедрую награду денегъ ассигнаціями пять сотъ рублей. Молитвованъ и крещенъ былъ того же Сентября 20 дня упомянутой округи, села Васильевки, Христорождественской церкви покойнымъ священникомъ Онуфріемъ Ѳедоровымъ, но въ метрическія книги по забвенію не вписанъ. Воспріемники ему были: Стерлитамацкой почтовой конторы почталіонъ Афанасій Тимофеевъ Бѣляковъ и Оренбургской округи села Бугульчанъ священника Василья Максимова Высоцкаго жена Аграфена Матвѣева, въ чемъ, свидѣтельствуя, и подписуемся.

Багочинный города Стерлитамака протоіерей Ѳедоръ Ивановъ Базилевскій.

Титулярный совѣтникъ Иванъ Семеновъ сынъ Солодовниковъ.

Коллежскій секретарь Николай Кувшицкій.

Коллежскій совѣтникъ Василій Третьяковъ.

Штабсъ-капитанъ Василій Еселевъ.

Коллежскій секретарь Воронковъ.

Коллежскій регистраторъ Александръ Васильевъ сынъ Пантелеевъ.

Коллежскій регистраторъ Василій Петровъ сынъ Катанскій.

Коллежскій регистраторъ Іосифъ Кирилловъ.

Коллежскій регистраторъ Николай Уржумцевъ.

Губернскій секретарь Иванъ Уржумцевъ.

Коллежскій регистраторъ Павелъ Зыковъ.

Коллежскій регистраторъ князь Александръ Чанышевъ.

Воспріемникъ почталіонъ Аѳанасій Тимоѳеевъ сынъ Бѣляковъ.

Села Васильевки, Христорождественской церкви священникъ Квинтиліанъ Онуфріевъ Ѳедоровъ.

Вмѣсто воспріемницы Аграфены Матвѣевой (и при крещеніи былъ) Оренбургскаго уѣзда, села Бугульчанъ, Богородицкой церкви священникъ Василій Максимовъ Высоцкій"[1]).

---

1) Оригиналъ этого документа хранится въ архивѣ Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи, куда онъ пожертвованъ недавно Василіемъ Ивановичемъ г. Частозвоновымъ.—С. Н. М.

Какъ видно изъ самаго документа, новорожденный Иванъ Частозвоновъ оказался „по забвенію“ невписаннымъ въ метрическія книги, почему и потребовалось впослѣдствіи возстановленіе пропущенной записи на основаніи свидѣтельскихъ показаній. Хотя документъ и не устанавливаетъ причину этого забвенія, но, кажется, мы нисколько не ошибемся, если предположимъ, что произошло оно исключительно отъ слишкомъ усерднаго угощенія и обильныхъ возліяній, предложенныхъ Алексѣемъ Львовичемъ Честозвоновымъ на крестинахъ своего счастливца—сына. По всей вѣроятности, вмѣстѣ съ васильевскимъ причтомъ отпраздновало крестины Ивана Частозвонова и большинство свидѣтелей, подписавшихся подъ возстановленной метрикой. Стало быть, „Нѣтъ худа безъ добра“, какъ говоритъ русская пословица. Одни, благодаря пиршеству, позабыли вписать въ метрику новорожденнаго, а другіе въ благодарность за него не отказались принять участіе въ возстановленіи пропущеннаго...

Священникъ *Н. Н. Модестовъ.*

Г. Оренбургъ.

3 декабря 1915 года.

КАКЪ ОНЪ СТАЛЪ ЭМИГРАНТОМЪ.

(Изъ эпохи 60-хъ годовъ).

„Онъ слишкомъ много думалъ о своей личности".

(Изъ свидѣтельскихъ показаній).

Б. Б. Глинскій въ своемъ очеркѣ „Эпоха реформъ" пишетъ: „За бортомъ учебныхъ заведеній оказалось въ итогѣ немало молодыхъ силъ, которыя потомъ и наполнили собою революціонныя кадры, отдавъ себя всецѣло на активную борьбу съ правительствомъ. Не называя тѣхъ, кто сталъ впослѣдствіи въ ряды легальной оппозиціи, укажемъ на Гижицкаго, Войнаральскаго, Элпидина и Каракозова, чьи имена тѣсно связаны со всѣмъ ходомъ русской революціи. Они приняли первое „боевое" крещеніе въ студенческихъ безпорядкахъ 1861 года и отсюда понесли свои бурныя силы въ ту пучину борьбы, гдѣ ихъ ожидали самыя крайности человѣческой судьбы до смертной казни включительно" 1).

Объ одномъ изъ названныхъ г. Глинскимъ лицъ, а именно о Гижицкомъ, намъ удалось найти дѣло въ архивѣ оренбургской ученой архивной комиссіи. Оно носитъ такое заглавіе: «Дѣло о высланномъ на жительство въ Мензелинскъ бывшемъ студентѣ московскаго университета Гижицкомъ». Такъ какъ дѣло о Гижицкомъ хорошо знакомитъ насъ съ тѣмъ, ***какъ онъ сталъ эмигрантомъ***, то, кажется, не будетъ лишнимъ, если мы передадимъ здѣсь нѣкоторыя подробности объ этомъ. Подробности эти очень характерны какъ для самого Гижицкаго, такъ и для его эпохи. Вотъ они.

1] Б. Б. Глинскій: „Эпоха реформъ", [„Историческій Вѣстникъ" 1908 года, Августъ, стр. 588].

6 февраля 1862[1]) года среди студентовъ московскаго университета произошли какіе-то безпорядки. Въ числѣ участвовавшихъ въ этихъ безпорядкахъ былъ и студентъ Евгеній Гижицкій, котораго вскорѣ же послѣ того высочайше повелѣно было: «исключивъ изъ университета, выслать въ уѣздный городъ одной изъ отдаленныхъ губерній подъ строгій надзоръ мѣстнаго городничаго съ допущеніемъ его на службу въ уѣздныхъ и городовыхъ присутственныхъ мѣстахъ того города, гдѣ ему опредѣлено будетъ жительство, но не внѣ онаго»[2]). Вслѣдствіе этого 3 марта того же 1862 года бывшій студентъ Гижицкій «подъ присмотромъ двухъ жандармовъ» былъ отправленъ сначала въ отдаленный городъ Оренбургъ, а потомъ въ сопровожденіи уже казачьяго урядника Попова—въ г. Мензелинскъ[3]), который въ то время былъ еще уѣзднымъ городомъ Оренбургской губерніи[4]). Въ Мензелинскъ былъ доставленъ Гижицкій 26 марта 1862 года и тотчасъ же сданъ подъ особую расписку («квитанцію») тамошнему городничему Катанскому[5]).

Жилось Гижицкому въ Мензелинскѣ, хоть и подъ надзоромъ полиціи, но сравнительно терпимо и весело...

Здѣсь онъ скоро поступилъ на службу сначала въ уѣздный судъ, а потомъ занялъ мѣсто секретаря въ земскомъ судѣ[6]), гдѣ получалъ жалованья 14 рублей серебромъ въ мѣсяцъ[7]). Имѣлъ иногда Гижицкій и уроки въ Мензелинскѣ, приготовляя помѣщичьихъ дѣтей въ гимназію[8]). Да къ тому

---

[1]) А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 г., стр. I. Какъ видно изъ приведенной нами даты, г. Глинскій допустилъ нѣкоторую неточность, включивъ Гижицкаго въ группу студентовъ, принявшихъ первое „боевое" крещеніе въ студенческихъ безпорядкахъ 1861 года. Гижицкій былъ высланъ изъ Москвы за безпорядки 1862, а не 1861 года.

[2]) А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 г., стр. 1.

[3]) Тамъ же, стр. 3.

[4]) До 1865 года вся нынѣшняя Уфимская губернія съ ея теперешними уѣздами входила въ составъ Оренбургской губерніи.

[5]) А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 года, стр. 22.

[6]) Тамъ же, стр. 27.

[7]) Тамъ же, стр. 80. Жалованье, какое получалъ Гижицкій въ Мензелинскѣ, было далеко не изъ послѣднихъ по тому времени. Извѣстный критикъ-публицистъ А. М. Скабичевскій, окончившій курсъ въ петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата въ 1861 году и поступившій тогда на службу въ канцелярію военнаго генералъ-губернатора, получалъ всего только 12 рублей. (Б. Б. Глинскій: „Памяти А. М. Скабичевскаго". („Историч. Вѣстникъ" 1911 года, февраль, стр. 630).

[8]) А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 года, стр. 181.

же кто-то присылалъ ему и „небольшія деньги по почтѣ“[1]). Жизнь въ Мензелинскѣ была тогда очень дешева, и Гижицкій платилъ за квартиру со столомъ всего только 8 рублей серебромъ въ мѣсяцъ“[2]). Квартировалъ онъ у разныхъ лицъ, а въ послѣднее время жилъ у какого-то губернскаго секретаря И. П. Дороша, которому не доплатилъ за квартиру цѣлыхъ 4 рубля.[3]) Это случалось и по отношенію къ другимъ квартиро-хозяевамъ, такъ какъ Гижицкій жилъ „неразсчетливо, нуждался въ деньгахъ и имѣлъ долги“.[4]) Бывало и такъ, что „въ минуту жизни трудную“ онъ ходилъ обѣдать къ своимъ знакомымъ—подъ предлогомъ, что „не условился еще съ хозяйкой относительно стола“[5])...

Мѣстныя полицейскія власти въ лицѣ городничаго Катанскаго и его помощника Тарасова не только не обременяли Гижицкаго излишнимъ надзоромъ, но даже почти совсѣмъ оставляли безъ надзора, вслѣдствіе чего Гижицкій „не разъ выѣзжалъ изъ Мензелинска“ куда ему вздумается, хотя, какъ высланный подъ *строгій надзоръ*, онъ и не имѣлъ права отлучаться оттуда.[6]) Чаще всего онъ уѣзжалъ въ деревню Шарламу, отстоящую въ 80 верстахъ отъ Мензелинска, къ помѣщицѣ Пасмуровой, которая почему-то пригласила его къ себѣ тотчасъ же послѣ его пріѣзда въ Мензелинскъ[7]). Видали Гижицкаго и въ пригородѣ Заинскѣ[8]). Уѣзжалъ онъ иногда и на рѣку Икъ, находящуюся въ 5 верстахъ отъ Мензелинска. Туда онъ ѣздилъ съ учителемъ Вороновымъ и его семействомъ, чтобы „пить чай“ и кататься по рѣкѣ[9]).

Провинціальная скука и ореолъ пострадавшаго сдѣлали то, что мензелинское общество очень радушно отнеслось къ Гижицкому и охотно принимало его у себя. Особенно

---

1) А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 года, стр. 250.
2) Тамъ же, стр. 177
3) Тамъ же.
4) Тамъ же, стр. 80.
5) Тамъ же, стр. 181
6) Тамъ же, стр. 192
7) Тамъ же, стр. 31.
8) Тамъ же, стр. 311
9) Тамъ же, стр. 181

вхожъ былъ Гежицкій въ домъ окружного начальника государственныхъ имуществъ, Антона Александровича Зноско, который, какъ полякъ, „живо сочувствовалъ тогдашнимъ интересамъ своихъ соотечественниковъ *и ихъ приверженцевъ*". У него Гижицкій былъ принятъ совсѣмъ, „какъ человѣкъ близкій[1]). Къ числу болѣе или менѣе хорошихъ знакомыхъ Гижицкаго принадлежали еще: смотритель уѣздныхъ училищъ Курбатовъ и учителя уѣзднаго училища—Вороновъ, Михайловъ и Ильинъ. Съ ними сошелся Гижицкій, между прочимъ, на почвѣ совмѣстнаго устройства библіотеки, въ которой и состоялъ, какъ тогда говорили, „подписчикомъ".[2]) Даже самъ городничій Катанскій принималъ у себя Гижицкаго и игрывалъ съ нимъ на билліардѣ въ своей квартирѣ[3]). У него же въ домѣ познакомился Гижицкій и съ городскимъ врачемъ Титаренко, который „жилъ на одной квартирѣ съ Катанскимъ"[4]). Кромѣ того Гижицкій бывалъ „едвали не на всѣхъ клубныхъ вечерахъ въ дворянскомъ собраніи"[5]). Не прочь былъ Гижицкій сыграть и партію въ преферансъ[6]). Вслѣдствіе такого образа жизни Гижицкій рѣдко бывалъ дома и отлучался изъ него ежедневно"[7]). Однако не смотря на это, случалось иногда, что собирались гости и у него самого. Учитель Вороновъ засталъ у него однажды: самого городничаго, бургомистра, окружного начальника, окружного врача, городского врача, аптекаря, судебнаго слѣдователя, купца Попкова, купца Пивоварова, отставного коллежскаго асессора Казанцева и много другихъ неизвѣстныхъ лицъ.[8]). Завелся было у Гижицкаго въ Мензелинскѣ и пылкій романъ съ какой-то „Сашенькой", по поводу которой онъ писалъ впослѣдствіи: „А что моя Сашенька? Что она вышла замужъ или нѣтъ еще? Помнитъ-ли меня или предала пламени мои

---

1) А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 года стр. 309.
2) Тамъ же, стр. 309—310.
3) Тамъ же, стр. 214.
4) Тамъ же, стр. 119.
5) Тамъ же, стр. 181.
6) Тамъ же, стр. 311.
7) Тамъ же, стр. 177.
8) Тамъ же, стр. 181.

пламенныя записки? Что касается ея записокъ,—ихъ постигла самая трагическая плачевная участь: одна дама, у которой хранились мои вещи, опасаясь обыска, изорвала ихъ и бросила туда... туда, куда самъ царь пѣшкомъ ходитъ.

„Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ»[1]—заключаетъ свою тираду не въ мѣру насмѣшливый Гижицкій.

Характеръ у Гижицкаго, по свидѣтельству его знакомыхъ менвелинцевъ, былъ гордый, заносчивый, дерзкій[2]) и неспокойный. „Онъ слишкомъ много думалъ о своей личности", показывалъ о Гижицкомъ учитель Вороновъ[3]). Даже г-жа Зноско, въ семействѣ которой Гижицкій былъ свой человѣкъ, возмущенная однажды его заносчивостью и неделикатностью, „вынуждена была отказать ему въ помѣщеніи у себя и выкинула его чемоданы въ переднюю»[4]). Она „замѣчала, что онъ человѣкъ неспокойнаго характера и, смѣясь, говаривала ему, что ему не сносить своей головы"[5]). Ко всему этому можно прибавить, что Гижицкій очень любилъ порисоваться собою и для этого готовъ былъ иногда на самый неожиданный поступокъ... Такъ именно поступилъ Гижицкій весною 1863 года, когда неожиданно скрылся изъ Мензелинска и бѣжалъ оттуда...

Бѣжать изъ такого захолустнаго города, какъ Мензелинскъ, да еще при полной свободѣ разъѣзжать по уѣзду, было очень нетрудно. Гижицкій и сдѣлалъ это, воспользовавшись съ одной стороны открытіемъ весенней навигаціи по Камѣ, когда „Мензелинскъ посредствомъ камскаго пароходства имѣлъ легкое и удобное сообщеніе съ цѣлой Россіей", а съ другой—отъѣздомъ городничаго Катанскаго въ десятидневный отпускъ и временнымъ вступленіемъ въ его должность нераспорядительнаго старшаго засѣдателя мензелинскаго полицейскаго правленія—Павла Гавриловича Ружевскаго. Съ наступленіемъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ,

---

[1]) А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 года, стр. 158.
[2]) Тамъ же, стр. 181.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, стр. 112.
[5]) Тамъ же.

Гижицкій нанялъ знакомаго извозчика отвезти его на р. Икъ, а потомъ—лодочника переправить его на лодкѣ въ село Пьяный Боръ, гдѣ была пароходная пристань на р. Камѣ. Туда и былъ доставленъ Гижицкій вечеромъ 5 мая 1863 года—„передъ закатомъ солнца“[1]). Мензелинцы, привыкшіе къ частымъ отлучкамъ Гижицкаго изъ города, вспомнили о немъ только лишь на другой день, когда „полицейскіе солдаты стали ходить по городу и искать его“[2]). . . Такимъ образомъ, все устроилось, какъ нельзя проще, и ничего героическаго въ бѣгствѣ Гижицкаго не было, но послѣдній тѣмъ не менѣе возмнилъ себя послѣ того большимъ героемъ и долго рисовался своимъ бѣгствомъ предъ простодушными мензелинцами. „Ну, а какъ, пишетъ онъ уже въ самомъ концѣ 1863 года (24 декабря), поживаетъ временный оберъ-комендантъ города Мензелинска, Павелъ Гавриловичъ Ружевскій? Милый Поль! Какъ это ему не стыдно было выпустить изъ рукъ такую птицу, какъ я! Не только Пивоваровъ[3]), который зналъ все, но даже знаменія небесныя и необычайныя явленія земныя могли дать замѣтить ему, что надъ головой его собирается туча. Какъ же въ самомъ дѣлѣ развѣ не было чудесъ передъ моимъ отъѣздомъ? Юрьевъ въ уѣздномъ судѣ—собственнымъ умомъ рѣшилъ два дѣла, Суворовъ завелъ переписку съ Вѣрой Ивановной, Казимірская изъ девятнадцатилѣтней барышни съ каждымъ днемъ превращалась въ 18-лѣтнюю, и наконецъ,—horribile dictu—самъ Поль сталъ брать взятки *тайкомъ*[4]) (!!!) отъ секретаря! И вотъ при всѣхъ этихъ чудесахъ онъ не могъ догадаться, что что-то не ладно! Охъ, ты нещечко мое простоголовое! Да почіетъ надъ тобою благодать Духа Св., и благословеніе кіево-печерскихъ угодниковъ!»[5]). «То-то я думаю было разговоровъ обо мнѣ, говоритъ Гижицкій въ

---

1) А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 года, стр. 79, 80, 179 и 187.

2) Тамъ же, стр. 113.

3) Рѣчь идетъ, повидимому, о томъ купцѣ Пивоваровѣ, котораго учитель Вороновъ видѣлъ въ гостяхъ у Гижицкаго.

4) Курсивъ подлинника.

5) А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1863 года, стр. 307/2 и 307/3.

письмѣ къ смотрителю уѣздныхъ училищъ—В. Д. Курбатову, когда мензелинская публика узнала о моемъ бѣгствѣ: чай, еще, болѣе, чѣмъ тогда, когда я такъ пріятно благодушествовалъ въ вашемъ благословенномъ городѣ. То-то засуетилось уѣздное и губернское начальство! Желалъ бы я знать, въ чемъ состояла вся начальственная корреспонденція о моей особѣ? Ну, да чортъ съ нимъ, съ начальствомъ: я такъ радъ теперь, не имѣя надъ собою никакого начальства, что и говорить о немъ, хоть бы даже въ насмѣшку, противно"[1]).

Что касается „начальственной корреспонденціи", которая такъ интересовала Гижицкаго, то мы должны сказать здѣсь, что началась она съ трехъ „депешъ" или телеграммъ, посланныхъ объ его задержаніи только лишь 10 мая 1863 года, когда вернулся изъ отпуска городничій Катанскій и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Но депеша, посланная въ Казань, какъ оказалось, уже не застала тамъ Гижицкаго, который былъ на казанской пристани еще 7 мая[2]). Въ Уфу Гижицкій совсѣмъ не заѣзжалъ: не по пути было... Въ Москвѣ же, куда была послана телеграмма съ адресомъ матери Гижицкаго и описаніемъ его примѣтъ[3]) съ нимъ случилась маленькая непріятность, о которой самъ же онъ пишетъ: „Въ Москвѣ меня выдалъ полиціи одинъ родственникъ, у котораго я надѣялся занять денегъ на проѣздъ, но полиція, какъ ни преслѣдовала меня, осталась съ носомъ... Правда, я ночевалъ за то цѣлыхъ три ночи въ лѣсу, и принужденъ былъ путешествовать три раза пѣшкомъ по 15, 17 и 18 верстъ"[4])... Спасли Гижицкаго отъ преслѣдованія полиціи какія-то женщины. „О женщины!—шутовски восклицаетъ Гижицкій. Вмѣстѣ съ поэтами прошлыхъ временъ я просто готовъ назвать васъ небесными существами... Знаете-ли, что меня въ Москвѣ женщины спасли изъ рукъ полиціи; по ми-

---

1) А. О. У. А. К., отд. секротн., дѣло отъ 15 марта 1862 года, стр. 158.
2) Тамъ же, стр. 80.
3) Тамъ же, стр. 316. Одновременно съ телеграммой къ московскому оберъ-полицеймейстеру было послано и донесеніе о бѣгствѣ Гижицкаго главному начальнику Оренбургской губерніи. (Тамъ же).
4) А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 года, стр. 91.

лости же женщинъ я добылъ себѣ средства удрать за границу. „Провидѣніе,—скажетъ про меня попъ въ надгробномъ словѣ,—сотворивъ его для борьбы съ мужами, въ то же время ниспосылало ему постоянно кроткихъ утѣшительницъ въ образѣ прекрасныхъ добросердечныхъ женъ“.[1])

За границей Гижицкій поселился на первыхъ порахъ въ Берлинѣ, куда онъ прибылъ въ самомъ концѣ мая 1863 года и гдѣ сразу же очутился „въ самомъ плачевномъ состояніи“, такъ какъ, «проживъ сутки въ гостинницѣ и давъ впередъ за квартиру одинъ только талеръ. онъ остался всего при одномъ талерѣ, что при переводѣ на русскія деньги составитъ всего 96 коп. серебромъ».[2])

„Я рѣшительно не знаю, говоритъ Гижицкій въ письмѣ отъ 1/13 іюня 1863 года,—чѣмъ буду жить, пока не получу отъ одного эмигрировавшаго родственника сколько-нибудь денегъ... Здѣсь всѣ, даже мастеровые, одѣваются франтами, а у меня все платье истаскано въ конецъ и мензелинскіе сапоги (уже заплатанные нѣсколько разъ) продырявились со всѣхъ сторонъ. Просто нельзя никуда войти: всѣ, словно чутьемъ, видятъ во мнѣ иностранца и, сколько я могъ замѣтить, не было ни одного взгляда, который не скользнулъ-бы по моимъ сапогамъ. Конечно, все это—вздоръ, но я боюсь одного: что какъ хозяйка, замѣтя мою дырявость, потребуетъ у меня за квартиру впередъ за цѣлый мѣсяцъ? Вѣдь придется доплачивать цѣлыхъ $3^1/_2$ талера, а гдѣ прикажете взять ихъ?

Жизнь здѣсь, продолжаетъ Гижицкій, чрезвычайно дешева: за небольшую комнатку въ четвертомъ этажѣ, окнами на улицу,—въ которой (т. е. комнатѣ) стоитъ великолѣпная кровать, коммодъ, диванъ, шкафъ, умывальный ящикъ, два стула, столъ, виситъ зеркало и еще стоитъ что-то такое вродѣ коммода, съ постельнымъ бѣльемъ отъ хозяйки я плачу всего—на всего $4^1/_2$ талера, т. е. 4 рубля 32 коп. въ мѣсяцъ. Готовить обѣдъ хозяйка не соглашается, и я долженъ буду

---

[1]) Тамъ же, стр. 159.
[2]) Тамъ же, стр. 91.

пока ходить въ ресторацію средней руки, гдѣ порція кушанья стоитъ по 5 зильбергрошей, что на русскія деньги составитъ всего 15 съ небольшимъ копѣекъ (правда, порціи чисто аптекарскія). Говорятъ за 5 талеровъ можно имѣть мѣсячный обѣдъ въ три блюда, но я и отыскивать не намѣренъ, потому что нужно будетъ заплатить что-нибудь, а, можетъ быть, и все впередъ за мѣсяцъ. Такимъ образомъ, имѣя мало денегъ, я долженъ буду, обѣдая въ ресторанѣ, тратить ихъ больше.

Берлинъ мнѣ чрезвычайно понравился своей чистотой, опрятностью и тѣмъ, что рѣшительно всѣ дома — каменные. Улицы всѣ до одной вымощены камнемъ, но не горбатымъ, какъ у насъ въ большихъ городахъ, а, плоскимъ, что дѣлаетъ ѣзду менѣе трясучей. И пр. и пр.“ [1])

На другія уже сутки послѣ своего пріѣзда въ Берлинъ, гдѣ Гижицкій жилъ „подъ чужимъ именемъ“,[2]) онъ написалъ письмо 1/13 іюня 1863 года къ той самой г-жѣ В. Я. Зноско, которая предрекала, что „ему не сносить своей головы“. Письмо это, изъ котораго мы только что привели уже нѣкоторыя выдержки и которое служитъ какъ бы продолженіемъ разговоровъ, веденныхъ въ Мензелинскѣ, интересно еще и въ томъ отношеніи, что въ немъ довольно прозрачно выступаетъ на видъ сочувствіе Гижицкаго къ т. н. „польскому дѣлу“, т. е. къ польскому возстанію того времени. Это-то сочувствіе, повидимому, и привело его сначала въ Мензелинскъ, а потомъ въ Берлинъ...

„Польское дѣло, говоритъ Гижицкій въ письмѣ къ г-жѣ Зноско, далеко не такъ плохо, какъ пишутъ въ русскихъ газетахъ. Между прочимъ, это можно заключить изъ того, что я прочиталъ въ „Колоколѣ“.[3]) А тамъ пишутъ: „Русскіе солдаты дерутся плохо. Кой-какъ держатся въ перепалкѣ на

---

[1]) А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 года, стр. 91—92.

[2]) Тамъ же, стр. 91.

[3]) Здѣсь разумѣется „Колоколъ“ извѣстнаго эмигранта Герцена, который живя въ Лондонѣ, печаталъ его въ тамошней „Вольной Русской Типографіи“. „Колоколъ“ выходилъ два раза въ мѣсяцъ. Въ распоряженіи Гижицкаго былъ 163-й № „Колокола“, выпущенный 15 мая 1863 года и стоившій тогда въ Берлинѣ 42 коп. серебромъ. (Тамъ же, стр. 97).

дальнемъ разстояніи, но такъ какъ у поляковъ пороху мало, и они жалѣютъ зарядовъ и сейчасъ берутся за косы, то наши солдаты, большей частью, разбѣгаются по деревнямъ, гдѣ грабятъ, убиваютъ всѣхъ безъ разбора. Крестьяне и помѣщики, приведенные въ отчаяніе, и не видя себѣ спасенія въ отстраненіи отъ возстанія—больше и больше пристаютъ къ нему. Этому много способствовалъ тоже манифестъ Центральнаго Комитета, что 1 мая всѣ хлопы безъ разбора, принимающіе участіе въ народномъ возстаніи, должны быть надѣлены пятью моргами земли. Помѣщики этому не противятся, и массами подчиняются Центральному Комитету".[1])

„Генералъ Бергъ, продолжаетъ Гижицкій, пріѣхалъ въ Варшаву съ дикимъ планомъ вызвать городъ на возстаніе и подавить его войсками. Великій князь[2]) помѣшалъ ему. Между ними съ самаго начала шла пресмѣшная борьба, въ которой вообще роль великаго князя была благороднѣе. Такъ напримѣръ, Бергъ прячется, окружилъ себя конвоями. Константинъ[3]) сталъ тотчасъ ѣздить одинъ въ открытомъ экипажѣ".[4])

„Народная пуста"[5]) говоритъ, что А. Потебня, глава русскихъ офицеровъ въ Польшѣ, погибъ не при Песочной Скалѣ (какъ было сказано въ „Колоколѣ"), а въ извѣстномъ ночномъ нападеніи при Скалѣ. „Онъ находился при Лангевичѣ съ важными порученіями. Во время сраженія, не смотря на всѣ просьбы и убѣжденія, онъ схватилъ косу, во главѣ колонны пошелъ въ аттаку и погибъ сраженный пулей въ грудь. Смерть его прибавляетъ Н. Г., великая потеря, человѣкъ чистѣйшій и благороднѣйшій, всей душой любившій свободу».

Вы видите, добавляетъ уже отъ себя Гижицкій, что и въ русскомъ войскѣ есть люди, умѣющіе на дѣлѣ доказать свою любовь къ польскому дѣлу".[6])

---

[1]) А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 года, стр. 92.

[2]) Т. е. Константинъ Николаевичъ.

[3]) Въ „Колоколѣ" великій князь названъ полнымъ именемъ „Константинъ Николаевичъ".

[4]) А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 года, стр. 93.

[5]) Въ „Колоколѣ" сказано: „Народная Газета".

[6]) А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 года, стр. 93.

Изъ другихъ новостей, заимствованныхъ изъ того же „Колокола“ Герцена, Гижицкій сообщаетъ только слѣдующія:

Изъ „Колокола“ же я узналъ, пишетъ Гижицкій, что въ Россіи, есть тайное общество Земля и Воля, которое издаетъ листокъ „Свободу“. Что это за общество и какая именно цѣль его, я пока не знаю, потому, что былъ въ состояніи купить всего одинъ нумеръ „Колокола“.

Въ Петербургѣ недавно арестовали болѣе ста человѣкъ, которыхъ разослали по разнымъ губерніямъ безъ суда и слѣдствія, административнымъ порядкомъ“.[1])

„Пока больше, говоритъ въ заключеніе Гижицкій, писать нечего. Развѣ только еще сказать, чтобы вы взяли, если только можно, мои вещи къ себѣ. Да передайте еще моимъ кредиторамъ, что я свои долги помню и рано или поздно уплачу ихъ.

Пока не пишите ко мнѣ.

Скажите Антонію[2]), что въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ выпискахъ изъ „Times“а, много *вѣрныхъ*[3]) подробностей о польскомъ дѣлѣ“.[4])

Отославъ письмо къ г-жѣ Зноско, Гижицкій не забылъ и другихъ своихъ мензелинскихъ знакомыхъ—городничаго Катанскаго и доктора Титаренко, которымъ въ тотъ же самый день послалъ въ двухъ закрытыхъ конвертахъ уже использованный имъ раздѣленный пополамъ 163 № „Колокола“,[5]) а послѣ онъ выслалъ доктору Титаренко и прибавленіе къ „Колоколу“—„Общее Вѣче“[6]). Весьма характерно, что предъявляя этотъ послѣдній нелегальный сюрпризъ чиновнику особыхъ порученій А. Н. Пасмурову, пріѣхавшему въ Мензелинскъ для производства слѣдствія „по дѣлу о бѣжавшемъ изъ-подъ надзора полиціи Гижицкомъ“, докторъ Титаренко 11 августа 1863 года писалъ ему: „предполагаю, что этотъ

---

[1]) А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 года, стр. 93.

[2]) Рѣчь идетъ о сынѣ Варвары Яковлевны Зноско, мензелинскомъ окружномъ начальникѣ государственныхъ имуществъ—Антонѣ Александровичѣ Зноско.

[3]) Курсивъ подлинника.

[4]) А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 года, стр. 93.

[5]) Тамъ же, стр. 94 и 97.

[6]) Тамъ же, стр. 105.

конвертъ присланъ на мое имя – неизвѣстно съ какого повода—отъ помянутаго Гижицкаго, съ которымъ не имѣю никакихъ сношеній и *имѣть не желаю*"[1]). Однако это, довольно рѣшительное, заявленіе доктора Титаренко нисколько не спасло его отъ непріятности въ видѣ обыска, произведеннаго въ его квартирѣ, при чемъ оказалось, что „никакихъ писемъ отъ Гижицкаго и ничего таковаго, чтобы могло подтвердить содѣйствіе г. Титаренко къ побѣгу Гижицкаго не найдено"[2])... Какъ видно изъ послѣднихъ словъ, Титаренко былъ заподозрѣнъ въ пособничествѣ къ побѣгу Гижицкаго, но, къ счастію для него, это подозрѣніе не подтвердилось.

Недолго прожилъ однако Гижицкій и въ Берлинѣ, который такъ было понравился ему своимъ внѣшнимъ благоустройствомъ и дешевизной... Уже 12/24 іюня того же 1863 года онъ писалъ оттуда смотрителю училищъ В. Д. Курбатову: „На дняхъ я уѣзжаю изъ Берлина и буду писать вамъ послѣ уже откуда-нибудь изъ другого мѣста. Поэтому и не присылаю вамъ своего адреса".[3]) Теперь намъ становится понятнымъ,—почему и въ письмѣ къ г-жѣ Зноско Гижицкій добавилъ: „Пока не пишите ко мнѣ".

Когда собственно уѣхалъ Гижицкій изъ Берлина,—мы не знаемъ, но за то достовѣрно можемъ сказать, что переправился онъ оттуда никуда иначе, какъ въ излюбленную всѣми русскими эмигрантами республиканскую Швейцарію. Тамъ онъ поселился „въ одномъ изъ лучшихъ уголковъ Швейцаріи, на берегу Лемана" и сначала былъ очень доволенъ „промѣнявъ разливъ Мензелы[4]) на одно изъ лучшихъ озеръ въ свѣтѣ".[5]) Но сами уравновѣшенные и разсчетливые швейцарцы пришлись очень не по вкусу Гижицкому. „Республиканцы здѣшніе, писалъ онъ самъ изъ Швейцаріи,—народъ преотвратительный: ума никакого, непродажнаго ничего. Этихъ словъ, кажется, довольно, чтобы показать вамъ,

---

1) Тамъ же, стр. 103. Курсивъ подлинника.
2) Тамъ же, стр. 107.
3) А. О. У. А. К., отд. секрети., дѣло отъ 15 марта 1862 года, стр. 159.
4) Мензела—рѣка, на которой стоитъ г. Мензелинскъ.
5) А. О. У. А. К., отд. секрети., дѣло отъ 15 марти 1862 года, стр. 307/3.

въ какой средѣ пришлось бы мнѣ находится, вздумай я заводить здѣсь знакомства. Поэтому я ихъ не дѣлаю, и все мое общество ограничивается однимъ Швейцарскимъ волокитой и русскимъ ученымъ"...[1]) Въ виду такого положенія дѣла вполнѣ естественно, что, не смотря на красоты прославленной поэтами Швейцаріи, Гижицкій очень скоро заскучалъ тамъ по покинутой имъ Россіи. Эта тоска по Россіи, и даже по Мензелинску, такъ и сквозитъ почти въ каждой строчкѣ письма его отъ $\frac{\text{24 декабря 1863 года}}{\text{4 января 1864 года}}$. Въ письмѣ этомъ, написанномъ къ Зинаидѣ Ивановнѣ Скарятиновой, Гижицкій говоритъ:

„Двадцать разъ писалъ я въ Оренбургское Генералъ-губернаторство и, между прочимъ, въ вашъ благословенный Мензелинскъ, и таки ни отъ одного пошлаго труса не получилъ отвѣта. Тѣмъ не менѣе, грустя, скучая по Россіи, я съ жадностью хватаюсь за всякую вѣсточку оттуда—и вотъ, если хотите доставить мнѣ нѣсколько отрадныхъ минутъ, не полѣнитесь, черкните какъ-нибудь передъ сномъ грядущимъ нѣсколько строкъ къ человѣку, который обращается къ вамъ съ такою прямою просьбою потому, что увѣренъ въ васъ и думаетъ, что онъ уже слишкомъ много потерялъ разныхъ вѣрованій для того, чтобы отъ него могло улетѣть еще одно и притомъ--безъ всякой лести--изъ самыхъ свѣтлыхъ...

Я получаю письма черезъ Ив. Федоровича Левицкаго[2]), который живетъ тоже въ Швейцаріи, въ г. Лозаннѣ.

Пишите ко мнѣ все, что хотите, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. За двухъ-листовое письмо я готовъ отслужить молебенъ за ваше здоровье, а за трехъ—цѣлую обѣдню. Объ чемъ писать—вы, во первыхъ, сами знаете, а, во вторыхъ, можете и догадаться, чтобы такое могло интересовать меня болѣе. Начать съ того,—какъ процвѣтаетъ моя милая библіотека

---

1) Тамъ же.

2) Служилъ чиновникомъ въ оренбургской пограничной комиссіи, но 4 іюля 1850 года, *„по случаю нѣкоторыхъ неумѣстныхъ сужденій, помѣщенныхъ имъ въ одномъ частномъ письмѣ"*, былъ подвергнутъ секретному надзору (А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 28 іюля 1850 года, стр. 1) изъ—подъ котораго бѣжалъ, какъ видно изъ письма Гижицкаго, въ Швейцарію.

уѣзднаго училища со всѣмъ педагогическимъ совѣтомъ вообще и Курбатовымъ[1]) въ особенности? Передайте ему, что объ его существованіи знаютъ уже нѣкоторыя европейскія знаменитости, которымъ я указалъ на адресъ мензелинскихъ бѣлопашцевъ, какъ на произведеніе его, хотя вообще и без подобнаго, но въ этомъ случаѣ безграмотнаго пера. Ошибся ли я въ сочинителѣ? Пожалуйста отвѣтьте.

Потомъ, вы знаете, все-таки я былъ кой съ кѣмъ знакомъ. Изъ числа этихъ знакомыхъ—вашему мужу, милымъ Вейнбергамъ, семейству народныхъ просвѣтителей, душеморителю и душенадзирателю[2]) купно и Ант. Ал.[3]) мой искренній привѣтъ и чистосердечное пожеланіе всевозможныхъ благъ. Прибавте только, чтобы не забывали старыхъ друзей...

Какъ вы всѣ поживаете, что подѣлываете, танцуете-ли? Ничего бы я не желалъ теперь такъ, какъ быть въ вашемъ благородномъ собраніи—незачѣмъ было бы и въ здѣшнюю камедь ходить. Но что дѣлать—далеко видно до такого счастья! За то, будьте увѣрены, тотчасъ по возвращеніи въ Россію сдѣлаю непремѣнно визитъ Мензелинску.

Наконецъ, вы знаете также, что, кромѣ этихъ личностей, въ Мензелинскѣ были и другія, съ которыми я тоже находился въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Напишите и о нихъ, что знаете.

О себѣ мнѣ много не приходится говорить, потому что пока вся моя жизнь проходитъ только въ томъ, чтобы заработать кусокъ хлѣба—старая участь подобныхъ людей, что и говорить о ней...

Затѣмъ, пока прощайте до вашего письма (кстати для вѣрности, не пожалѣйте четвертака, застрахуйте ваше письмо).

Крѣпко жму вашу руку».[4])

Дождался-ли когда-нибудь Гижицкій отвѣтнаго письма отъ Зинаиды Ивановны Скарятиновой,—изъ дѣла не видно,

---

[1]) Рѣчь идетъ о смотрителѣ мензелинскихъ уѣздныхъ училищъ Владимирѣ Димитріевичѣ Курбатовѣ.

[2]) Здѣсь подразумѣвается, повидимому, мензелинскій городничій Н. М. Катанскій.

[3]) Т. е. Антону Александровичу Зноско.

[4]) А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 года стр. 307|2 и 807|3.

но, по всей вѣроятности, нѣтъ... Такъ мы думаемъ потому, что мужъ Скарятиновой самъ поспѣшилъ „предъявить“ въ мензелинское уѣздное полицейское правленіе письмо Гижицкаго, полученное его женой.[1]) Этотъ поступокъ титулярнаго совѣтника Скарятинова[2]) будетъ вполнѣ понятенъ, если принять во вниманіе, что всѣ мензелинскіе знакомые Гижицкаго были заподозрѣны тогда въ содѣйствіи его побѣгу и привлечены къ слѣдствію. Само собой разумѣется, что вести переписку съ Гижицкимъ при такихъ условіяхъ было слишкомъ рискованно и онъ напрасно сѣтовалъ на мензелинцевъ за ихъ молчаніе. Усердный слѣдователь допрашивалъ даже прислугу всѣхъ тѣхъ, у кого бывалъ Гижицкій. Только одну помѣщицу Пасмурову, въ имѣніе которой ѣзжалъ Гижицкій, онъ оставилъ почему-то въ покоѣ. Это случилось, вѣроятно, потому, что слѣдствіемъ руководилъ однофамилецъ г-жи Пасмуровой, а, можетъ быть, и близкій родственникъ ея, чиновникъ особыхъ порученій Александръ Николаевичъ Пасмуровъ. Непосредственнымъ же результатомъ слѣдствія было то, что 19 января 1864 года оренбургскій и самарскій генералъ-губернаторъ Безакъ оффиціально писалъ въ Петербургъ: „Хотя и трудно допустить, чтобы въ небольшомъ уѣздномъ городѣ, какъ Мензелинскъ, не было извѣстно каждому о надзорѣ за Гижицкимъ, но очевидно, что этому надзору не было придаваемо никакого значенія, *согласно со взглядомъ самой полиціи.*[3])

Вслѣдствіе сего мною признано возможнымъ, не передавая произведеннаго слѣдственнаго дѣла на разсмотрѣніе судебнаго мѣста, окончить оное порядкомъ административнымъ, и вмѣстѣ съ симъ я вхожу въ сношеніе съ г. министромъ государственныхъ имуществъ объ увольненіи окружнаго начальника Зноско и предлагаю начальнику Оренбургской

1] А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 года, стр. 331.

2] Въ 1859 году занималъ должность башкирскаго стряпчаго, но за драку съ штабсъ-ротмистромъ Чеодаевымъ былъ уволенъ изъ этой должности. [А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 23 іюня 1859 г., стр.]. Какое мѣсто занималъ Скарятиновъ въ данное время,—намъ не удалось узнать.

3] Курсивъ нашъ.

губерніи[1]) строго внушить засѣдателю Ружевскому обязанности полиціи относительно надзора за высылаемыми на жительство, по политической неблагонадежности, лицами»[2]).

Какъ видно изъ приведеннаго документа, виновнымъ въ содѣйствіи побѣгу Гижицкаго былъ признанъ только одинъ окружный начальникъ государственныхъ имуществъ Антонъ Александровичъ Зноско, которому и предложено было за это вскорѣ же (11 февраля 1864 года) «оставить службу по вѣдомству государственныхъ имуществъ».[3]) Но было и еще одно лицо, пострадавшее за бѣгство Гижицкаго. Это— городничій Катанскій, который въ самомъ же началѣ мензелинской передряги поспѣшилъ добровольно покинуть свою должность и уѣхать въ имѣніе отца, находившееся въ 47 верстахъ отъ г. Рославля, Смоленской губерніи.

Эти-то два лица и явились козлами отпущенія, въ дѣлѣ о бѣгствѣ Гижицкаго. Долго они, вѣроятно, помнили о немъ...

Что же касается дальнѣйшей судьбы самаго Гижицкаго, то разсмотрѣніе ея не входитъ въ нашу задачу, да и дѣло о немъ уже исчерпано нами, а потому мы и кончаемъ нашъ очеркъ...

Священникъ *Н. Н. Модестовъ.*

1] Т. е. гражданскому губернатору, которымъ состоялъ въ данное время Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ, родной братъ извѣстнаго писателя Ивана Сергѣевича Аксакова.

2] А. О. У. А. К., отд. секретн., дѣло отъ 15 марта 1862 года, стр. 326—327.

3] Тамъ же, стр. 333.

4] Тамъ же, стр. 224 и 232.

II

АРХЕОЛОГІЯ.

„Сообщеніе о нѣкоторыхъ пещерахъ Оренбургскаго края“. Б. Н. Наслѣдова.—Пещеры въ известнякахъ „Пещерной Луки“ противъ пос. Таналыкскаго“. Его же.—„Таналыкскія пещеры“. Петра Назарова.

Сообщеніе

о нѣкоторыхъ пещерахъ

Оренбургскаго края.

Б. Н. Наслѣдовъ.

Пещеры въ 3-мъ Отдѣлѣ Оренбургскаго Казачьяго Войска.

Знакомясь съ геологическими изслѣдованіями на территоріи 3 отдѣла Оренбургскаго казачьяго войска, произведенными въ 1904 году Войсковымъ Горнымъ Инженеромъ С. А. Подъяконовымъ, въ отчетѣ объ этихъ изслѣдованіяхъ я встрѣтилъ описанія нѣсколькихъ интересныхъ пещеръ. Такъ какъ отчетъ горнаго инженера С. А. Подьяконова, находящійся въ Войсковомъ Хозяйственномъ Правленіи, послѣднимъ опубликованъ въ цѣломъ видѣ, вѣроятно, не будетъ, то считаю не безполезнымъ доложить, приводимыя С. А. Подьяконовымъ описанія пещеръ дословно, чтобы въ случаѣ, если это признается Арх. Комиссіей нужнымъ, эти свѣдѣнія могли быть опубликованы.

1. Говоря о третичныхъ песчаникахъ въ ярахъ праваго берега р. Міаса ниже Міасской станицы, С. А. Подьяконовъ говоритъ въ примѣчаніи:

„У вершины одного изъ нихъ на склонѣ къ рѣкѣ вырыта пещера и въ ней спасается пустынникъ, который живетъ здѣсь зиму и лѣто. Пещера раздѣлена на нѣсколько клѣтушекъ и отапливается печью (фотографія 54, альбомъ III). Освѣщается она двумя маленькими окнами“.

2. Далѣе отмѣчается пещера съ церковью близъ города Челябинска (такъ же въ примѣчаніи):

„Въ обрывѣ праваго берега Міаса, выше города, *издавна* была вырыта пещера, въ которой жилъ пустынникъ. Въ настоящее время на мѣстѣ пещеры воздвигнутъ храмъ, который весь помѣщается въ землѣ, такъ что крыша его приходится на уровнѣ поверхности (фотографія 58 и 59, альб. III)“

3. Наибольшій интересъ представляютъ пещеры въ известнякахъ между поселками Коельскимъ и Ключевскимъ, на которыхъ С. А. Подьяконовъ останавливается наиболѣе подробно:

„Обширная площадь известняковъ (фотогр. 92, альб. III), залегающая между поселками Коельскимъ и Ключевскимъ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько пещеръ, которыя, благодаря своимъ значительнымъ размѣрамъ, пользуются большой извѣстностью среди мѣстнаго населенія. Нѣтъ сомнѣнія, что пещеры эти служили убѣжищемъ во время религіозныхъ гоненій раскольниковъ, которые находили въ нихъ вѣрный пріютъ и безопасно могли скрываться въ нихъ продолжительное время. По разсказамъ жителей Погорѣльскаго поселка еще въ недавнее время въ одной изъ пещеръ спасались двое стариковъ старообрядцевъ, которые отгородили себѣ въ пещерахъ нѣчто въ родѣ келлій и тамъ безвыходно жили и тамъ же похоронены. Родственники обоихъ старцевъ Погорѣльскаго поселка ходили провѣдать ихъ. Они разсказываютъ, что въ пещерахъ проходитъ ключъ, изъ котораго можно доставать воду, что протяженіе этихъ пещеръ весьма значительно—болѣе десяти верстъ и что онѣ представляютъ сложный лабиринтъ, въ которомъ легко можно заблудиться.

Когда, въ послѣдствіи, я, будучи въ Коельской станицѣ, просилъ атамана дать мнѣ знающаго человѣка, чтобы указать мнѣ эти пещеры ввиду глубокаго представляемаго ими научнаго интереса, то эти знающія лица могли показать мнѣ только 2 пещеры.

Первая изъ нихъ расположена приблизительно въ 5 верстахъ отъ поселка Коельскаго по дорогѣ въ Ключевскій поселокъ. Ровная, слегка холмистая мѣстность снаружи ничѣмъ не обнаруживаетъ присутствія пещеръ. Только когда подойдешь уже довольно близко ко входу въ пещеру, обнаруживается довольно глубокая яма (фот. 93, альб. III) съ крутыми, частью отвѣсными стѣнками и съ чернѣющимъ въ боку, у самаго дна, отверстіемъ, которое и служитъ входомъ. Какъ показываетъ фотографія, стѣнка ямы образована плитами из-

вестняковъ, покрытыхъ сверху слоемъ растительной земли и обнаженныхъ только въ нижней части. Входъ въ пещеру вначалѣ довольно высокій—до $1^1/_2$ арш., но потомъ быстро понижается, такъ что только ползкомъ можно пробираться впередъ.

Слѣдомъ за этимъ пережимомъ идетъ родъ корридора, сравнительно высокаго—до $2^1/_2$ арш. высоты и до 3 саж. длины при ширинѣ отъ 2 до $2^1/_2$ арш. Стѣнки его неровные; онѣ то выпучиваются, то образуютъ впадины, но на нихъ не замѣтно ни однаго рѣзкаго выступа. Всѣ онѣ закруглены и какъ бы обточены водой. Въ стѣнахъ корридора у пола его, очень не ровнаго, имѣется нѣсколько какъ бы проточенныхъ отверстій неправильной извилистой формы, которыя ведутъ въ другой такой же, но меньшій. корридоръ, лежащій почти рядомъ съ первымъ. Отверстія въ его стѣнкахъ указываютъ такъ же на присутствіе дальнѣйшихъ развѣтвленій и пещеръ въ толщѣ известняковъ, но малый размѣръ этихъ отверстій исключаетъ всякую возможность допущенія, чтобы дальнѣйшіе ходы были обитаемы. Что касается до второго корридора, то онъ несомнѣнно *былъ обитаемъ*. На это указываютъ остатки дверного оклада, дерево котораго почти совершенно истлѣло и который когда то перегораживалъ корридоръ поперекъ. Равнымъ образомъ въ одномъ изъ угловъ его сохранились слѣды копоти. Очевидно здѣсь когда то была печь, при чемъ продукты горѣнія уходили въ естественное отверстіе въ потолкѣ корридора, очевидно сообщавшееся съ земной поверхностью. Подобнаго рода отверстій имѣется еще нѣсколько въ потолкѣ обоихъ корридоровъ. Они круглаго или овальнаго сѣченія, размѣрами отъ 5 до 15-20 снт., очень извилисты и напоминаютъ ходы жуковъ-короѣдовъ. Происхожденіе ихъ, несомнѣнно, обязано дѣйствію воды. Узкій и низкій ходъ изъ перваго корридора ведетъ въ небольшую пещеру, въ которой находится старинная могила (фот. 24, альб. III). Крестъ на ней цѣлъ до сихъ поръ и на перекладинѣ его виситъ старая ладонка. Пещерой этой заканчиваются доступные ходы. Масса же мелкихъ развилинъ расходятся отъ нея въ сторону. По словамъ каза-

ковъ въ пещерѣ этой скрывались мать съ сыномъ во время Пугачевскаго бунта. Оба они здѣсь же утонули, когда пещеры были затоплены внезапно хлынувшей изъ боковыхъ расщелинъ водой и были погребены затѣмъ на этомъ мѣстѣ.

Вторая пещера расположена саженъ на 150 отъ дороги изъ Коельскаго поселка въ Кичигинскій, приблизительно въ 15 верстахъ отъ перваго. Входъ лежитъ въ небольшой котловинѣ, въ которую выходятъ известковыя скалы (фот. 95, альб. III). Онѣ разсѣчены широкими трещинами, которыя служатъ прибѣжищимъ массы живущихъ здѣсь голубей. Крутой спускъ по одной изъ этихъ трещинъ (фот. 96, альб. III) ведетъ въ пещеры. Въ отличіе отъ вышеописанныхъ, онѣ представляютъ рядъ высокихъ, до $1^1/_2$ и даже 2 саж. въ вышину, камеръ, постепенно углубляющихся. Протяженіе пещеры незначительно, всего около 10 саж. Она заканчивается довольно обширнымъ гротомъ, изъ котораго крутой и узкій ходъ ведетъ внизъ, очевидно, въ дальнѣйшія развѣтвленія пещеры —въ ея нижніе этажи. Кромѣ этого хода, имѣются еще одинъ или два другихъ, но они занесены пескомъ уже въ самомъ началѣ, при чемъ подъ пескомъ оказался ледъ. Пескомъ же и грязью покрытъ и полъ пещеры. Видъ стѣнокъ пещеры и всѣхъ ходовъ, какъ бы изъѣденныхъ водою, а равно присутствіе песку, не оставляютъ никакихъ сомнѣній, что пещеры въ періодъ таянія снѣговъ, или во время сильныхъ ливней, заполняются водою и что поэтому обитаніе ихъ является невозможнымъ. Очевидно поэтому, что пещеры эти не тѣ, о которыхъ говорили жители Погорѣльскаго поселка и что настоящія пещеры съ могилами старцевъ, можетъ быть, изъ религіозныхъ видовъ не были мнѣ показаны!!

Этими указаніями и исчерпываются приводимыя С. А. Подьяконовымъ данныя о пещерахъ 3-го отдѣла Оренб. Каз. Войска. Попутно считаю не лишнимъ отмѣтитъ къ статистикѣ пещеръ Оренбургскаго края вообще, что нѣкоторыя крупныя пещеры отмѣчаетъ горный иженеръ Ю. Азанчеевъ въ своей книгѣ „Каменоломни и разработка простыхъ полезныхъ иско-

паемыхъ въ Россіи“ (Изданіе Горнаго Департамента 1894 года, стр. 120—121). Онъ указываетъ на слѣдующія пещеры:

1. На берегу р. Урала въ 76 верстахъ отъ Оренбурга въ Красной горѣ. (Описана въ „Топогр. и стат. опис. Оренб. губ.“ I. Дебу изд. 1837 г. стр. 194).

2. *Антоновская* пещера; къ сѣверо-западу отъ Оренбурга въ известковой горѣ пещера съ красивыми сталактитами. Названіе относятъ къ Пугачевскому времени.[1])

3. *Алтынбайская*, Оренбургскій уѣздъ гора Алтынбай. (Описана въ Горн. Журн. 1838 т. II стр. 242 и 343).

4. Въ Троицкомъ у. близь р. Коелги и селенія Коельскаго отмѣчается 4 пещеры. Мѣстность, повидимому, отмѣченная Подьяконовымъ въ 1904 году.

5. На правой сторонѣ р. Бѣлой, въ 8-ми верстахъ отъ деревни Максютово, обширная *Прибѣльская* пещера. (Описана Лоссіевскимъвъ Оренб. губ. вѣд. 1847 г. № 11).[2])

6. На границѣ Уфимскаго и Троицкаго уѣздовъ, въ горѣ надъ р. Ай. Пещера, извѣстная еще Палласу,—*Айская*. (Описана въ Оренб. губ. вѣд. 1852 г., № 39).

Горный Инженеръ *Борисъ НАСЛѢДОВЪ*.

7 Февраля 1916 г.

Оренбургъ.

---

[1]) На р. Бѣлой близь бывшаго Вознесенскаго завода.—*Примѣч. Ред. Ком.*
[2]) Описана впервые П. И. Рычковымъ въ 1759 г.—*Примѣч. Ред. Ком.*

Пещера въ известнякахъ „Пещерной Луки“

ПРОТИВЪ ПОС. ТАНАЛЫЦКАГО.

23 іюля 1916 года мною совмѣстно со студентомъ Горнаго Института В. Н. Мальцевымъ была осмотрѣна большая пещера въ известнякахъ „Пещерной Луки“ на лѣвомъ берегу р. Урала у устья р. Суундукъ, въ 1 верстѣ противъ поселка Таналыцкаго.

Пещера эта несомнѣнно была неоднократно обитаема въ минувшія времена и потому заслуживаетъ вниманія.

Въ настоящее время пещера эта мало доступна.

Небольшой холмъ горныхъ известняковъ на самомъ берегу р. Урала, заключающій въ себѣ пещеру, по своей низкой и пологой внѣшности на первый взглядъ кажется самымъ обычнымъ, типичнымъ и рядовымъ выходомъ каменноугольнаго известняка и только резонирующій звукъ копытъ лошади, когда проѣзжаешь по холму верхомъ, можетъ навести наблюдателя на мысль, что подъ этими размытыми плитами бѣлаго камня находится пустота.

Входъ въ пещеру находится въ юго-восточной части известковаго холма, почти вплотную у тальниковой заросли небольшого лога. Онъ имѣетъ въ настоящее время сѣченіе довольно пологаго свода $2^1/_2$ аршина шириной и 5 четвертей высотой въ срединѣ—размѣры вполнѣ достаточные для того, чтобы проползти далѣе полулежа и опираясь на руки.

Входъ постепенно углубляется аршина на $1^1/_2$ внизъ на протяженіи около $1^1/_2$ саженъ и упирается въ довольно значительный холмъ насыпанной рыхлой земли, занимающей всю площадь *первой* центральной камеры.

Первая камера, въ которую попадаешь непосредственно, имѣетъ ширину около 3 саженъ и длину около 5 саженъ, причемъ по длинѣ углубляется внизъ (къ сѣверу) аршина на два.

Камера эта прикрыта довольно правильнымъ эллиптическимъ сводомъ известняка и, несмотря на присутствіе бугра насыпанной земли, который, будучи параллеленъ своду, уменьшаетъ вертикальные размѣры пещеры, въ серединѣ высота ея $2^1/_2$ аршина, т. е. здѣсь можно стоять уже слегка согнувшись.

Непосредственно противъ входа въ пещеру, находится съуживающееся продолженіе центральной камеры, имѣщее длину 5-6 аршинъ и кончающееся ямой $1^1/_2$ глубиной, шириной и длиной около 2 аршинъ.

Отъ сѣвернаго края центральной камеры отходитъ далѣе на сѣверъ узкій проходъ въ *малую камеру*.

Проходъ и камера были обслѣдованы студентомъ Мальцевымъ.

Проползши сажени двѣ на животѣ по соединяющему проходу, онъ попалъ въ малую камеру, гдѣ можно было уже сидѣть. Камера эта, шириной около 1 сажени и длиной 5—4 аршина, имѣетъ уклонъ внизъ и противъ соединяющей съ центральной камерой лазейки кончается ямой.

Дальнѣйшаго продолженія пещеры здѣсь не видно.

Въ камерѣ этой сыро и на потолкѣ есть натеки известняка.

Двѣ сажени отъ входа вправо, къ сѣверо-востоку, находится *небольшая камера*, углубляющаяся внизъ аршина на $1^1/_2$, длиной 3-4 аршина, шириной около 5 арш. и высотой въ серединѣ $1^1/_2$—2 аршина. Эта небольшая восточная камера имѣетъ непосредственное продолженіе далѣе къ сѣверо-востоку. Но проходъ здѣсь настолько засыпанъ натасканной землей, что по нему съ трудомъ можно проползти, лежа на животѣ. При этомъ приходится еще подниматься по насыпанной землѣ вверхъ приблизительно до уровня центральной камеры.

Протолкнувши себя на животѣ черезъ эту лазейку, длиной не менѣе 1 сажени, попадаешь въ *овальную* восточную

камеру, высотой въ серединѣ (несмотря на насыпь земли) въ средній ростъ человѣка, длиной 6-7 аршинъ и шириной около 5 аршинъ. Никакихъ остатковъ и признаковъ былого жилья здѣсь не было обнаружено.

Изъ этой камеры идетъ лазейка далѣе на сѣверовостокъ, но настолько узкая, что проползти невозможно совершенно.

Подработавъ нѣколько кайлой мягкую землю, закрывающую входъ, студентъ Мальцевъ сумѣлъ нѣсколько проползти по этой лазейкѣ впередъ. При свѣтѣ свѣчи онъ убѣдился, что лазейка эта далѣе нѣсколько расширяется, но опредѣленнѣе установить размѣры продолженія хода было невозможно. Проходъ былъ настолько узокъ, что В. Н. Мальцева пришлось вытащить за ноги.

Таково состояніе и внѣшность этой большой пещеры въ настоящее время.

По разсказамъ жителей Таналыцкаго и Севастопольскаго поселковъ, пещера эта прежде была такихъ размѣровъ, что въ центральную камеру киргизы круглый годъ въ ненастье загоняли сюда барановъ, а до потолка жители едва доставали длинными палками.

Бугры насыпанной земли по всей пещерѣ явно свидѣтельствуютъ, что пещера была хищнически раскопана и тѣмъ совершенно испорчена.

Исторія раскопки этой пещеры нѣсколько освѣщается замѣткой П. Назарова въ № 3 „Оренбургскаго Листка“ за 1890 годъ.[1]) Здѣсь же вкратцѣ описано и состояніе пещеры, въ какомъ ее осматривалъ г-нъ Назаровъ четверть вѣка назадъ, черезъ два-три года послѣ раскопокъ; пещера была тогда значительно обширнѣе, чѣмъ нынѣ.

Устье пещеры имѣло такой же, какъ и теперь, видъ полукруглой щели, но ея размѣры позволяли еще пройти въ пещеру согнувшись. Центральная камера, по указанію Назарова, бывшая ранѣе до 2-хъ саженъ высотой, была почти сплошь завалена натасканой землей, на поверхности которой

1) Существованіе этой замѣтки любезно указалъ мнѣ д-ръ А. В. Поповъ. Полный текстъ ея см. далѣе.

валялись осколки бутылокъ, ламповыхъ стеколъ, корыто, лопаты и др. слѣды недавнихъ раскопокъ. Изъ этой камеры во времена Назарова отходили 4 узкихъ и длинныхъ канала расширяющихся мѣстами, изъ которыхъ г. Назаровъ могъ прослѣдить лишъ одинъ, очень узкій и полого идущій по длинной оси холма на 15 сажень, а далѣе быстро понижающійся и упирающійся въ воду. Въ этомъ каналѣ Назаровъ нашелъ 2 глиняныхъ сосуда, лежавшихъ на поверхности. Какъ указываетъ Назаровъ, раскопка пещеры была предпринята осенью 1888 г., продолжалась всю зиму и весну и пріостановилась исключительно по недостатку продовольствія. При этихъ раскопкахъ было разрыто 6 отдѣленій пещеры и кладоискатели старались добраться до 7-го отдѣленія, гдѣ и ждали встрѣтить кладъ въ 10 пудовъ золота.

Разговоръ съ жителями и особенно разсказъ казака Таналыцкаго поселка Михаила Александрова Важенина (теперь ему 49 лѣтъ) и отчасти казака Севастопольскаго поселка Фаддея Васильева Бѣлянина (70 лѣтъ теперь) исторію этихъ раскопокъ рисуютъ въ такомъ видѣ.

Урядникъ, казакъ Севастопольскаго поселка Николай Филипповичъ Новиковъ (нынѣ умершій), бывшій ранѣе мельникомъ и послѣ атаманомъ Кваркенской Станицы, сдѣлался еще до голоднаго 1891 года (1888?) чѣмъ то вродѣ отшельника. Онъ жилъ совершенно одинъ въ землянкѣ гдѣ то въ степи между поселками Таналыкскимъ и Севастопольскимъ и иногда занимался ворожбой и гаданіями. У него былъ какой то „аналой“ и какія то старинныя книги, по которымъ онъ и ворожилъ (кратко упоминаетъ объ этомъ и Назаровъ).

Таналыцкая пещера была давно извѣстна въ округѣ и о ней всегда ходили неясныя преданія.

Лѣтомъ 1891 года—такъ записано со словъ казаковъ, но по даннымъ Назарова надо относить это скорѣе всего къ 1888 г., въ голодный годъ Новиковъ наворожилъ по своимъ книгамъ, что въ Таналыцкой пещерѣ зарыты большіе клады съ золотомъ и разными драгоцѣнностями. Онъ разсказывалъ, будто-бы ему извѣстно по книгамъ, что „во времена разбой-

никовъ“ примѣрно дескать, во времена Стеньки Разина, въ этой пещерѣ скрывалось 1101 человѣкъ разбойниковъ изъ одной большой шайки. Въ Таналыцкой пещерѣ будто-бы всѣ эти разбойники зимовали, а лѣтомъ уходили „на заработки“, оставляя въ своей пещерѣ лишь стражу. Къ осени всѣ они возвращались обратно и каждый изъ нихъ привозилъ въ эту пещеру все, что ему удалось награбить за лѣто. Здѣсь все награбленное разбиралось, драгоцѣнности скрывались въ этой пещерѣ, а все оружіе, снаряженіе, одежду и пр. запасы разбойники прятали въ другой пещерѣ, что противъ Кабанова хутора (нынѣ не существующаго)—ниже Ново-Никольскаго поселка на лѣвомъ берегу р. Урала.[1])

Главный же входъ-де въ эту пещеру у Кабанова хутора былъ въ тѣ времена не тотъ, что всѣмъ нынѣ извѣстенъ, а былъ гдѣ то сверху горы, хорошо скрытый отъ чужого глаза. Въ одинъ изъ годовъ къ осени почему-то разбойники всѣ не вернулись—толи были они схвачены властями, толи всѣ погибли,—стража куда то скрылась и схороненные клады такъ и лежатъ до сихъ поръ скрытыми въ тайникахъ Таналыцкой пещеры.

Пользуясь такими легендами, авторитетомъ отшельника—гадателя, въ голодный безработный годъ Новиковъ навербовалъ нѣсколько человѣкъ изъ Севастопольскаго поселка (по Важенину 6, по Бѣлянину 12) и двухъ изъ Таналыцкаго и организовалъ раскопку пещеры съ цѣлью найти клады[2]).

Организованные раскопки продолжались около 6 недѣль и всѣ участники работали безвозмездно.

Эти работы производились не только съ вѣдома Таналыцкаго станового пристава (по Важенину—г. Кожуховскій), но видимо, и при его достаточно близкомъ содѣйствіи.

Такъ, по Важенину, становой давалъ работавшимъ свое

---

[1]) Пещера ниже Ново-Никольскаго поселка имѣетъ видъ высокой и широкой ниши въ береговыхъ скалахъ известняка, длиной въ глубину саженъ пять, открыта совершенно съ берега и ничего замѣчательнаго, повидимому, обѣщать для археологіи не можетъ.

[2]) Изъ числа участниковъ изъ Севастопольскаго поселка указываютъ: Павла Мосьянова—нынѣ 90 лѣтъ, дряхлаго и хилаго, Николая Мосьянова, Терентія Яковлева—умеръ, Фаддея Бѣлянина—нынѣ 70 лѣтъ.

освѣщеніе—свѣчи, лампы и керосинъ, а по Бѣлянину, когда мировой Башковъ, узнавъ о раскопкахъ, просилъ Новикова добыть для него нѣсколько стрѣлъ, становой настаивалъ на томъ, чтобы просьба мирового была исполнена, и г. Башковъ получилъ будто бы 6 штукъ костяныхъ стрѣлъ изъ числа найденныхъ.

Въ то же время становой приставъ требовалъ, чтобы при работахъ земля не вывозилась на поверхность, почему кладоискатели и вывозили въ корытахъ землю въ камеры пещеры, оставляя для себя лишь выходы.

Для наблюденія за тѣмъ, чтобы земля изъ пещеры не вывозилась и для общаго надзора, по Важенину, становой распорядился дежурить десятскому. Послѣднихъ было назначено двое и однимъ изъ нихъ былъ Важенинъ.

По Бѣлянину же, становой приставилъ десятскихъ лишь для того, чтобы всѣ найденныя вещи не утаивались и доставлялись къ нему, что будто бы и исполнялось большей частью.

Бѣлянинъ же разсказываетъ, что когда Новиковъ пытался взрывными работами[1]) пройти въ пещеру сверху, то становой предлагалъ Новикову дать отъ себя для этой цѣли „бочку пороху", чтобъ сразу же пробить известнякъ. Новиковъ будто бы не согласился.

Всѣ эти показанія не ясны и не объясняютъ взаимоотношенія Новикова и станового. Несомнѣнно лишь, что объ этихъ раскопкахъ какія-то власти знали (знали хорошо о нихъ и жители) и что большая часть найденныхъ вещей была отобрана становымъ. Правда, все же, видимо, многое было распродано за безцѣнокъ на сторону, судя по разсказамъ жителей и Бѣлянина.

Раскопки велись варварски подъ ежедневную ворожбу Новикова на его „аналоѣ" и его обнадеживаніе кладоискателей, что „сегодня дойдутъ они до клада".

---

[1]) Фактъ такихъ работъ подтверждаютъ статья г. Назарова, Важенинъ и др., кромѣ того, сохранились ихъ слѣды на поверхности.

Работы были начаты узкой канавой вдоль стѣны пещеры въ сторону противъ часовой стрѣлки. Спереди рыли и сзади взятую землю заваливали.

Наткнувшись на проходъ въ ближайшую отъ входа вправо камеру, стали пробиваться въ нее. Откопавъ доступъ въ нее, кладоискатели не рѣшались войти.

„Чего ищете, того и бойтесь", сказалъ Важенинъ, въ дежурство котораго это произошло, и прошелъ въ камеру.

Лишь только онъ вступилъ въ нее, съ небольшого уступа въ известнякахъ упалъ къ его ногамъ костяной наконечникъ стрѣлы. Важенинъ его поднялъ, не сказалъ о немъ никому и „стрѣлу" утаилъ. Хранилась она у него до 1907 года и при пожарѣ сгорѣла. Наконечникъ стрѣлы былъ изъ очень твердой, желтоватой, но еще свѣжей кости[1]) 7 вершковъ длины и 1 вершокъ толщины. Къ серединѣ отъ острія форма наконечника—въ общемъ четырехгранная, но на немъ наконечникъ расширялся и далѣе съуживался, было четыре продольныхъ желобка, такъ-что сѣченіе имѣло закругленно крестообразный видъ.[2])

Древко стрѣлы было деревянное, все истлѣло и разсыпалось отъ прикосновенія къ нему. Оно такъ и осталось полосой трухи въ известняковомъ выступѣ и было въ палецъ толщиной и 1 аршинъ длиной. На противоложномъ наконечнику концѣ древко имѣло вырѣзъ для тетивы.

Какъ прикрѣплялся наконечникъ къ древку, выяснить не удалось.

Приблизительно такую же форму наконечника описываетъ и Бѣлянинъ, но онъ отрицаетъ наличность желобковъ и говоритъ, что тупой конецъ наконечника былъ болѣе или менѣе плоскій—вѣроятно зажимался въ древко и привязывался.

Важенинъ указываетъ, что такихъ „стрѣлъ" было найдено Новиковымъ и К° штукъ 30. Такое, приблизительно число стрѣлъ, какъ онъ помнитъ, было добыто при его де

[1]) Всѣхъ удивляла прочность кости и ея сохранность. Бѣлянинъ, (но это противорѣчитъ большинству разсказовъ), увѣряетъ, что были и мѣдные наконечники стрѣлъ.

[2]) Судя по размѣрамъ, это скорѣе наконечники копій. *Прим. Ред. Ком.*

журствахъ. Бѣлянинъ же, участникъ раскопокъ, утверждаетъ, что „стрѣлъ“ было за время раскопокъ найдено около ста штукъ.

Эти разногласія свидѣтельствуютъ, что, видимо, регистраціи находкамъ никакой не было и что общее число стрѣлъ было все таки болѣе или менѣе значительно.

Войдя въ указанную, правую отъ входа, камеру, Важенинъ вслѣдъ за тѣмъ обнаружилъ, что по стѣнамъ камеры стоятъ 6—8 штукъ „ночниковъ“, вродѣ „подсвѣчниковъ“ изъ плохо обожженной глины. Эти ночники стояли на выступахъ въ известнякахъ стѣнъ пещеры и подъ нѣкоторые изъ ночниковъ, чтобъ они не упали, были подложены камешки. Одинъ изъ такихъ „подсвѣчниковъ“ былъ Важенинымъ также утаенъ, долго у него хранился и былъ разбитъ и потерянъ уже во время пожара въ 1907 году.

Бѣлянинъ утверждаетъ, что этихъ „подсвѣчниковъ“ было найдено здѣсь около 30 штукъ и что всѣ они „висѣли вдоль стѣнъ на желѣзной полусгнившей проволокѣ“.

Послѣднее весьма существенное разногласіе, вѣроятно, вызвано недоразумѣніемъ или путаницей.

Бѣлянинъ теперь уже старикъ лѣтъ 70 и, видимо, судя по отзывамъ однопосельчане, уже не вполнѣ хорошо помнитъ прошлое. Такое же впечатлѣніе производитъ вообще весь разсказъ о раскопкахъ и характеръ его передачи въ устахъ Бѣлянина. Поэтому представляется, что нужно болѣе довѣряться даннымъ Важенина, какъ вполнѣ бодраго пожилого человѣка, достаточно, видимо, наблюдательнаго и кромѣ того, какъ лица, принимавшаго случайно близкое участіе въ обнаруженіи „подсвѣчниковъ“. Важенинъ сумѣлъ даже набросать приблизительный рисунокъ ночника, близкаго, по его словамъ, по размѣрамъ къ обыкновеннымъ керосиновымъ лампамъ на стеклянной подставкѣ, всюду распространеннымъ въ поселкахъ. Если еще отбросить стекло и видоизмѣнить горѣлку, то ночникъ даже приближается и по формѣ къ такой лампѣ.

Въ верхней части ночникъ имѣлъ блюдцеобразное расширеніе съ носикомъ для свѣтильни и цилиндрическимъ вы-

рѣзомъ въ срединѣ, напоминающимъ углубленіе для свѣчи въ подсвѣчникахъ и, вѣроятно, служившее для наливанія въ ночникъ масла. Этотъ послѣдній вырѣзъ и служилъ у казаковъ поводомъ къ тому, чтобы считать ночники „подсвѣчниками".

Бѣлянинъ совершенно также описываетъ ночники и подтверждаетъ вполнѣ набросокъ Важенина.

Повидимому, этими предметами и ограничились находки кладоискателей въ правой камерѣ.

Такъ какъ это ихъ мало удовлетворяло, то они начали, согласно гаданію Новикова, продолжать свою канаву далѣе противъ часовой стрѣлки, идя все время „отъ завала" впередъ. Натолкнувшись на входъ въ камеру, расположенную прямо противъ наружнаго входа и противъ центральной камеры, кладоискатели раскопали себѣ доступъ и проникли въ среднюю камеру. Здѣсь, видимо, находокъ было значительно больше. Установить условія, при которыхъ найдены были вещи, теперь не возможно—очевидцы путаютъ или иначе не могутъ объяснить.

Въ этой камерѣ было найдено «желѣзо»: какіе то котлы, вродѣ киргизскихъ „казановъ", желѣзная шашка, удила, стремяна и пр. Детально описать эти находки по опросамъ не возможно. Можно лишь установить нѣкоторыя детали.

Такъ шашка была „косая, вродѣ ятагана, въ ладонь шириной, обѣ кромки острыя, длиной 9 четвертей(?) и рукоятки не имѣла". Въ этомъ всѣ разсказы сходятся точно.

Когда Новиковъ (по Бѣлянину) взялъ эту шашку и бросилъ съ размаху ее о землю, шашка разломилась на 6 частей —такъ она истлѣла и таково было обращеніе Новикова съ находками, не похожими на кладъ.

Здѣсь же была найдена серебряная дужка, витая, $^1/_2$ аршина длиной, съ крючкомъ на концѣ. Дужка будто бы отъ сережки(?) а, собственно говоря, была найдена всего лишь одна ея половина.

По Бѣлянину были найдены стремена—одно серебряное,

другое золотое(?). Они были проданы нашедшими какому-то татарину за безцѣнокъ.

Интересно отмѣтить нахожденіе 6-ти (по Важенину) череповъ, вѣрнѣе черепныхъ коробокъ, нѣсомнѣнно (по нему же) взрослыхъ людей. Установить форму черепа не удалось даже приблизительно.

Кромѣ того былъ найденъ черепъ лошади. Среди жителей ходятъ толки, что этотъ черепъ былъ чуть ли не $1^1/_2$ аршина длиной. Важенинъ указываетъ, что черепъ былъ большой; размѣръ его онъ не можетъ передать, но лошадь была, видимо, очень крупная, не нынѣшняя.

Всѣ эти находки, косвенно подтверждающія „гаданія" Новикова, возбуждали кладоискателей и они стремились углубиться дальше.

Но здѣсь ихъ вскорѣ не пустила далѣе вода (*сырая* камера, видѣнная студ. Мальцевымъ?). Во времена Новикова и К° Уралъ протекалъ какъ разъ близъ холма съ пещерой, не такъ, какъ теперь[1]), и, видимо, углубясь кладоискатели сравнялись съ уровнемъ рѣки и вода начала затоплять пещеру.

Убѣжденіе въ близости клада и вынудило Новикова и К° пытаться достичь богатствъ окольными путями.

Было рѣшено обойти эту пещеру слѣва и проникнуть въ нее съ боку. Канава въ пещерѣ была продолжена далѣе на 29-39-49 саженъ (Важенинъ не помнитъ точно). Благодаря этому, натолкнулись на лѣвое отверстіе изъ центральной камеры.

Здѣсь, по Важенину, были найдены „каленые кирпичи", видимо задѣлывавшіе какой то входъ, можетъ быть закрывавшіе доступъ воды, обломки какого то желѣза и кольца отъ сбруи для крупныхъ лошадей. Кольца были „зеленыя" отъ времени и, по толкованію Новикова, они были выкованы изъ „булата". Видимо, они были бронзовыя.

Проникнуть далѣе кладоискателямъ опять таки помѣшала вода.

---

[1]) Теперь русло Урала отходитъ довольно далеко отъ известняковаго холма съ пещерой.

Здѣсь-то и начались попытки проникнуть въ эту часть пещеры сверху. Начали бить сверху ямки въ известнякахъ, насыпали по 2—3 фунта пороху въ нихъ, закладывали камнями и зажигали длинными фитилями. Конечно такой примитивный способъ веденія взрывныхъ работъ не привелъ ни къ чему. Въ это время, видимо, достаточно заинтригованный находками становой, и предлагалъ, судя по Бѣлянину, „бочку пороху" на свой счетъ, чтобъ сразу проникнуть въ пещеру.

Видимо, становому очень хотѣлось, чтобъ „кладъ" былъ найденъ, такъ какъ здѣсь уже онъ забываетъ свое прежнее требованіе не выносить работы на поверхность.

Такъ эти раскопки, послѣ безпрерывной работы въ пещерѣ около 6 недѣль, и были брошены. Кладоискатели разсѣялись.[1])

Важенинъ и другіе указываютъ, что въ это время пришло будто бы какое-то распоряженіе, запрещающее раскопку всякихъ пещеръ, маровъ и пр.

Но Таналыцкая пещера уже была испорчена безвозвратно, находки, если и попали частью въ какой либо музей, не были точно зарегистрированы и описаны, и самая внутренность пещеры, видимо, не была освѣщена для науки совершенно.

Пещера же, въ которой ясно намѣчаются 2 или 3 періода жизни, несомнѣнно представляетъ значительный интересъ для изученія исторіи края, можетъ быть даже болѣе крупный, чѣмъ раскопки нѣкоторыхъ древнихъ могилъ.

Горный иженеръ *Борисъ НАСЛѢДОВЪ*

Пос. Ново-Орскій.
18 августа 1916 года.

---

[1]) Какъ разъ приблизительно къ этому времени относится цѣлый рядъ раскопокъ любителями—хищниками всякихъ „маровъ". Объ этихъ раскопкахъ говорятъ смутно и не ясно жители, но подробностей не сохранилось совершенно. Можетъ быть, это было послѣдствіемъ нѣкотораго ажіотажа, вызваннаго раскопками Новикова и К-о.

ТАНАЛЫКСКІЯ ПЕЩЕРЫ.

Казачій поселокъ Таналыкъ находится въ 80 верстахъ отъ г. Орска вверхъ по р. Уралу. Мѣстность, въ которой онъ расположенъ, богата известковыми отложеніями, что и обусловливаетъ изобиліе тамъ пещеръ. Изъ пещеръ я опишу только двѣ, уже раскопанныя, такъ какъ остальныя сплошь завалены щебнемъ и землей и потому недоступны даже для поверхностнаго изслѣдованія.

Первая пещера находится верстахъ въ 5 отъ поселка, въ мѣстности, называемой „Алапою". Она имѣетъ два выхода: одинъ, въ видѣ широкаго полукруга, выходитъ на склонѣ горы, а другой почти круглый, находится немного выше и смотритъ прямо вверхъ, служа какъ бы окномъ или трубой для пещеры.

Какъ и всѣ пещеры, она начинается значительнымъ расширеніемъ, изъ котораго отходятъ въ разныя стороны каналы; входъ въ которое, какъ и самое дно пещеры, былъ заваленъ крупнымъ щебнемъ, и потому не было возможности проникнуть далѣе.

Свѣжая копоть на потолкѣ, остатки кизяка, обрывки обуви, деревянные колья, повсюду набросанные на полу, свидѣтельствовали о недавнемъ пребываніи здѣсь человѣка. На выступѣ стѣны во второмъ входѣ лежало нѣсколько длинныхъ человѣческихъ костей.

Изъ разспросовъ оказалось, что здѣсь, во первыхъ, иногда зимовали киргизы, а во вторыхъ, въ послѣднее время жила татарская семья, нанятая однимъ богатымъ татариномъ для разработки пещеры.

Вещи, находимыя въ этой пещерѣ, всѣ были желѣзныя, изъ нихъ мнѣ удалось пріобрѣсти ножъ и стремя, которые и были доставлены въ Московское археологическое общество. Затѣмъ изъ этой же пещеры однимъ любителемъ древностей г. М. были посланы г. Нефедову 2 желѣзн. стрѣлы вмѣстѣ съ 3 костяными, взятыми изъ нижеописанной пещеры.

Вторая пещера находится въ $1^1/_2$ верстахъ къ сѣверу отъ Таналыка и залегаетъ также въ массѣ известковаго камня, расположеннаго въ видѣ продолговатаго холма на лѣвомъ берегу Урала.

Если не вся, то, по крайней мѣрѣ, большая часть ея, представляетъ продуктъ выщелачиванія. Саженъ 30 отъ берега известковый холмъ круто опускается, и здѣсь-то находится отверстіе пещеры въ видѣ полукруглой щели, настолько однако широкой, что согнувшись можно было пройти черезъ нее въ пещеру. Отверстіе ведетъ въ довольно обширное пространство со сводчатымъ, чернымъ отъ копоти, потолкомъ. Это пространство было когда-то сажени 2 высоты, но теперь почти сплошь засыпано землей, взятой изъ другихъ отдѣленій пещеры. Здѣсь валялись осколки бутылокъ, ламповыхъ стеколъ, корыто, лопаты и др. слѣды недавней разработки пещеры.

Изъ этаго главнаго по своей величинѣ отдѣленія четыре узкихъ отверстія ведутъ въ длинные узкіе каналы, по мѣстамъ болѣе или менѣе расширяющіеся въ довольно значительныя пространства, также засыпанныя землею, такъ-какъ каждое подобное расширеніе, только-что открытое, снова засыпалось землей. Всѣхъ отдѣленій, такимъ образомъ перерытыхъ до моего пріѣзда, было 6, и всѣ они были расположены недалеко отъ главнаго.

Изъ каналовъ вполнѣ прослѣдить можно было только одинъ; онъ по своему направленію совпадаетъ съ длинной осью холма, сначала опускается полого, но затѣмъ, пройдя саженъ 15, быстро понижается и упирается въ воду, подъ которою продолжается и, по всей вѣроятности, имѣетъ выходъ въ русло Урала. Каналъ этотъ насколько узокъ, что

пройти черезъ него можно было только ползкомъ. Въ немъ мнѣ посчастливилось найти два глиняныхъ сосуда, лежавшихъ на поверхности дна.

Мѣстные жители, а еще болѣе старатели съ золотыхъ пріисковъ, давно уже спеціально занимаются раскопкой кургановъ и пещеръ, сбывая найденныя вещи татарамъ, выгодно продающимъ ихъ въ Казани. Разработкой же описываемой пещеры они занялись осенью 1888 года. Сначала работали человѣка 2—3; они встрѣтили массу земли (глины и чернозема), почти сплошь выполняющей всю пещеру съ ея отдѣленіями; но большое количество находимыхъ вещей поощряло ихъ трудъ и привлекало все болѣе и болѣе желающихъ попытать счастья, такъ-что мало-по-малу составилась артель человѣкъ въ 10, управленіе которой принялъ нѣкто Новиковъ, который лично не принималъ участія въ работѣ, но дѣлалъ работающимъ указанія на основаніи своихъ сновъ, гаданій на столикѣ и т. д., обѣщая имъ кладъ въ 10 пудовъ золота. Когда слухъ о разработкѣ пещеры дошелъ до мѣстнаго пристава г. К., то послѣдній нашелъ возможнымъ дать на раскопки свое разрѣшеніе съ тѣмъ условіемъ чтобы раскопки производились подъ надзоромъ полиціи и найденныя вещи представлялись ему.

Такимъ образомъ раскопки продолжались всю зиму и весну и пріостановились исключительно только по недостатку продовольствія.

Излишне говорить, какъ велись раскопки; становому доставлялась только часть вещей, безъ сомнѣнія, менѣе цѣнныхъ, но и между ними были вещи серебряныя. Надзора полиціи тоже, конечно, никакого не могло быть уже по одному тому, что въ каналахъ пещеры не было возможности поворотиться даже одному человѣку. Да и изъ глиняныхъ вещей доставлялись также далеко не всѣ, что уже видно изъ того, что я самъ подобралъ въ пещерѣ двѣ вещицы, да еще у Новикова въ разномъ хламѣ нашелъ глиняный кувшинъ и 2 костяныхъ стрѣлы.

Находили также и черепа, но они разбивались въ куски въ надеждѣ найти спрятанное въ нихъ золото. Изъ разспросовъ о нихъ можно было заключить, какъ это нужно было ожидать, что они были необыкновенной величины. Найденная мною затылочная кость по своей величинѣ была нормальна.

Такимъ путемъ, какъ я уже сказалъ, было разрыто 6 отдѣленій пещеры безъ всякаго намека на кладъ и казалось, что энергія у работавщихъ должна была поубавиться. Но не тутъ-то было: они еще усерднѣе принялись за работу, въ надеждѣ найти седьмое и послѣднее отдѣленіе, въ которомъ, именно, по словамъ Новикова, и должны были лежать 10 п. золота. Чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, они начали долбить камень сверху. Когда же таковой способъ разработки оказался не по силамъ работавшихъ, то они начали взрывать скалу порохомъ, который покупали въ складчину. Къ счастью этотъ способъ истощилъ послѣднія средства компаніи, и работы мало-по-малу прекратились съ тѣмъ, чтобы возобновиться снова осенью послѣ ожидаемаго урожая. Конечно, нечего было и думать о сколько нибудь систематическомъ изученіи пещеры съ ея содержимымъ и потому пришлось довольствоваться разсказами самихъ участвующихъ. По словамъ послѣднихъ, вещи находимы были частью поставленными въ порядкѣ на выступахъ стѣнъ, а частью лежащими въ глинѣ, наполняющей пещеру. Глина эта, безъ сомнѣнія, нанесена Ураломъ, который въ иные годы затопляетъ (въ полую воду) входъ въ пещеру.

Всѣхъ вещей изъ этой пещеры, частью собранныхъ мною, а частью перешедшихъ ко мнѣ отъ пристава г. Н., оказалось 40,—именно: 10 глиняныхъ сосудовъ, 20 костяныхъ стрѣлъ, 2 большихъ серебряныхъ кольца, 2 обломка серебрянаго витаго шейнаго кольца, 1 перламутровая пластинка, служившая украшеніемъ, 3 желѣзныхъ пластинки (вѣроятно, случайно попавшія въ пещеру) и 2 кусочка мѣла. Всѣ вещи частью уже переданы, а частью имѣютъ быть переданными въ Московское Археологическое общество.

Всѣ сосуды сдѣланы изъ обожженной грубой глины и загадочны по своему назначенію. Ихъ можно однако отнести къ разряду жертвенныхъ. Изъ стрѣлъ особенно замѣчательна одна, имѣющая цилиндрическую форму съ трехграннымъ остріемъ; длина ея 277 мм. Изъ другихъ стрѣлъ интересны три: двѣ изъ нихъ имѣютъ тамги, а одна носитъ слѣды красной краски.

1890 г. 12 января.

Петръ **НАЗАРОВЪ.**

(„Оренбургскій Листокъ" 1890 года, № 3).

III

АРХИВОВѢДѢНІЕ.

„О состояніи архивовъ въ нѣкоторыхъ станичныхъ правленіяхъ Оренбургскаго казачьяго войска“. А. И. Кривощекова.

О состояніи архивовъ въ нѣкоторыхъ станичныхъ правленіяхъ Оренбургскаго казачьяго войска.

Согласно предложенія многоуважаемаго г. Предсѣдателя архивной комиссіи, мною въ 1915 году было осмотрѣно нѣсколько сосѣднихъ станичныхъ архивовъ.

Давно интересуясь мѣстною стариною, изучая бытъ и этнографическій составъ Оренбургскаго казачества, я еще и раньше часто разбиралъ старыя бумаги въ Звѣриноголовской станицѣ—на моей родинѣ, а въ послѣднее время и въ стан. Еткульской, гдѣ служилъ инпекторомъ высшаго нач. училища.

Эти добровольныя работы дали мнѣ возможность болѣе или менѣе основательно ознакомиться съ физіономіею казачьихъ архивовъ и составомъ дѣлъ, въ нихъ хранящихся, а осмотръ сосѣднихъ—только подтвердилъ общность, однородность и однотипность ихъ.

На основаніи изложеннаго постараюсь прежде всего вкратцѣ изложить основныя положенія, характеризующія архивы казачьихъ станицъ.

Со времени своего основанія, мѣстныя казачьи станицы были сосредоточены подъ главнымъ управленіемъ начальниковъ Оренбургскаго края и нѣкоторыхъ центральныхъ учрежденій, какъ напр., войскового дежурства, кантонныхъ начальниковъ, окружныхъ управленій (съ 1840 г.) и, наконецъ, управленій отдѣловъ.

Вся иниціатива внутренняго распорядка казачьей жизни, служебныхъ отношеній, хозяйственнаго уклада, включительно до размѣра и архитектуры казачьихъ домовъ, содер-

жанія скота и т. д., здѣсь исходила отъ указанныхъ выше установленій; казакъ, какъ воинъ и земледѣлецъ, находился въ полномъ подчиненіи и опекѣ начальства, вслѣдствіе чего всѣ распоряженія, касающіяся того или иного вопроса, исходили свыше и въ этомъ отношеніи мѣстные архивы хранятъ главнымъ образомъ циркулярныя предписанія центральныхъ учрежденій и начальствующихъ лицъ. Даже частные вопросы, касающіяся казачьихъ взаимоотношеній, судебные и хозяйственные споры, представлялись на разсмотрѣніе высшаго начальства, которое и издавало свои „указы"; что касается министерскихъ предложеній и Высочайшихъ повелѣній, то таковыя обыкновенно передавались въ станицы уже въ копіяхъ, а подлинники, имѣющіе исторически-научный интересъ, оставались преимущественно въ Оренбургѣ, дѣлаясь достояніемъ центральныхъ архивовъ; то же самое можно наблюдать и въ отношеніи разнаго рода распоряженій войскового начальства, безъ сомнѣнія оставлявшаго въ дѣлахъ черновики или отпуски своихъ распоряженій, слѣдовательно, главная масса бумагъ и распоряженій по вопросамъ казачьей жизни, исходила сверху и свои оригиналы имѣетъ въ Оренбургскихъ архивахъ.

Но помимо этого, конечно, много распоряженій, проливающихъ свѣтъ на прошлую жизнь, поступало въ станицы и отъ непосредственнаго начальства—кантонныхъ, дистаночныхъ начальниковъ, полковыхъ командировъ, а раньше и крѣпостныхъ комендантовъ. Вотъ эти-то распоряженія, по моему мнѣнію, заслуживаютъ значительнаго интереса, какъ отражающіе ходъ жизни вблизи. Къ сожалѣнію, безжалостное время и невѣжественные люди, совершенно уничтожили ненужныя для нихъ бумаги, „только занимающія мѣсто", и лишь въ недавнее время мѣстное казачье начальство дало болѣе опредѣленную программу въ распредѣленіи дѣлъ станичныхъ архивовъ, раздѣливъ дѣла на три разряда: подлежащія вѣчному храненію, подлежащія немедленному уничтоженію и подлежащія уничтоженію чрезъ извѣстный промежутокъ лѣтъ. Не знаю, извѣстенъ ли архивной комиссіи этотъ перечень

дѣлъ. Было бы желательно, чтобъ она его пересмотрѣла и нѣсколько измѣнила сроки храненія и порядокъ уничтоженія дѣлъ, конечно, по соглашенію съ войсковымъ начальствомъ, т. к. многія дѣла, какъ напр. различныя статистическія свѣдѣнія, безъ сомнѣнія, современемъ будутъ имѣть особенный научный интересъ для мѣстныхъ экономистовъ, а въ частности и для историка, при изученіи развитія экономической жизни края, кромѣ того, среди этихъ же дѣлъ встрѣчаются иногда переписки довольно интересныя и въ бытовомъ отношеніи, какъ характеризующіи тѣ или иныя стороны современнаго уклада и взаимоотношеній.

Я думаю, что въ наше время, съ появленіемъ въ казачьихъ станицахъ людей вполнѣ интеллигентныхъ, при желаніи нетрудно было бы образовать изъ нихъ частныя комиссіи для разбора дѣлъ, подлежащихъ уничтоженію и все заслуживающее историческаго значенія было бы выдѣлено ими въ особую группу дѣлъ, подлежащихъ храненію. Тогда, конечно, безжалостное время не унесло бы сотни цѣнныхъ переписокъ, а сохранила бы ихъ для потомства.

Теперь всесильнымъ властелиномъ бумажныхъ дѣлъ, имѣющихъ неосторожность попасть въ растяжимый разрядъ „разнаго рода переписокъ", является станичный писарь, для котораго непонятны интересы науки, для котораго переписка не имѣетъ никакой цѣнности, будь она даже въ высокой степени характерной.—Пришилъ къ дѣлу—и конецъ!

Попытки разбирать дѣла старинныхъ архивовъ при помощи особыхъ комиссій изъ отставныхъ офицеровъ дѣлались начальствомъ и раньше. Такъ, напр., въ станицѣ Еткульской старый архивъ разбирали два старыхъ есаула „временъ Очакова и покоренья Крыма". О степени ихъ научной подготовки и пригодности къ историческимъ изслѣдованіямъ можно судить по тому, что во всѣхъ спискахъ дѣлъ слово члены они писали съ буквою „Ѣ" („члѣны"), и въ результатѣ *двѣсти пятьдесятъ пудовъ* старыхъ дѣлъ были проданы на базарѣ; среди нихъ встрѣчаются древнѣйшія дѣла „толпъ

бумаги"[1]) XVIII вѣка. Мнѣ передавали, что въ числѣ проданныхъ и сожженныхъ дѣлъ погибло интересное дѣло о Пугачевскомъ бунтѣ, башкирскихъ волненіяхъ и киргизскихъ набѣгахъ. Что же оставили эти „члены комиссіи" потомству? – Послужные списки казаковъ, дѣла о нарядѣ на службу и дѣла „къ свѣдѣнію и руководству", содержащія приказы по Оренбургскому пограничному корпусу и Оренбургскому войску, т. е. то, что безъ труда можно найти въ любомъ центральномъ архивѣ,—остальное все погибло: нѣтъ ни одного дѣла временъ кантонныхъ начальниковъ, не сохранилось даже дѣла „о построеніи мѣстной церкви". Между тѣмъ съ начала 40-хъ годовъ минувшаго столѣтія, въ теченіе почти сорока лѣтъ въ Еткульской станицѣ находилось полковое правленіе 9-го, а затѣмъ 11, полка, имѣвшее административно-хозяйственный, военный и судебный „столы", вѣдавшее всю мѣстную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, а до насъ дошло всего только два дѣла: 1) «О перечисленіи крестьянъ Челябинскаго уѣзда въ казаки» и 2) „О бунтующихъ крестьянахъ Челябинскаго уѣзда". Вотъ и все. Куда дѣвались дѣла правленія за сорокалѣтнее почти существованіе полкового округа?—Конечно, признаны къ уничтоженію и проданы, а частью просто сожжены. Если такое отношеніе мы наблюдаемъ къ дѣламъ „полкового" правленія, которое было виднымъ учрежденіемъ, то нечего и говорить о станичныхъ правленіяхъ: почти всѣ древнія бумаги въ нихъ постигла та же участь.

Переходя къ оставшимся „обломкамъ сѣдой старины", имѣющимся нынѣ въ станичныхъ архивахъ, и чудомъ сохранившимся отъ „мамаева разоренія", слѣдуетъ упомянуть, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, дѣйствительно, уцѣлѣли кой-какія дѣла и ихъ слѣдовало бы изъять отсюда, помѣстивъ въ центральныхъ архивахъ, и въ крайнемъ случаѣ—оставить на мѣстахъ, но съ непремѣннымъ условіемъ вѣчнаго храненія. Выше уже упоминалось, что въ сохранившихся

[1]) „Толпъ бумагъ", а также и „топа дѣлъ"—обычныя выраженія казачьихъ канцелярій для обозначенія большой кипы дѣлъ или бумагъ.—*Примѣч. Ред. Ком.*

дѣлахъ мы не найдемъ подлинныхъ актовъ столичныхъ учрежденій или Высочайшихъ повелѣній, но имѣются довольно интересныя и, пожалуй, цѣнныя бумаги для характеристики минувшей жизни даннаго пункта.

Въ цѣляхъ наиболѣе подробнаго ознакомленія со станичными архивами Оренбургскаго войска и попутно съ архивами учрежденій городовъ и другихъ сельскихъ пунктовъ Оренбургской губерній, было бы необходимо командировать особое лицо: тогда бы на мѣстахъ выяснилось состояніе архивовъ и способа храненія дѣлъ. Конечно, подробный разборъ каждаго архива едва-ли возможенъ, но и общее ознакомленіе, просмотръ существующихъ архивныхъ описей и извлеченіе случайно оставшихся цѣнныхъ документовъ для храненія при архивной комиссіи, дали бы богатую характеристику состоянія архивнаго дѣла въ губерніи.

Теперь перейду къ описанію осмотрѣнныхъ мною архивовъ.

1) Архивъ при Звѣриноголовскомъ станичномъ правленіи. (Разбиралъ въ 1911—12 г. г.).

Это одинъ изъ наиболѣе интересныхъ архивовъ, осмотрѣнныхъ мною. Большая, довольно свѣтлая комната въ верхнемъ этажѣ каменнаго зданія станичнаго правленія, сплошь уставлена полками, на которыхъ въ тяжелыхъ связкахъ лежатъ прежнія и современныя дѣла. Почти отъ самаго пола, вплоть до потолка, т. е. въ высоту около 5 аршинъ, находится около 8 рядовъ длинныхъ полокъ съ каждой стороны. Дѣла расположены въ хронологическомъ порядкѣ и на корешкѣ каждой связки жирнымъ шрифтомъ написанъ годъ.

Направо отъ входа потемнѣвшія связки синей и сѣроватой грубой бумаги. Это дѣла коменданта Звѣриноголовской крѣпости. Изъ нихъ осталась небольшая часть,—связокъ 20, начиная съ 1798 года и кончая 1835, когда комендантскія управленія въ пограничныхъ крѣпостяхъ были уничтожены; въ нѣкоторыхъ связкахъ хранятся дѣла за нѣсколько лѣтъ.

Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе толстыя тетради—входящихъ и исходящихъ бумагъ. [1]) Номеровъ

---

[1]) Очевидно, рѣчь идетъ объ т. к. „настольныхъ журналахъ". *Прим. Ред. Ком.*

выходило отъ 500 до 1000, но бумаги записывались полностью (все содержаніе): очевидно запись служила и отпускомъ, вслѣдствіе чего на нимъ можно прослѣдить весь обычный ходъ тогдашнихъ переписокъ и характеръ ихъ. Далѣе имѣются вѣдомости о числѣ гарнизона, жителей, домовъ и т. д. За нѣкоторые годы сохранились приказы коменданта по крѣпости, дѣла военно-сиротскаго отдѣленія (кантонистовъ) и т. п.; имѣется часть военно-судныхъ дѣлъ, съ приложеніемъ экзекуціонныхъ листовъ, свидѣтельствующихъ о наказаніи осужденныхъ. Есть также переписки общаго характера, но опять, къ сожалѣнію, дѣла сохранились очевидно случайно, безъ всякой опредѣленной связи и системы: проще сказать, сохранилось то, что попало въ общую папку, а уничтожалось то, что попадало подъ руку. Напр., за одинъ годъ сохранились приказы коменданта,—за послѣдующіе ихъ совершенно нѣтъ и т. д. въ этомъ родѣ. Но все же Звѣриноголовскій архивъ богаче и интереснѣе другихъ, видѣнныхъ мною: за періодъ до 1835 года кое-что сохранилось, и по имѣющемуся можно составить нѣкоторое понятіе объ этой эпохѣ, но общей описи комендантскимъ дѣламъ нѣтъ; приходится разбираться на—ощупь и просматривать все; дѣла перемѣшаны и въ одной связкѣ встрѣчаются за различные годы, а иногда и совершенно не соотвѣтствуютъ указанной на нихъ датѣ.

Нѣсколько полнѣе и содержательнѣе сохранились дѣла, начиная съ сороковыхъ годовъ минувшаго XIX столѣтія. Здѣсь они идутъ уже въ опредѣленномъ хронологическомъ порядкѣ, безъ пропусковъ лѣтъ, и за нѣкоторые годы имѣютъ почти нетронутый комплектъ дѣлъ, состоящихъ на производствѣ въ данномъ году.

Опись ведется, кажется, только съ 1870 года, а правильное и подробное описаніе имѣющихся въ архивѣ законченныхъ дѣлъ начато съ восьмидесятыхъ годовъ.

Всѣ старыя дѣла находятся въ особыхъ связкахъ по годамъ. Общій вѣсъ каждой такой связки простирается отъ 10 до 15, а иногда и болѣе фунтовъ.

По словамъ стариковъ, много прежнихъ бумагъ—(до 100 пудовъ), было уничтожено въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Кто разбиралъ архивъ, мнѣ точно узнать не удалось, но, насколько помнится, комиссія состояла изъ мѣстныхъ отставныхъ офицеровъ, которыя и разобрали всѣ бумаги совмѣстно съ писарями.

Къ слову сказать, наиболѣе интересныя дѣла почти изъ всѣхъ станичныхъ архивовъ были взяты на просмотръ бывшимъ помощникомъ атамана 3 отдѣла полковникомъ Ѳед. Митр. Стариковымъ. но не возвращены и гдѣ теперь находятся, никто не знаетъ; имъ же, говорятъ, были увезены и нѣкоторыя грамоты, старинныя планы на земельные участки, межевыя книги и т. п., словомъ взято все наиболѣе цѣнное и интересное.

Въ заключеніе необходимо, сказать, что Звѣриноголовскій архивъ заслуживаетъ изученія и въ немъ желательно подробнѣе разобрать комендантскія дѣла и бумаги за послѣдующіе годы.

2. Архивъ Еткульскаго станичнаго правленія.

Дѣла хранятся въ двухъ отдѣльныхъ комнатахъ, находящихся въ деревянномъ зданіи станичнаго правленія. Самое зданіе представляетъ собою архивную рѣдкость и отчасти историческій памятникъ, которому болѣе 70 лѣтъ. Это бывшее зданіе полкового правленія, построенное со спеціальною цѣлью по типу и проекту подобныхъ казенныхъ построекъ, кажется, послѣдній и единственный изъ „могиканъ" былой эпохи. Отъ его стѣнъ, его вида, такъ и вѣетъ сѣдою казенною стариною Николаевской эпохи.

На площади, около церкви, обращаетъ на себя невольное вниманіе старый двухъ-этажный домъ, съ узкими окнами, балкономъ прежней архитектуры и находящимся подъ нимъ широкимъ крыльцомъ, съ котораго массивная дверь ведетъ внутрь, въ холодный сквозной корридоръ, раздѣляющій зданіе въ свою очередь на двѣ половины: налѣво большая комната засѣданій бывшаго полкового суда, отъ котораго еще донынѣ сохранилось древнее „зерцало" съ рукописными на

грубой синей бумагѣ, копіями петровскихъ указовъ о правосудіи и самодѣльною рѣзною короною вверху.

Во второй этажъ изъ перваго корридора ведетъ лѣстница. Тамъ тоже два отдѣльныхъ помѣщенія: налѣво залъ для бывшихъ полковыхъ чиновниковъ, собственно канцелярія, направо-писарская. Въ канцеляріи и донынѣ хранится сотенный значекъ 8-й сотни, свидѣтель Туркестанскихъ походовъ. Изъ другихъ историческихъ памятниковъ, слѣдуетъ упомянуть о громадной гранитной плитѣ, лежащей у входа въ правленіе со дня постройки зданія. На этой плитѣ въ былое время производили экзекуціи надъ провинившимися: сѣкли палками и розгами.— „Бывала плита и красною отъ крови", —говорятъ старики. Недаромъ и до сего времени въ народной памяти она слыветъ мѣстомъ „крови и слезъ". Кромѣ нея въ архивѣ хранится огромная свыше 5 пудовъ грузинская гиря, съ толстымъ ушкомъ.—„Къ этой гирѣ приковывали пьяныхъ, буяновъ, а иногда и трезвыхъ казаковъ. Раньше она стояла въ карцерѣ. Ну, какъ осердится полковой и прикажетъ приковать. Хорошо, если за ногу, либо за руки, —еще лечь можно, ну а коли прикрутятъ за шею на полъаршинную цѣпь, такъ всѣхъ святыхъ помянешь: ни лечь, ни сѣсть. Такъ и пробьется бѣдняго всю ночь, а иногда и цѣлыя сутки".

Извиняюсь за отступленіе, и перехожу къ описанію архива.

Въ нижнемъ этажѣ зданія, направо отъ входа, тяжелая темная дверь, ведущая въ такъ называемый „Новый архивъ", въ которомъ хранятся позднѣйшія дѣла, начиная съ 1890 г., здѣсь же собраны денежныя книги за предыдущіе годы, приказы по отдѣлу и войску, начиная съ 60-хъ годовъ, формулярные и послужныя списки и т. п. наиболѣе цѣнные и нужные документы.

Имѣющимся здѣсь дѣламъ, находящимся въ такихъ же связкахъ, какъ указывалось при описаніи Звѣриноголовскаго архива, ведется уже подробная опись, какъ законченнымъ, такъ и текущимъ.

Старый архивъ помѣщается тоже въ нижнемъ этажѣ зданія, въ небольшомъ чуланчикѣ, безъ оконъ, и содержится довольно небрежно: грязно, пыльно и, кажется, лѣтъ 5, а, можетъ, и 10 этотъ архивъ вовсе не открывался. Комнатка величиною 3×4 арш.; по стѣнамъ полки, на нихъ обычныя связки дѣлъ. Этимъ дѣламъ я описи не нашелъ, за исключеніемъ подробныхъ списковъ дѣлъ уничтоженныхъ, упомянутою выше комиссіею, гдѣ подробно поименованы всѣ преданныя сожженію и проданныя „на пудъ". Здѣсь хранятся оставшіяся переписки и отдѣльныя дѣла, начиная съ 1830-хъ годовъ, преимущественно Еткульскаго станичнаго правленія; среди нихъ попало двѣ связки дѣлъ полкового правленія „№ 9 полка"; куда дѣвались остальные неизвѣстно, но судя по описямъ—уничтожены, т. к. въ спискахъ значатся подподлежащими къ уничтоженію свыше 700 дѣлъ, только одного полкового правленія.

Кромѣ старыхъ дѣлъ, принадлежащихъ непосредственно Еткульскому станичному правленію, въ этомъ же архивѣ хранятся прежнія дѣла Каратабанскаго и Еманжелинскаго станичныхъ правленій, начиная съ 40-хъ годовъ и кончая, кажется, 1865 годомъ, когда эти оба правленія были упразднены и, вѣроятно, ихъ архивы были переведены въ Еткульскій, т. к. обѣ упраздненныя станицы вошли въ составъ Еткульскаго станичнаго юрта.

Вмѣстѣ съ различнаго рода дѣлами, здѣсь же хранятся послужные списки—начиная съ 1790-хъ годовъ—казаковъ и нѣкоторыхъ чиновниковъ; затѣмъ встрѣчаются посемейные списки жителей станицы, съ указаніемъ общаго экономическаго благосостоянія. Изъ цѣнныхъ и рѣдкихъ бумагъ никакихъ не оказалось; по словамъ стариковъ, близко стоявшихъ раньше къ станичному правленію, много интересныхъ дѣлъ было взято упомянутымъ выше г. Стариковымъ и не возвращено. Между прочимъ имъ же было увезено дѣло за 1812 годъ и нѣчто въ видѣ лѣтописной вѣдомости о заселеніи станицы. Куда все это поступило,—никто не знаетъ.

Въ заключеніе необходимо упомянуть, что новый архивъ правленія содержится въ большемъ порядкѣ и лучшихъ условіяхъ. Самое помѣщеніе его довольно просторное, имѣетъ окна и состоитъ изъ двухъ смежныхъ комнатъ, при чемъ первая служитъ арсеналомъ для казеннаго станичнаго имущества, а вторая—размѣромъ приблизительно 5—6 арш., занята исключительно архивомъ.

Изъ старинныхъ книгъ, хранящихся въ архивѣ станичнаго правленія слѣдуетъ указать на нѣкоторые законы: Такъ напр., „Сводъ законовъ Императора Николая I", изд. 1840 г., „Положеніе объ управленіи войска Донского", изд. 1835 г. и нѣкоторые военные уставы 1850-хъ и 60-хъ годовъ.

Кромѣ архивныхъ дѣлъ, въ особой кладовой станичнаго правленія мною найдено нѣсколько старинныхъ вещей: крѣпостная чугунная пушка длиною около 1 арш., для стрѣльбы картечью, оставшаяся съ половины XVIII столѣтія, когда Еткульская станица была еще степною крѣпостью. Завода и даты на пушкѣ не указано; два кремневыхъ ружья 1800-хъ годовъ—одно тульской работы, другое заграничной, судя по имѣющемуся на куркѣ клейму; двѣ старинныхъ казачьихъ сабли съ желѣзными рукоятками, накулачниками и такими же ножнами, той же эпохи; нѣсколько старинныхъ кандаловъ —ручныхъ, ножныхъ и такъ называемыхъ групповыхъ, служившихъ для приковыванія преступниковъ другъ къ другу; ящикъ съ нарѣзными и круглыми свинцовыми пулями для кремневыхъ карабиновъ; старинный писанный масляными красками портретъ бывшаго наслѣдника престола Николая Александровича (сына императора Александра II).

Всѣ эти предметы помѣщены въ основанный мною школьный музей при Еткульскомъ высшемъ начальномъ училищѣ, гдѣ, кромѣ упомянутыхъ предметовъ, имѣется еще степная кольчуга, пожертвованная ученикомъ Паначевымъ, старинный портретъ генерала Кайсарова, пожертв. К. В. Печенкинымъ, рогъ лося въ 9 фун., коллекціи мѣдныхъ монетъ и т. п. Съ моимъ перемѣщеніемъ изъ Еткульской станицы, музей, думаю, потеряетъ свое значеніе и я былъ бы очень благодаренъ,

если бы ученая архивная комиссія всѣ собранныя мною вещи истребовала для пріобщенія и храненія въ Оренбургскомъ музеѣ. Правда, экспонаты особой цѣнности ни имѣютъ, но историческій интересъ, для характеристики мѣстнаго края, несомнѣнно, представляютъ, какъ собранныя среди населенія.

3) Архивъ Еманжелинскаго станичнаго правленія.

Еманжелинскаго станица, какъ самостоятельная административная единица, была упразднена, кажется, въ концѣ 60-хъ годовъ и всѣ входившіе въ составъ ея поселки были присоединены къ ст. Еткульской, вслѣдствіе чего и прежній архивъ перевезенъ въ Еткульское станичное правленіе, гдѣ часть бумагъ хранится и донынѣ, остальныя уничтожены одновременно со старыми дѣлами полкового правленія, о чемъ уже упоминалось выше. Среди сохранившихся бумагъ имѣются посемейные и послужные списки чиновъ Еманжелинской станицы, входящіе и исходящіе журналы, переписки о нарядѣ казаковъ на службу и другія въ этомъ же родѣ.

Вторичное учрежденіе Еманжелинской станицы, въ видѣ самостоятельной единицы, состоялось только въ концѣ 1912 года; слѣдовательно, въ архивѣ нынѣшняго станичнаго правленія хранятся дѣла только за послѣдніе три года. Самое правленіе помѣщается въ наемномъ деревянномъ домѣ мѣстнаго казака и въ этомъ же домѣ находится вся канцелярія съ текущими дѣлами и ея архивомъ, не имѣющимъ пока особой исторической цѣнности.

4) Архивъ Каратабанской станицы.

Прежняя Каратабанская станица, существовавшая, какъ и Еманжелинская, около—80 лѣтъ, была упразднена въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія и возобновлена только въ 1913 году. Ея прежнія дѣла частью перевезены въ упомянутый выше архивъ Еткульскаго станичнаго правленія, гдѣ до нынѣ хранится нѣсколько связокъ, начиная съ 40-хъ годовъ; остальныя бумаги частью уничтожены, а незначительная часть осталась въ Каратабанѣ и въ видѣ груды бумагъ, очевидно, подлежащихъ продажѣ, помѣщена въ не-

большой саманной[1]) кладовкѣ, вблизи поселковаго правленія.

Такимъ образомъ, прежняго архива, можно сказать, не сохранилось, а новый заключаетъ въ себѣ дѣла лишь послѣднихъ двухъ лѣтъ, при чемъ въ обѣихъ послѣднихъ станицахъ часть формулярныхъ списковъ и иныхъ свѣдѣній, безъ сомнѣнія, оставлена въ дѣлахъ Еткульскаго станичнаго правленія, въ вѣдомство котораго эти станицы входили въ послѣдніе годы и при раздѣлѣ станицъ не были извлечены изъ общихъ документовъ.

5) Архивъ Нижнеувельской станицы.

Нижнеувельская станица—бывшая крестьянская слобода, вошедшая въ составъ Оренбургскаго казачьяго войска на основаніи положенія 12 декабря 1840 года. Станичное правленіе новое, довольно помѣстительное, зданіе въ два этажа: нижній—изъ сѣраго мѣстнаго гранита (бутового камня), верхній—деревянный. Архивъ помѣщается въ особой небольшой комнатѣ нижняго этажа; на полкахъ, вдоль стѣнъ, связки дѣлъ, подобранные по годамъ, но прежнихъ мало, хотя начинаются съ 1815 года и относятся къ Нижнеувельскому волостному правленію; затѣмъ съ 1843 года идутъ послужные списки крестьянъ, перечисленныхъ въ казаки, журналы и настольные реестры, а съ 1852 года присоединяются и дѣла къ руководству. Имѣется краткая опись, по которой, включительно до 1913 года, значится 339 дѣлъ. Особенно интересныхъ не указали, хотя при разборѣ можно бы кое-что найти, особенно изъ эпохи перечисленія въ казаки, такъ какъ крестьяне вообще неохотно переходили и глухо волновались.

6) Архивъ Челябинскаго станичнаго правленія.

Челябинская казачья станица—одна изъ наиболѣе древнихъ этого края, имѣющая особый интересъ, какъ центръ управленія былою Исетскою провинціею и резиденція войскового атамана Исетскаго казачьяго войска. Насколько помнится, самое станичное правленіе, послѣ уничтоженія Исетской войсковой канцеляріи, было сформировано, какъ естест-

---

[1]) Саманъ—необожженный кирпичъ, мѣстный строительный матеріалъ.—*Прим. Ред. Ком.*

венное продолженіе ея, при чемъ большинство архивныхъ дѣлъ осталось на храненіе здѣсь.

До конца минувшаго столѣтія станичное правленіе помѣщалось въ центральной части города Челябинска и лишь лѣтъ 10-15 тому назадъ было переведено въ поселокъ Сосновскій, съ сохраненіемъ прежняго наименованія станицы—Челябинскою.

Зная прошлое Челябинской станицы, большія надежды возлагалъ я на этотъ архивъ, надѣясь найти здѣсь дѣла провинціальной канцеляріи или, въ крайнемъ случаѣ, Исетской войсковой, но, увы, и здѣсь ждало полное разочарованіе.

29 іюля 1915 года я посѣтилъ Сосновку съ единственною цѣлью произвести изысканія въ ея архивѣ. Станичное правленіе—просторное деревянное зданіе; архивъ помѣщается въ немъ же, занимая одну небольшую комнату. Вопреки общему типу архивныхъ помѣщеній, здѣсь свѣтло, сухо и довольно опрятно, по стѣнамъ полки, на нихъ связки дѣлъ, но изъ прежнихъ попались только: толстая связка формулярныхъ списковъ казаковъ 10 полка за 1860 годъ, дѣло I кантона за 1829 годъ о нарядѣ казаковъ на службу,—и больше ничего. Дальше идутъ новѣйшія дѣла съ 1900 года—тоже связками отъ 10 до 15 дѣлъ, подобранныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Опись ими ведется тоже съ этого года.

На мой вопросъ, гдѣ прежнія дѣла, нѣсколько стариковъ и станичная администрація сообщили слѣдующее: дѣла провинціальной канцеляріи, дѣйствительно, хранились въ станичномъ правленіи, когда оно помѣщалось еще въ Челябѣ, но лѣтъ 40 тому назадъ были разобраны и частью уничтожены, а частью проданы. Былъ ли остатокъ и куда онъ помѣщенъ,—никто не знаетъ, только изъ станичнаго правленія тогда ихъ увезли всѣ. Затѣмъ проданы почти всѣ дѣла и станичнаго правленія, когда его переводили въ Сосновку. Участь оставшихся то же никому неизвѣстна. Между прочимъ тамъ же хранились старыя бумаги Полетаевскаго и Кременкульскаго станичныхъ правленій, упраздненныхъ лѣтъ 40

тому назадъ; всѣ ихъ архивы, по словамъ стариковъ, перевезены на храненіе въ Долгодеревенское станичное правленіе.

О судьбѣ прежнихъ дѣлъ Исетской провинціальной канцеляріи и другихъ, хранившихся въ Челябинскомъ станичномъ правленіи я, по указанію тѣхъ же стариковъ, обратился за разъясненіями къ казначею Никольскаго поселка Д. М. Смолину, служившему раньше въ станичномъ правленіи, но отвѣта отъ него пока не получилъ.

7) Церковные архивы.

Между прочимъ я интересовался мѣстными церковными архивами, но отъ батюшекъ получалъ обычный отвѣтъ, что „архива нѣтъ". И дѣйствительно, при церквахъ наибольшимъ уваженіемъ пользуются только клировыя вѣдомости и метрическія книги, иногда восходящія отъ начала 1800-хъ годовъ; бумаги не хранятся, а за старые годы, если не попали въ лавку на обертки, обычно, какъ негодный хламъ, сваливаются въ ящики и въ пыли и грязи валяются гдѣ-нибудь на колокольнѣ.

Единственную лѣтопись пришлось встрѣтить лишь въ ст. Еткульской; событія, хотя и коротенько, записывались въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ съ 70-хъ годовъ до конца 90-хъ. а съ прибытіемъ новаго священника, всякая запись прекратилась.

Заканчивая настоящій докладъ, долгомъ считаю сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія, требуемыя программой архивной комиссіи.

Всѣ осмотрѣнныя мною архивы находятся въ упомянутыхъ выше казачьихъ станицахъ, при станичныхъ правленіяхъ, и состоятъ въ военномъ вѣдомствѣ; зданія архивовъ въ большинствѣ общественныя,—наемными являются лишь въ станицахъ Еманжелинской и Каратабанской; для архивовъ отведено по одной комнатѣ и въ пожарномъ отношеніи наиболѣе безопасными являются находящіеся въ станицахъ Звѣриноголовской и Нижнеувельской; остальные помѣщены въ деревянныхъ зданіяхъ. Какъ уже упоминалось, всѣ дѣла соединены въ связки, вѣсомъ отъ 10 до 15 фун. и помѣще-

ны на полкахъ; нумерація и дата имѣется въ большинствѣ случаевъ, но описи ведутся не вездѣ, за исключеніемъ, конечно, позднѣйшихъ дѣлъ, приблизительно съ 70-хъ годовъ.

Бумаги начала 1800-хъ годовъ имѣются, главнымъ образомъ, въ Звѣриноголовскомъ архивѣ, подъ рубрикою «Комендантскихъ дѣлъ»; въ остальныхъ архивахъ хотя и встрѣчаются, но особой цѣнности не представляютъ; частныхъ актовъ, переписки, мемуаровъ или иныхъ записокъ нѣтъ нигдѣ. Всѣ старинныя дѣла большею частью уничтожены—проданы пудами, а иногда и просто сожжены. Опредѣлить вѣсъ уничтоженныхъ въ настоящее время довольно трудно, т. к. документовъ не сохранилось, а, если вѣрить старикамъ,—продавались буквально возами, въ общемъ въ значительныхъ архивахъ свыше двухсотъ пудовъ, преимущественно дѣла и старыя книги, столбцы врядъ ли были, т. к. образованіе крѣпостныхъ поселеній относится къ срединѣ XVIII столѣтія, когда въ употребленіи была уже бумага въ листахъ.

Конечно, по охранѣ и содержанію архивовъ казачьи общества никакихъ расходовъ не несутъ, ибо архивъ является неизбѣжною принадлежностью станичнаго правленія и находится на отвѣтственности станичной администраціи.

Наиболѣе дѣйствительною мѣрою по охранѣ остатковъ сѣдой старины и современныхъ дѣлъ, поступающихъ въ архивъ, по моему мнѣнію, является точная регистрація находящагося въ архивѣ, веденіе подробныхъ описей и передача по нимъ дѣлъ при перемѣнѣ должностныхъ лицъ. Въ данномъ случаѣ особую помощь можетъ оказать высшее казачье начальство, какъ г. наказный атаманъ и атаманы отдѣловъ, изданіемъ на сей счетъ особыхъ циркуляровъ для непремѣннаго исполненія станичною администраціею; иныхъ мѣръ, мнѣ думается, и быть не можетъ, т. к., къ слову сказать, казаки вообще дѣйствительно исполняютъ только то, что имъ приказано. Былъ приказъ устроить архивы, содержать ихъ въ порядкѣ и это оказалось во всѣхъ станицахъ одновременно: дѣйствительно, всѣ видѣнные мною архивы построены точно однимъ человѣкомъ и каждый архивъ по расположенію

дѣлъ, по связкамъ, по табличкамъ—похожъ на другой, какъ двѣ капли воды. Это служитъ только доказательствомъ раціональности высказаннаго мною пожеланія и подтверждаетъ его.

Дѣйствительный членъ оренб. учен.
архив. комиссіи *А. Кривощековъ.*—

—инспекторъ міасскаго высшаго начальн. училища.

Февраля, 18 дня, 1916 г.

Міасскій заводъ, Оренб. губ.

IV

ЭТНОГРАФІЯ.

„Изъ киргизскихъ повѣрій“.—П. Ходырева.

Изъ киргизскихъ повѣрій.

П. Ходыревъ.

Предисловіе.

Народныя вѣрованія и обряды—продуктъ въ высшей степени сложной и продолжительной эволюціи: выростая, осложняясь и видоизмѣняясь, они пережили цѣлые вѣка въ своемъ образованіи, оказывая вліяніе на міровоззрѣніе и поведеніе тѣхъ народностей и племенъ, среди которыхъ они сохраняются. Этнографы всего міра старательно собираютъ и публикуютъ этотъ матеріалъ, какъ живой остатокъ народнаго творчества. Само собой понятно, что онъ представляется цѣннымъ не просто какъ любопытный образчикъ народныхъ суевѣрій и не въ качествѣ этнографическаго курьеза, а какъ выраженіе народнаго міросозерцанія, составившаго основу его поведенія. Къ сожалѣнію, изслѣдователи долго и безуспѣшно пытались найти ключъ къ объясненію этихъ, уже непонятныхъ для насъ, остатковъ старины. Основной ихъ пріемъ заключался въ томъ, чтобы разбираемое вѣрованіе или обрядъ объяснять съ своей собственной точки зрѣнія, т. е.: изслѣдователь со всѣмъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ багажомъ мысленно ставилъ себя на мѣсто предполагаемаго примитивнаго человѣка, создавшаго то или иное вѣрованье или обрядъ, и спрашивалъ себя, какими доводами или побужденіями можно было бы объяснить себѣ возникновеніе этихъ, уже непонятныхъ для насъ, продуктовъ народнаго творчества. Объясненіе давалось не примѣнительно къ психикѣ примитивнаго человѣка, а съ точки зрѣнія уже развитого во всѣхъ отношеніяхъ культурнаго человѣка. Объясненія, создаваемыя на этомъ пути, были столь дикими и чудовищными, столь субъективными, что, понятно, удовлетворить никого не могли. Всегда было болѣе или менѣе живо чувство, что

примитивный человѣкъ, какъ бы грубъ и некультуренъ онъ ни былъ, все же былъ человѣкомъ прежде всего и не могъ сознательно говорить и дѣлать нелѣпости. Современные изслѣдователи стоятъ на другой точкѣ зрѣнія. Они пытаются объяснить міровоззрѣніе и поведеніе примитивнаго человѣка не съ точки зрѣнія психической жизни человѣка культурнаго, а съ точки зрѣнія его собственной жизни. Такая попытка не предполагаетъ однакоже для изслѣдователя необходимости какъ либо неестественно изощрять силы своего ума, чтобы имѣть возможность оказаться въ положеніи примитивнаго человѣка и понять продукты его мысли. Примитивный человѣкъ принципіально тотъ же, что и человѣкъ культурный. У него тѣ же потребности и тѣ же основныя побужденія, что и у человѣка культурнаго, только общее напряженіе и широта его душевной жизни значительно меньше. Въ примитивной психикѣ преобладаютъ побужденія безотчетныя, смутныя, полусознательныя, которыя имѣютъ мѣсто подчасъ и въ психикѣ человѣка культурнаго. Послѣдній однакоже въ продолжительномъ процессѣ умственной и нравственной тренировки научился подавлять эти побужденія, между тѣмъ какъ примитивный человѣкъ всецѣло погруженъ еще въ эту полусознательную, не контролируемую свѣтомъ высшаго сознанія, сферу пхихической жизни. Стоитъ посмотрѣть на народныя вѣрованіи и обряды, какъ на продукты такихъ полусознательныхъ возбужденій психики, чтобы въ принципѣ сдѣлать ихъ понятными: слѣдуетъ только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, не увлекаясь пространными объясненіями, которыя съ нашей точки зрѣнія могли бы объяснить то или иное вѣрованіе, попытаться усмотрѣть то простѣйшее душевное движеніе, которое могло привести къ нему. Какъ ни разнообразны фактически такія движенія, всѣ они могутъ быть сведены къ немногимъ основамъ. На всякое внѣшнее возбужденіе психика реагируетъ тѣмъ или инымъ движеніемъ, будетъ ли это движеніе безотчетнымъ, какъ въ пснхикѣ примитивной, или сознательнымъ и всесторонне обдуманнымъ, какъ въ психикѣ культурнаго человѣка. Психо-

логія устанавливаетъ однакоже, что даже безотчетныя движенія примитивной психики выполняются по опредѣленнымъ принципамъ, правда, не сознаваемымъ и не контролируемымъ. Этихъ принциповъ, какъ и въ психикѣ культурнаго человѣка, два: ассоціація представленій по смежности или по сходству. Всякое вновь возникающее явленіе примитивная психика непроизвольно отожествляетъ на основаніи вышеуказанныхъ принциповъ или съ явленіями смежными въ пространствѣ или во времени, или съ явленіями сходными; результатомъ такого отожествленія является та или иная реакція на новое явленіе, возникающая, какъ и все, въ примитивной психикѣ, непроизвольно и безотчетно. Простѣйшіе примѣры такихъ примитивныхъ реакцій психики мы можемъ видѣть въ нашей собственной жизни. Мы безотчетно цѣнимъ все, что имѣетъ хотя бы тѣнь близости къ дорогимъ для насъ предметамъ и явленіямъ, все, что имѣетъ хотя бы отдаленное съ ними сходство и обратно, ненавидимъ все, что имѣетъ такое же отношеніе къ предметамъ и явленіямъ, для насъ ненавистнымъ. Мать, какъ святыню, бережетъ волосы и одежду умершаго ребенка, она цѣлуетъ его портретъ; мы топчемъ ногами изображеніе непріятнаго намъ лица и рвемъ въ клочки его письмо и т. п. Но въ то время, какъ у культурнаго человѣка всѣ такія непроизвольныя побужденія въ значительной степени сдерживаются и подавляются, или во всякомъ случаѣ ослабляются сознаніемъ ихъ несоотвѣтствія цѣли, психика примитивнаго человѣка всецѣло находится во власти этихъ побужденій, которыя подчиняютъ себѣ ее съ силой почти стихійной. Когда дикарь желаетъ повредить своему врагу онъ добываетъ обрѣзки его ногтей, волосъ или даже просто кусокъ его одежды, чтобы бросить все это въ огонь и тѣмъ заставить своего врага испытать жесточайшія страданія. Поэтому то такъ тщательно у некультурныхъ народовъ человѣкъ, опасающійся враговъ, собираетъ обрѣзки своихъ ногтей, волосъ, даже, слюну, чтобы спрятать все это отъ врага. Прежде, чѣмъ идти на войну или на охоту, дикарь обезпечиваетъ себѣ успѣхъ мимическимъ танцемъ, въ которомъ представляется, какъ жи-

вотное или непріятель падаютъ подъ ударами его стрѣлы. Вся жизнь примитивной психики представляетъ изъ себя цѣлую систему такихъ, въ экстатическомъ самозабвеніи выполняемыхъ, дѣйствій, которымъ современные изслѣдователи усваиваютъ общее названіе магическихъ дѣйствій, различая при этомъ магію симпатическую, т. е. дѣйствія, продиктованныя безотчетной ассоціаціей представленій по закону смежности, и магію подражательную, т. е. дѣйствія, продиктованныя безотчетнымъ отождествленіемъ явленій на основаніи ассоціаціи по сходству. Сохраняя значительную долю чисто психологическаго смысла и естественности, пока они выполняются въ силу непосредственнаго побужденія, эти дѣйствія теряютъ всякій смыслъ, когда выполняются подражательно. Передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ акты, имѣющіе особую таинственную силу, они обростаютъ множествомъ нелѣпыхъ подробностей, заставляющихъ видѣть въ нихъ ничѣмъ необъяснимое суевѣріе. Въ такомъ именно видѣ, въ видѣ ставшихъ уже непонятными для насъ повѣрій и обрядовъ народныхъ, приходится собирать эти суевѣрія современной этнографической наукѣ. Понятно, какъ важно уловить то первоначальное психическое движеніе, которое лежало въ основѣ того или иного суевѣрія: сдѣлать это—значитъ понять его подлинную, ничего общаго съ суевѣріемъ не имѣющую, психологическую подкладку, съ одной стороны, выдѣлить въ немъ все случайное и наносное, съ другой стороны.

Авторъ ниже печатаемаго доклада непритязательно и просто сообщаетъ рядъ киргизскихъ повѣрій и обрядовъ, которые ему лично приходилось наблюдать. Повѣрья эти собраны и сгруппированы имъ по чисто внѣшнему признаку употребленія въ дѣло костей. Но должно быть яснымъ съ перваго же взгляда, что такая группировка представляетъ собой совершенно случайное объединеніе весьма разнороднаго матеріала и что кости характерны для сообщаемыхъ авторомъ обрядовъ и повѣрій столько же, какъ и всякіе другіе предметы. Всѣхъ повѣрій, въ которыхъ такъ или иначе употребляются киргизами въ дѣло кости, авторъ сообщаетъ 12.

Сюда слѣдуетъ присоединить еще дополнительное, 13-е, сообщеніе А. В. Попова. Оставляя пока въ сторонѣ три изъ нихъ (№ 1, 7, 10), остальныя 10 представляется возможнымъ распредѣлить въ двѣ группы. Первую группу (№ 3, 6 и 13) составляютъ повѣрья и обряды, которые могли бы найти объясненіе въ вышеуказанномъ принципѣ магіи симпатической, согласно которому все, находившееся въ соприкосновеніи съ тѣми или иными вещами, и само пріобрѣтаетъ свойства этихъ вещей, до нѣкоторой степени замѣняетъ ихъ. Такъ, согласно третьему повѣрью, кости животныхъ, а именно бабки (вѣроятно, потому, что удобны для ношенія) и кусочки войлока, побывавшіе въ рукахъ муллы, имѣютъ предохраняющую силу отъ дурного глаза; такую же предохраняющую силу отъ болѣзни имѣетъ, согласно шестому повѣрью, черепашій щитъ, повѣшенный на шею; согласно 13 повѣрью, сообщенному А. В. Поповымъ, ношеніе при себѣ въ дорогѣ копыта лошади, обычнаго спутника и друга киргиза въ степи, помогаетъ достиженію предпринятаго путешествія. Вторую группу (№ 2, 4, 5, 8, 9, 11 и 12) составляютъ повѣрья и обряды, которые въ свою очередь могли бы найти себѣ объясненіе въ вышеотмѣченномъ принципѣ магіи подражательной, согласно которому символическія подобія вещей имѣютъ то же значеніе, что и самыя вещи. Такъ, подъ № 2 изображенъ символическій обрядъ изгнанія болѣзни, подъ № 4 указывается на особое значеніе локтевыхъ костей овцы въ виду ихъ сходства съ начертаніемъ имени „Магометъ", подъ № 5 отмѣчается цѣлебное значеніе пріема внутрь истолченныхъ птичьихъ костей—въ случаѣ перелома собственныхъ, подъ № 8 упоминается, что форма роговъ, какъ символическое изображеніе защиты, легла въ основу ковровыхъ и кошемныхъ производствъ у киргизъ, № 9 отмѣчаетъ сбрасываніе ногтей, какъ символическое изображеніе удаленія семейнаго горя, № 11 въ формѣ довольно обработаннаго въ сказочной формѣ преданія указываетъ на повѣрье, правда, уже въ значительной степени искаженное и удаленное отъ его непосредственной психологической формы. повѣрье, что символически, въ видѣ 40

косточекъ, изображенные 40 работниковъ вполнѣ замѣняютъ собой работниковъ дѣйствительныхъ, наконецъ, въ № 12 разсказывается о палкѣ съ головкой, изображающей и замѣняющей для ея обладателя Мекку.—Всѣ перечисленные въ 1 и 2 группахъ случаи представляются совершенно понятными въ своей психологической сущности и происхожденіи и можно было бы безъ труда привести имъ безчисленныя параллели изъ области повѣрій и обрядовъ, бытующихъ на всемъ земномъ шарѣ и въ самыхъ различныхъ его уголкахъ. Можно сказать, что они составляютъ общечеловѣческое достояніе, а не специфическую особенность киргизскаго народнаго творчества. Что касается сообщеній подъ № 1 (киргизы не ломаютъ, а лишь вылущиваютъ кости убиваемыхъ животныхъ: животныя съ переломомъ костей не считаются годными), № 7 (гаданье по трещинамъ на овечьей лопаткѣ), № 10 (употребленіе волосъ русскихъ людей при тяжелыхъ родахъ) и отчасти подъ № 6 (навѣшиваніе овечьей лопатки на шею для предохраненія отъ болѣзни), то они не являются достаточно полными для того, чтобы изъ нихъ возможно было усмотрѣть тѣ непосредственныя психическія побужденія, которыми обусловлены отмѣченные въ нихъ обряды и повѣрья. Именно поэтому и слѣдуетъ пожелать, чтобы собиратели народныхъ повѣрій и обрядовъ не ограничивались однимъ только стремленіемъ собрать и записать то, что само дается въ руки, но ставили бы себѣ и болѣе плодотворную задачу отыскиванія недостающихъ звеньевъ собраннаго ими отрывочнаго матеріала.

В. Я. Струминскій.

ИЗЪ КИРГИЗСКИХЪ ПОВѢРІЙ.

На одномъ изъ предыдущихъ засѣданій было заслушано письмо Преосвященнаго Меѳодія, епископа Оренбургскаго и Тургайскаго[1]), который обратилъ вниманіе Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи на то, что киргизы, живущіе около Актюбинска, пользуются съ лечебными цѣлями костями какого-то великана. Хотя я никогда не видалъ и не слыхалъ, чтобы кости людей служили лѣчебнымъ средствомъ у киргизъ, однако не отрицаю возможности подобнаго факта потому, что у нихъ есть немало повѣрій, связанныхъ съ костями нѣкоторыхъ животныхъ. Объ этихъ повѣрьяхъ и будетъ моя дальнѣйшая рѣчь.

I) Не смотря на всѣ старанія татарскихъ муллъ, степь киргизская еще до сихъ поръ является царствомъ амулетовъ и связанныхъ съ ними всевозможныхъ суевѣрій. На одно изъ первыхъ мѣстъ надо поставить повѣрья, связанныя съ костями. Въ этомъ случаѣ прежде всего долженъ отмѣтить, что кости зарѣзываемыхъ животныхъ никогда не пересѣкаются, а лишь вылущиваются. Переломъ или нечаянное пересѣченіе ихъ у большинства, по крайней мѣрѣ, богатыхъ киргизъ, ведетъ къ тому, что всю пищу выбрасываютъ собакамъ.

Почему и зачѣмъ это дѣлаютъ,--мнѣ не удалось установить.

Затѣмъ въ аулѣ Карахобдинской волости, Актюбинскаго уѣзда, у моего ученика братъ оказался въ послѣдней стадіи чахотки. Меня молили всячески лѣчить его и предлагали 50 лошадей за это.

Конечно, я не могъ согласиться, по той простой причинѣ, что не состою врачемъ.

Позвали какого-то знаменитаго баксу....

II) Что онъ дѣлалъ съ умирающимъ джигитомъ въ кибиткѣ,--я не знаю: меня туда не пускали, но слышалъ, что

---

[1]) Полный текстъ письма преосвященнаго Меѳодія помѣщенъ далѣе—въ приложеніи къ настоящему докладу.--*Примѣчаніе Редакціоннаго Комитета.*

тамъ происходила какая-то дикая вакханалія.—Тамъ свистѣли, дико визжали, ударяли въ мѣдные умывальные тазы и кричали до хрипоты. Послѣ всего этого бакса, съ налитыми кровью глазами, вышелъ изъ кибитки и женщины подали ему черепъ конской головы. Онъ присѣлъ и началъ продѣлывать въ этомъ черепѣ дыры, а потомъ въ отверстіе ихъ засовывалъ палочки (куклы) въ костюмѣ какихъ-то людей, при чемъ костюмы эти, уже сшитыми, подавали старухи. Утыканную такимъ образомъ голову лошади бакса вынесъ на тропинку и ему подали еще два собачьихъ черепа. Онъ положилъ ихъ по бокамъ, позади черепа лошади, и что-то началъ выкрикивать

Потомъ, во время ѣды „бишъ-бармака“ [1]) я спросилъ киргизъ, что все это значило? Бакса любезно сообщилъ, что они выгоняли болѣзнь и пустили ее въ видѣ разныхъ фигуръ на лошади, а чтобы лошадь, не уставая, бѣжала и уносила дальше болѣзнь, за ней пустили двухъ злыхъ собакъ.

Здѣсь долженъ отмѣтить, что не одни только баксы грѣшны въ поддержаніи суевѣрій среди киргизъ. Можетъ быть, поневолѣ, подчиняясь народнымъ повѣрьямъ, а также движимые корыстью поддерживаютъ ихъ даже и ученые муллы —изъ татаръ и сартовъ.

III) Во всякомъ случаѣ—вполнѣ несомнѣненъ фактъ, что киргизы даютъ муллѣ мелкія кости ступней животныхъ (бабки) и кусочки войлока подержать въ рукѣ, а потомъ навѣшиваютъ ихъ на шею дѣтей и скотины и думаютъ, что это очень помогаетъ отъ дурного глаза.

IV) Наконецъ, сами муллы говорятъ, что локтевыя кости овцы имѣютъ большое сходство съ начертаніемъ слова „Магометъ“ и уже, поэтому, должны имѣть особое значеніе и приносятъ счастіе.

V) Съ лѣчебною же цѣлью киргизы принимаютъ при переломахъ костей, случающихся во время байги [2]), птичьи кости, истолченныя въ порошокъ.

---

[1]) Кушанье, состоящее изъ квадратныхъ кусочковъ тѣста и разрѣзанной въ куски баранины. Его ѣдятъ обыкновенно всей пятерней, отчего и произошло названіе „бишъ-бармакъ“, что значитъ „пять пальцевъ“—*Прим. Редакц. Комитета.*

[2]) Байга—конскіе скачки съ призами.—*Примѣч. Редакц. Комитета.*

Поэтому послѣ возвращенія моего съ охоты киргизы всегда просили у меня птичьи кости.

VI) Для того, чтобы предохранить дѣтей отъ болѣзни киргизки навѣшиваютъ на шею дѣтей лопатку овцы, рыбьи зубы и черепашій щитъ,

VII) Наконецъ, по костямъ киргизы гадаютъ. Для этого овечью лопатку они кладутъ въ огонь и по получаемымъ трещинамъ предсказываютъ будующее. У меня не хватило терпѣнія выслушивать объясненіе всякой трещины, но я хорошо помню, что если кость треснетъ вдоль, то это предрекаетъ счастье, а если поперекъ, то несчастье.

Кстати отмѣчу тутъ, что и роговыя образованія, особенно человѣка, имѣютъ нѣкоторое значеніе въ быту кочевника киргиза. Я не намѣренъ подробно говорить о томъ, что

VIII) Форма роговъ легла въ основу всѣхъ ковровыхъ и кошемныхъ производствъ у киргизъ. Я хочу только отмѣтить,

IX) Что стрижка ногтей означаетъ удаленіе какого-нибудь семейнаго горя,

X) А волосы, особенно отъ русскихъ людей, по понятію киргизъ, имѣютъ какую-то могучую силу и самымъ дѣйствительнымъ образомъ помогаютъ при тяжелыхъ родахъ. Нужно вообще замѣтить, что киргизки тяжело рожаютъ и несчастные роды среди нихъ обычное явленіе; причины того я не знаю.

При моемъ появленіи въ аулѣ у меня начали выпрашивать пряди волосъ разные киргизы. Пріѣзжали даже чуть не изъ Мангышлака... и скоро я до того обезволосилъ свою голову, что на себя пересталъ походить. Не думаю, чтобы значеніе костей въ быту киргизъ ограничивалось только тѣмъ, что здѣсь изложено.

Я много разъ видѣлъ, какъ въ кочевкахъ и кибиткахъ, въ ковровыхъ сумкахъ, были подвѣшены къ потолкамъ какія то кости... Отправляясь въ дорогу, киргизы берутъ эти сумки и прикрѣпляютъ ихъ къ задней лукѣ сѣдла.

Я спрашивалъ киргизъ, что означаютъ эти кости, но они всегда отклоняли этотъ разговоръ. Наконецъ одинъ аксакалъ[1]) разсказалъ мнѣ слѣдующее:

XI) „Мы сохраняемъ эти кости въ сумкѣ потому, что они, какъ говорятъ отцы и дѣды, таинственнымъ образомъ охраняютъ насъ въ дорогѣ, а въ домѣ—наше имѣніе, отъ злономѣренныхъ людей. Да вотъ послушай, продолжалъ старикъ, понюхавъ табаку: Давно когда-то жилъ богатый аксакалъ Гидельбай. У него было три сына. Двухъ старшихъ онъ женилъ и, наконецъ, пришла очередь младшаго, по имени Жандаулета. Для самостоятельной жизни, конечно, нужны въ житейскихъ дѣлахъ опытность и изворотливость. Гидельбай рѣшилъ испытать сына въ этомъ отношеніи. Однажды вечеромъ онъ призвалъ Жандаулета и сказалъ ему: „Сынъ мой, завтра утромъ ты возьмешь сорокъ козловъ и погонишь ихъ на ярмарку. Тамъ, не продавая ни одного изъ нихъ, купи сорокъ аршинъ ситцу“.

Ни возражать, ни ослушаться сынъ не могъ... и, потому, поклонившись отцу, вышелъ изъ кибитки. На другой день Жандаулетъ погналъ на ярмарку 40 козловъ. Невдалекѣ отъ базара сынъ Гидельбая замѣтилъ кибитку и, подогнавъ къ ней козловъ, попросилъ у миловидной и молоденькой дѣвушки, оказавшейся дочерью хозяина кочевки, дать ему пріютъ. Жандаулетъ былъ красивый джигитъ и сразу понравился дѣвушкѣ... Поэтому она ласково приняла его и провела къ отцу въ кибитку. Послѣ привѣтствій хозяинъ спросилъ молодого джигита о цѣли его путешествія. Жандаулетъ разсказалъ о порученіи отца и въ заключеніе съ горечью признался:

„Сколько ни думалъ, ничего придумать не могъ и совершенно не знаю, какъ выполнить волю отца“.

Взбалтывавшая въ турсукѣ кумызъ дочь хозяина, услышавъ о затруднительномъ положеніи молодого человѣка, сказала:

---

1) Аксакалъ въ буквальномъ смыслѣ значитъ „бѣлая борода“. Переносно — старый, опытный, вліятельный человѣкъ. *Примѣч. Редакц. Комитета.*

Повидимому, отецъ хочетъ испытать васъ и я знаю, какъ помочь вамъ.

О, пожалуйста, укажите мнѣ выходъ и я никогда не забуду васъ,—взмолился джигитъ.

Татары зачѣмъ-то покупаютъ рога и вамъ стоитъ лишь снять ихъ съ вашихъ козловъ и вы будете имѣть возможность купить 40 аршинъ ситцу.

Сынъ Гидельбая такъ и сдѣлалъ и когда, отправляясь въ обратный путь, началъ горячо благодарить дѣвушку за оказанную помощь, она нагнувшись, тихо проговорила:

Такому джигиту, какъ вы, я и въ будущемъ готова оказывать услуги.

Какъ ни отрадно было родительскому сердцу Гидельбая, что сынъ его сумѣлъ разрѣшить заданную ему задачу, однако онъ не повѣрилъ такой сообразительности Жандаулета и, когда послѣдній отдавалъ отчетъ о своемъ путешествіи, онъ сказалъ ему:

„Сынъ мой, я знаю, что тебѣ одному трудно добраться до рѣшенія моей задачи, такъ сознайся, кто былъ твоимъ помощникомъ?“ Жандаулету было стыдно сознаться, что не онъ самъ рѣшилъ задачу и потому довольно долго не сознавался, но въ концѣ концовъ разсказалъ отцу какъ было дѣло, и съ большимъ увлеченіемъ описывалъ достоинства помогшей ему дѣвушки.

На другой день Гидельбай въ сопровожденіи сына отправился искать ему невѣсту, рѣшивъ напередъ, если возможно женить сына на дѣвушкѣ, посовѣтовавшей Жандаулету снять рога съ козловъ. Дѣвушка оказалась свободной (непросватанной) и Гидельбай не сталъ спорить изъ за калыма[1]) и велѣлъ работнику пригнать условленное количество скота. Тутъ жъ въ кочевкѣ отца дѣвушки было опраздновано веселая свадьба съ байгой, съ джигитовкой, борьбой джигитовъ и стрѣльбою въ алтынгабакъ[2]).

---

1) Калымъ—выкупъ за невѣсту.—*Прим. Редакц. Комитета.*

2) Подвѣшенная за волосокъ монета на шестѣ.—*Авторъ.*

Послѣ свадьбы Гидельбай возвратился съ молодыми домой, и Жандаулетъ съ женой зажили счастливой жизью....

Прошло полгода.... Однажды Гидельбай, собираясь на ярмарку, спросилъ снохъ, кому и какой подарокъ онъ долженъ тамъ купить. Старшая сноха попросила купить ей сундукъ съ зеркальными внутри стѣнками, средняя—коверъ съ красивыми узорами, а младшая обратилась съ странной просьбой:

„Мнѣ подарковъ никакихъ не надо, а попрошу васъ только взять вотъ эту сумку и, не разсматривая, что въ ней находится, привести обратно". Съ этими словами жена Жандаулета вручила Гидельбаю сумку, наполненную чѣмъ-то довольно тяжелымъ. Гидельбай былъ сильно удивленъ необыкновенной просьбой снохи, но, искренно уважая ее, согласился исполнить просьбу. Аксакалъ благополучно прибылъ на ярмарку, закупилъ все необходимое для хозяйства и отправился въ обратный путь. Во время остановки на ночлегъ, когда до кочевки оставался еще день ѣзды, Гидельбай, заинтересовавшись странной сумкой, велѣлъ работнику подать ему ее. Хотя сноха и просила не смотрѣть что положено въ сумкѣ, тѣмъ не менѣе старикомъ овладѣло такое любытство, что онъ не могъ сдержать даннаго слова и началъ распутывать аккуратно завязанную сумку. Въ ней оказались локтевыя кости овецъ и козъ, числомъ сорокъ. Гнѣвъ овладѣлъ Гидельбаемъ:

—„Что это? Насмѣшка"?!...—Сердито воскликнулъ онъ.— „Можно ли допустить такую грубую непочтительность, чтобъ заставлять старика возить съ собой обглоданныя кости"!.. и съ этими словами велѣлъ работнику разбросать кости. Но едва приказаніе Гидельбая было исполнено, какъ изъ-за сосѣдняго холма на его ставку набросилась шайка разбойниковъ въ 30 человѣкъ. Они связали аксакала и работниковъ и приступили къ грабежу его закупокъ, пригрозивъ потомъ расправиться съ плѣнникаии. Опомнившись отъ неожиданнаго нападенія. Гидельбай сталъ придумывать способы къ

спасенію себя и своихъ людей. Наконецъ, онъ обратился къ предводителю разбойниковъ:

—„Тебѣ и твоимъ товарищамъ будетъ небольшая польза, если убьете насъ, и я предлагаю вамъ богатый выкупъ, если вы оставите намъ жизнь. Пусть двое или трое твоихъ молодцовъ вмѣстѣ съ моимъ работникомъ отправятся въ мой аулъ, а я накажу съ моимъ человѣкомъ; чтобы домашніе собрали 60 бѣлоголовыхъ и 70 отборныхъ верблюдовъ, а также прислали-бы и другіе подарки сюда. Это и будетъ выкупъ. Конечно, если убьете насъ, ничего не получите". Предводитель согласился и. отославъ съ работникомъ Гидельбая двухъ человѣкъ изъ своей шайки, подсѣлъ къ аксакалу и съ удивленіемъ спросилъ его:

—Почему васъ вдругъ стало только три человѣка? Мы давно васъ подкарауливали и ѣхали слѣдомъ за вами и васъ все время было 43 человѣка и только тогда. когда 40 человѣкъ изъ васъ вдругъ куда-то исчезли мы напали на васъ.

Тутъ только догадался Гидельбай, что кости были не простыя, и въ глазахъ враговъ каждая изъ нихъ представлялась человѣкомъ. Когда работникъ съ разбойниками пріѣхалъ въ кочевку Гидельбая и передалъ требованіе старика, домашніе, сильно встревоженныя несчастьемъ главы семьи, немедленно приступили къ сбору 60 бѣлоголовыхъ и 70 лучшихъ верблюдовъ. Видя это, жена Жандаулета сказала:

—„Вы напрасно трудитесь, не вникнувъ въ сущность приказанія отца. Правда, онъ велѣлъ собрать верблюдовъ, но подъ 60-ю бѣлоголовыми и 70-ю верблюдами надо разумѣть 60 сѣдыхъ, умудренныхъ жизнью аксакаловъ, которые, собравшись и обсудивъ дѣло, послали бы 70 отборныхъ джигитовъ на выручку нашего отца".

Всѣ тотчасъ поняли мудрость совѣта и, убивъ двухъ разбойниковъ, немедленно послали болѣе 70 лучшихъ и храбрѣйшихъ джигитовъ на выручку Гидельбая. Пріѣхавъ на мѣсто задержанія аксакала, джигиты перебили всѣхъ разбойниковъ и возвратились съ освобожденнымъ изъ когтей смерти Гидельбаемъ.

На другой день по возвращеніи Гидельбай далъ „Кудай жолы“, на который собралось много народа. Во время праздника Гидельбай спросилъ младшую сноху:

“Разъясни намъ, пожалуйста, съ какой цѣлью ты дала мнѣ въ дорогу сумку съ бараньими локтевыми костями?“

Жена Жандаулета отвѣтила:

„Карый желикъ[1])“ въ глазахъ враговъ имѣетъ много силъ. Если бы вы не велѣли разбросать кости, то благополучно бы возвратились домой. Эти 40 костей въ глазахъ разбойниковъ казались вашими сорока работниками-охранителями, и дала я ихъ вамъ въ благодарность за то, что вы не пожалѣли заплатить за меня большой калымъ и устроили мнѣ счастливую жизнь.

Киргизы прославили мудрость младщей снохи Гидельбая и съ тѣхъ поръ стали хранить локтевыя овечьи кости и, отправляясь въ дорогу, брать ихъ въ сумкахъ съ собою, привязавъ къ сѣдлу.

XII) У стариковъ я нерѣдко видѣлъ посохи, представляющіе простую палку съ желѣзнымъ наконечникомъ, верхній конецъ которой въ видѣ круглой головки обдѣланъ роговымъ образованіемъ изъ копыта или рога. Эта обдѣлка иногда бываетъ испещрена изрѣченіями изъ Корана или просто узорами. Сначала я не обращалъ никакого вниманія на эти посохи, но случай заставилъ меня обратить вниманіе на нихъ и убѣдиться, что это—не просто палки. Однажды ночью передъ сномъ, во время переѣзда, сопровождавшій меня старикъ-киргизъ отошелъ въ сторону—въ степь, воткнулъ въ землю посохъ, разостлалъ коврикъ и началъ молиться на палку. Я заинтересовался и на другой день спросилъ киргиза: „Почему онъ молился на палку?“ Но старикъ уклонился отъ прямого объясненія. Однако отъ молодыхъ киргизъ я узналъ, что головка палки представляетъ Мекку и она обдѣлывается въ видѣ купола Меккской мечети. Ставится она во время молитвы передъ лицомъ молящагося для

1) Локтевыя овечьи кости.—*Авторъ*.

того, чтобы ничто постороннее между нимъ и Меккой не являлось помѣхой и, такимъ образомъ, не нарушало его молитвенной связи съ предметомъ набожныхъ стремленій.

П. Ходыревъ.[1])

Приложеніе.

ЕПИСКОПЪ
Оренбургскій
и
ТУРГАЙСКІЙ.

Въ Оренбургскую Ученую Архивную Комиссію.

Въ бытность свою въ г. Актюбинскѣ въ декабрѣ минувшаго года пришлось услышать интересное преданіе, что на одномъ изъ холмовъ г. Актюбинска былъ похороненъ ханъ Кара-Сай, великанъ, племянникъ Мамая. Кажется, въ 60-хъ годахъ могила была раскопана, берцовая кость необычайной величины была услана въ какой-то музей; одна лопатка, тоже необычайныхъ размѣровъ, находится гдѣ-то у киргизъ, которые употребляютъ ее какъ лѣкарство противъ маляріи, прикладывая ее къ себѣ. Весьма желательно было-бы, чтобы Архивная Комиссія разслѣдовала это интересное преданіе и пріобрѣла бы на храненіе въ Оренбургскій музей оставшіяся еще въ цѣлости гдѣ-то кости Кара-Сая; узнала бы, гдѣ находится берцовая кость и сдѣлала бы снимокъ съ нея и описаніе ея.... Можетъ быть, кто составилъ бы и историческую замѣтку о Кара-Саѣ, если только окажется для этого матеріалъ.

Меѳодій, Епископъ Оренбургскій.

№ 337.
25 января 1916 года.

---

1) Въ дополненіе къ докладу г. Ходырева Предсѣдатель Архивной Комиссіи А. В. Поповъ сообщилъ слѣдующее.

XIII) Однажды киргизы забыли въ вагонѣ жел. дороги палку, на одномъ концѣ которой было прикрѣплено лошадиное копыто, распяленное деревянной распоркою. Эта забытая палка, по словамъ другихъ киргизъ, ѣхавшихъ въ томъ же вагонѣ, была амулетомъ, который предохраняетъ путешественника—киргиза отъ дорожныхъ несчастій и помогаетъ достиженію цѣли предпринятаго путешествія. Копыто взято отъ лошади потому, что лошадь—обычный спутникъ киргиза въ степи и его другъ.

Означенный амулетъ пріобрѣтенъ, при содѣйствіи А. В. Попова, для музея Архивной Комиссіи, гдѣ и хранится въ настоящее время.—*Примѣч. Редакц. Комит.*

V

СМѢСЬ.

„Некрологъ проф. Всеволода Ѳедоровича Миллера“. А. П. Гра.— „Акаѳистъ мировому постреднику“. Сообщеніе Н. А. Наслѣдова.— „Успокоеніе“. Стихотвореніе Григ. Ив. Андреева.—„Къ вопросу о надписи на домѣ Кутиной въ память Т. Г. Шевченко“. Свящ. Н. Модестова.

НЕКРОЛОГЪ
проф. Всеволода Ѳедоровича Миллера.

5 ноября 1913 года русская наука потеряла выдающагося ученаго, а Оренб. Уч. Арх. Ком.—своего почетнаго члена, въ лицѣ неожиданно скончавшагося въ Петербургѣ академика и заслуженнаго профессора Имп. Моск. Унив. Всеволода Ѳедоровича Миллера.

В. Ѳ. родился въ 1848 г. въ Москвѣ (его отецъ былъ извѣстный въ свое время поэтъ—переводчикъ Ѳед. Богд. Миллеръ). Онъ получилъ прекрасную домашнюю подготовку, а въ 1870 г. кончилъ курсъ Москов. Университета—по истор.-филолог. факультету. По окончаніи курса онъ былъ оставленъ при Университетѣ, провелъ нѣсколько лѣтъ заграницей и въ 1876 г. защитилъ магистерскую дисертацію „Асвины-Діоскуры"—очерки арійской мифологіи, послѣ чего онъ вступилъ въ число университетскихъ преподавателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ читать лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ Герье. Въ 1881 г. стали появляться въ свѣтъ отдѣльными выпусками его „Осетинскіе этюды", послужившіе ему докторской диссертаціей. Въ 1885 г., сохраняя за собой профессуру въ Университетѣ, онъ занялъ должность хранителя Дашковск. этнографическ. музея. Въ 1892 г. онъ перемѣнилъ въ Университетѣ каѳедру санскрита на каѳедру рус. яз. и словесности. Въ 1897 г. онъ разстался съ Румянц. музеемъ и сталъ во главѣ Лазаревскаго Института восточн. языковъ. Наконецъ, два года тому назадъ онъ разстался съ Москвой и, будучи избранъ ординарн. академикомъ Академіи Наукъ, перебрался въ Петербургъ, гдѣ и умеръ.

Какъ ученаго, Вс. Ѳ. очень трудно охарактеризовать однимъ словомъ, ссылкой на какую нибудь одну отрасль науки, къ которой относятся его труды. Для этого, какъ говоритъ

профессоръ Д. И. Анучинъ, надо одновременно быть филологомъ, славистомъ, санскритологомъ, оріенталистомъ, кавказовѣдомъ, этнографомъ, фольклористомъ, знатокомъ народной русской словесности и т. д. и въ каждой изъ этихъ дисциплинъ В. Ѳ. работалъ надъ очень разнообразными темами. Въ 70-хъ годахъ онъ больше всего занимался санскритск. яз. и сравнительной миѳологіей: кромѣ диссертаціи „Асвины-Діоскуры", имъ напечатаны въ это время: „Ведійскіе этюды", „Arijský Mitra a slovansky mir" (по-чешски), „Le rôle du chien dans les croyances mythologiques", и много другихъ статей по санскриту и миѳологіи въ спеціальныхъ журналахъ и университетскихъ отчетахъ. Но къ тѣмъ же 70-мъ годамъ относятся и нѣкоторыя его статьи по сравнительному языковѣдѣнію и немало работъ по русской народной словесности, въ томъ числѣ такое первоклассное изслѣдованіе, какъ „Взглядъ на „Слово о Полку Игоревѣ", легшее въ основу всѣхъ новѣйшихъ трудовъ надъ этимъ памятникомъ русскаго народнаго творчества.

Въ 80-хъ годахъ въ центрѣ изслѣдованій Вс. Ѳ. стоятъ разнообразныя работы по кавказовѣдѣнію: „Осетинскіе этюды", „Археологическія экскурсіи въ Терской области", множество другихъ статей въ спеціальныхъ и общихъ журналахъ, какъ: „Русская масленица и западно-европейскій карнавалъ", „Къ вопросу о славянской азбукѣ", „Замѣчанія къ вопросу о народности гунновъ" и т. д. Съ 1890 г. приблизительно (къ этому времени и относится перемѣна каѳедры) онъ, не прекращая своихъ работъ по Кавказу, начинаетъ особенно много работать по изученію былиннаго русскаго эпоса. Къ этому времени относятся его книги: „Экскурсіи въ область народнаго русскаго эпоса" и „Очерки русской народной словесности", охватывающія лишь небольшую часть сдѣланнаго имъ въ этой области. Однако эта усиленная работа надъ народнымъ былиннымъ эпосомъ не мѣшала ему работать надъ такими спеціальными изслѣдованіями, какъ: „Матеріалы для изученія еврейско-татскаго языка", или „Очерки фонетики и морфологіи еврейско-татскаго языка».

Въ вышедшемъ въ 1900 году, Юбилейномъ сборникѣ въ честь В. Ѳ. данъ перечень 141-го его научнаго произведенія. Этотъ перечень самъ по себѣ не совсѣмъ полонъ; сверхъ того за истекшіе съ того времени годы В. Ѳ. работалъ особенно продуктивно и въ его активѣ имѣется такой обширный списокъ спеціальныхъ изслѣдованій, какимъ мало кто изъ русскихъ ученыхъ можетъ похвастаться. Послѣдней его работой было: „Древне-индійское сказаніе о потопѣ".

Этотъ краткій и крайне-неполный очеркъ трудовъ покойнаго В. Ѳ., можетъ все-таки дать приблизительное понятіе о многогранности его ума и плодовитости его работы.

Но самостоятельными изслѣдованіями и преподавательской дѣятельностью В. Ѳ. далеко не ограничиваются его заслуги передъ русской наукой: онъ не только самъ работалъ, но умѣлъ побуждать къ этому и другихъ. Будучи хранителемъ Дашковскаго музея, онъ не только составилъ превосходное описаніе коллекцій музея, но организовалъ цѣлое изданіе „Сборникъ матеріаловъ по этнографіи", изъ котораго впослѣдствіи развился первый въ Россіи спеціально-этнографическій журналъ „Этнографическое Обозрѣніе".

Работы въ Университетѣ, и Румянц. музеѣ, а потомъ въ Лазар. Институтѣ поглощали у него много времени, но это не мѣшало ему быть членомъ многочисленныхъ обществъ и онъ находилъ возможность принимать самое дѣятельное участіе въ Общ. любителей естествозн., антропол. и этнограф. и въ Моск. Археолог. Обществѣ.

В. Ѳ. не только побуждалъ другихъ къ работѣ, но шелъ съ любовью навстрѣчу и помогалъ всякому, кто проявлялъ желаніе поработать на любимомъ имъ поприщѣ.

Въ 1907 г. В. Ѳ. былъ избранъ почетнымъ членомъ Оренб. Арх. Ком. На избраніе онъ отвѣтилъ крайне любезнымъ и лестнымъ для Ком. письмомъ; онъ не переставалъ интересоваться работами Комиссія. По полученіи XXII выпуска трудовъ онъ отозвался также очень любезнымъ письмомъ. Благодаря его любезному участію къ работамъ Комиссіи, у Комиссіи установились болѣе прочныя сношенія съ тѣми Обществами,

гдѣ работалъ В. Ѳ., и библіотека Комиссіи обагатилась какъ личными его трудами, такъ и трудами этихъ Обществъ.

Изъ всего вышеприведеннаго мы видимъ, какую великую потерю понесла русская наука. Думается, что лучшею памятью для покойнаго было бы пожеланіе, чтобы его ученики шли бодро по намѣченной имъ тропѣ и свято хранили его научные завѣты.

(Некрологи В. Ѳ. Миллера: Максимова, Анучина и Тарханова).

А. П. Гра.

Акаѳистъ мировому посреднику.

Радуйся при общей потерѣ ничего не теряющій,
Просителей безъ разбора оставляющій,
Никому пользы не стяжающій—
И за то полторы тысячи получающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!
Радуйся „Положенія“ не знающій,
Превратно его объясняющій,
Свое сословіе прижимающій
И другое сословіе надувающій—
И за то полторы тысячи получающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!
Радуйся прогрессистомъ себя величающій,
Противъ владѣльцевъ крестьянъ возмущающій,
Уменьшеніемъ повинностей соблазняющій,
За это награды свыше ожидающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!
Радуйся въ деньгахъ все счастіе полагающій,
Оброкъ въ свое время собирающій,
На свои нужды его употребляющій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!

Радуйся безъ прогоновъ разъѣзжающій,
Старшинъ и десятскихъ ублажающій,
Отъ волостей одобреніе обирающій,
Міромъ поля свои убирающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!
Радуйся свой умъ на зло изощряющій,
Ничего святого не признавающій,
Случайныхъ людей обижающій,
Воеводы стопы лобызающій,
За то едину мзду ожидающій,
Въ мировые судьи попасть уповающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче!
О, радуйся вредной пропаганды ревнитель,
Всякія правды искоренитель,
Радуйся на лаврахъ отдыхающій,
О прибавкѣ жалованья воздыхающій,
Радуйся посредниче, великій миротворче! [1])

Сообщилъ *Н. А. Насѣдовъ.*

Чтобъ написать „Успокоенье"
За риѳмы и стихи я взялся.
Радушно-жъ дайте извиненье,
Что стихъ мой плохо мнѣ удался...

Пессимистъ.

Успокоенье.

Весна. Сбѣгаетъ снѣгъ.
Теплѣе свѣтитъ солнце. Въ полѣ
Ужъ свѣжей зелени побѣги...
И жизни бы и воли!

---

[1]) Кромѣ этой редакціи „Акаѳиста мировому посреднику", извѣстна еще другая, болѣе полная, редакція такого же акаѳиста. Послѣдняя редакція приведена въ одномъ изъ историческихъ очерковъ, составленныхъ свящ. Н. Н. Модестовымъ и напечатанныхъ въ XXXII выпускѣ „Трудовъ" О. У. А. К. (см. стр. 6—9).

Примѣчаніе Редакціоннаго Комитета.

Но мнѣ надежды нѣтъ. Болитъ
Моя измученная грудь.
О вѣчномъ снѣ весна мнѣ говоритъ
Скорѣй, скорѣй на вѣки бы уснуть!

Желалъ я многаго, къ добру стремился
Мечталъ объ идеалахъ и о счастьи,
Но въ бѣдности я рано надломился
И жизнь тяну, какъ лямку, безъ участья.

Не мнѣ весна отрадою сіяетъ...
Пенаты дома, любви живой привѣтъ
Не для меня. Душа не знаетъ
Ихъ моя. Ихъ не было, ихъ нѣтъ...

Воспитанникъ нужды, печали и разврата...
Чего желать, чего могу я ждать!
И къ жизни лучшей нѣтъ возврата
И доли лучшей мнѣ ужь не видать!

Умру! Всему, всему конецъ!
Въ небытіи успокоенье и отрада.
Въ землѣ сырой-желанный мой вѣнецъ
И бытія случайнаго достойная награда![1])

---

[1]) Это стихотвореніе принадлежитъ перу бывшаго Управляющаго Оренбургской Казенной Палатой Григорія Ивановича Андрсева. *Прим. Редакц. Ком.*

КЪ ВОПРОСУ

о надписи на домѣ Кутиной въ память Т. Г. Шевченко.

Въ засѣданіи 24 апрѣля сего 1913 года оренбургская ученая архивная комиссія возложила на меня обязанность выработать текстъ для надписи на домѣ Кутиной—въ память пребыванія въ Оренбургѣ украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченко. Въ виду этого считаю своимъ долгомъ представить на благоусмотрѣніе архивной комиссіи слѣдующія свои соображенія по данному вопросу.

Въ письмѣ полковника Карла Ивановича Герна, принимавшаго нѣкоторое участіе въ судьбѣ поэта и стоявшаго въ близкихъ отношеніяхъ къ нему, вотъ что говорится о пребываніи Шевченко въ Оренбургѣ:

„Тарасъ прибылъ въ Оренбургъ лѣтомъ 1847 года, съ приказаніемъ назначить его на службу въ одну изъ отдаленныхъ крѣпостей; выбрали крѣпость Орскую, *куда онъ тотчасъ же отправился.* Первый сообщилъ мнѣ объ этомъ полусумасшедшій нашъ начальникъ штаба Прибытковъ, у котораго, по болѣзни его, я занимался. „Вообразите себѣ, К. И., какого господина къ намъ сегодня прислали: ему запрещено и пѣть и говорить и еще что-то такое! Ну какъ же ему при этихъ условіяхъ жить?

Хотя я впослѣдствіи узналъ, что запрещеніе касалось вовсе не пѣнія, но сознавая, что *жить*[1]) дѣйствительно ему будетъ трудно, отправился я къ добрѣйшему бригадному генералу, Логину Ивановичу Ѳедяеву и вмѣстѣ съ нимъ настрочили посланіе къ командиру баталіона, въ который былъ

---

[1]) Курсивъ подлинника, а во всѣхъ другихъ случаяхъ нашъ.

назначенъ Тарасъ, майору Мѣшкову, прося его, чтобы онъ обратилъ особенное вниманіе на несчастнаго сосланнаго и помогалъ ему въ чемъ можетъ.

Мѣшковъ понялъ просьбу нашу по своему: принялся самолично, по нѣсколько часовъ въ сутки, мучить бѣднаго Тараса солдатскою выправкой, учебнымъ шагомъ въ три пріема и другими тонкостями строевой науки, выбиваясь изъ силъ, чтобы образовать изъ него хорошаго фронтовика. Пытка эта продолжалась до весны 1848 года, въ которую доброму Алексѣю Ивановичу Бутакову удалось прикомандировать Тараса къ командѣ, назначенной для плаванія по Аральскому морю[1]).

Пробывши въ экспедиціи этой безъ малаго три года, Тарасъ привезъ съ собою множество эскизовъ, снятыхъ имъ во время пути степью и во время плаванія по морю, (часть карандашемъ, часть же слегка тронута акварельными красками, гдѣ понадобилось выразить особенности степного колорита). *Онъ воротился уже не въ Орскъ, а прямо въ Оренбургъ; жилъ сначала вмѣстѣ съ Бутаковымъ, и по отъѣздѣ Бутакова въ Петербургъ, перешелъ жить ко мнѣ.*

Живя у меня, онъ много рисовалъ, въ особенности портреты, и сдѣлалъ нѣсколько превосходныхъ пейзажей акварелью изъ привезенныхъ съ Аральскаго моря эскизовъ; началъ масляными красками портретъ мой и жены моей. Въ числѣ посѣтителей его довольно часто навѣщалъ Левицкій, съ которымъ они въ два голоса пѣли малороссійскія пѣсни. Кажется, братъ вашъ Ѳедоръ[2]) тоже принималъ участіе въ

---

[1]) Капитанъ-лейтенантъ Алексѣй Ивановичъ Бутаковъ, впослѣдствіи контръ-адмиралъ, отправившійся для изслѣдованія Аральскаго моря, прибывши въ 1848 году въ Оренбургъ и услыхавши о находившемся въ Орской крѣпости Шевченкѣ, просилъ тогдашняго корпусного командира Влад. Аѳан. Обручева командировать къ нему Шевченка художникомъ для снятія морскихъ береговъ. Но Обручевъ призналъ это невозможнымъ, помня высочайшее запрещеніе Шевченку брать въ руки перо и карандашъ и—вмѣсто Шевченка—командировалъ къ Бутакову польскихъ изгнанниковъ, Залѣсскаго и Турно. Тогда Бутаковъ выпросилъ къ себѣ въ экспедицію Шевченка въ качествѣ матроса, и отправился съ нимъ въ степь въ томъ же 1848 году. („Русскій Архивъ" 1899 г., № 4, стр. 645).

[2]) Письмо К. И. Герна было написано къ Михаилу Матвѣевичу Лазаревскому („Русскій Архивъ" 1899 года, № 4, стр. 646) и здѣсь говорится объ его братѣ.

импровизированныхъ концертахъ, но я не слыхалъ ничего восхитительнѣе этого пѣнія.

Недолго утѣшались мы: подула на бѣднаго Тараса невзгода! Какой-то подлый человѣкъ[1]) написалъ губернатору доносъ о томъ, что Тарасъ рисуетъ. Предупрежденный друзьями, онъ успѣлъ скрыть слѣды рисованія, при чемъ мой несчастный портретъ былъ сожженъ; но доносъ этотъ имѣлъ два бѣдственныхъ послѣдствія: найдено было письмо Левицкаго написанное въ весьма неосторожныхъ выраженіяхъ, по которому бѣдный сильно впослѣдствіи пострадалъ,[2]) *а самого Тараса перевели на Сыръ-Дарью, а потомъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе на Мангишлакѣ*[3]). Много онъ тутъ перенесъ горя и скуки"[4])....

Изъ этихъ словъ полковника К. И. Герна видно, что Шевченко за все время своей продолжительной ссылки въ Оренбургскую губернію прожилъ въ самомъ Оренбургѣ только лишь очень недолгое время. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Въ первый разъ Шевченко, опредѣленный „за сочиненіе возмутительныхъ стиховъ» рядовымъ въ оренбургскій отдѣльный корпусъ[5]), остановился въ Оренбургѣ 9 іюня 1847 года[6]). По словамъ Мих. Матв. Лазаревскаго, онъ при-

---

[1]) Офицеръ оренбургскаго баталіона Исаевъ, пріѣхавшій изъ какого-то петербургскаго кадетскаго корпуса. („Русскій Архивъ" 1899 года, № 4, стр. 646).

[2]) Левицкій, переведенный въ то время на службу изъ Оренбурга въ Петербургъ, писалъ Шевченку, „что въ Петербургѣ много есть молодыхъ людей, находящихся подъ надзоромъ полиціи, съ которыми онъ знакомъ и которые раздѣляютъ убѣжденія Шевченка, а одинъ изъ нихъ Г. такой правдолюбъ, что не побоится сказать правду и самому Карлу Ивановичу". Когда письмо Левицкаго, найденное у Шевченка, было отослано оренб. генералъ-губернаторомъ Обручевымъ въ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, Левицкій былъ арестованъ, и просидѣлъ 8 дней въ III отдѣленіи. Здѣсь его долго допрашивали о молодыхъ людяхъ, объ убѣжденіяхъ Шевченка, кто такой Карлъ Ивановичъ и нѣтъ ли въ Петербургѣ новаго заговора? Кое-какъ Левицкій отдѣлался, увѣривши, что подъ Карломъ Ивановичемъ онъ разумѣлъ полковника Герна, *у котораго жилъ Шевченко въ Оренбургѣ*. („Русскій Архивъ" 1898 года, № 4, стр. 646).

[3]) Ново-Петровское укрѣпленіе, въ которое былъ сосланъ Шевченко изъ Оренбурга, находится на пустынномъ полуостровѣ сѣверо-восточнаго берега Каспійскаго моря. („Русскій Архивъ" 1899 года, № 4, стр. 647). Въ 1857 году Ново-Петровское укрѣпленіе было переименовано въ фортъ Александровскій. („Русская Старина" 1891 года, май, стр. 439).

[4]) „Русскій Архивъ" 1898 года, № 12, стр. 550—551).

[5]) А. И. Родзевичъ: „Тарасъ Шевченко въ закаспійскомъ краѣ". („Русская Старина" 1891 года, май, стр. 438). Шевченко, какъ утверждаетъ въ своей автобіографіи Н. И. Костомаровъ, былъ сосланъ за свое произведеніе „Сонъ". („Русская Мысль" 1885 года, май, стр. 218).

[6]) М. Юдинъ: „Къ біографіи Т. Г. Шевченки". („Русскій Архивъ" 1898 года, № 3, стр. 464).

былъ въ Оренбургъ ночью[1]) и сопровождавшій его жандармъ привезъ его „прямо въ ордонансъ-гаусъ, гдѣ Шевченко въ передней проспалъ ночь на голомъ полу. Утромъ его принялъ комендантъ Лифляндъ и отправилъ его въ казармы 3 оренбургскаго линейнаго баталіона[2]). Хотя земляки Шевченка „тотчасъ отправились въ казармы и выпросили его къ себѣ на квартиру[3])", однако ему не долго пришлось пользоваться ихъ гостепріимствомъ: 14 іюня того же 1847 года онъ уже былъ отправленъ въ Орскую крѣпость[4]). Сравнительно болѣе долгое время прожилъ Шевченко въ Оренбургѣ послѣ своего возвращенія изъ Аральской экспедиціи 12 ноября 1849 года[5]). Къ этому-то періоду времени и относится указаніе полковника Герна, что Шевченко жилъ сначала вмѣстѣ съ Бутаковымъ, а по отъѣздѣ его въ Петербургъ перешелъ жить къ нему самому. Но на этотъ разъ Шевченку удалось прожить въ Оренбургѣ только до 8 февраля слѣдующаго 1850 года, когда онъ, по свидѣтельству М. Л. Юдина, былъ высланъ генералъ-губернаторомъ Обручевымъ изъ Оренбурга и отправленъ въ Гурьевъ городокъ[6]), а 20 октября этого же года комендантъ Ново-Петровскаго упрѣпленія, на Мангишлакѣ, уже доносилъ „господину майору и кавалеру Михайлову, что... рядовой Тарасъ Шевченко, за присмотромъ унтеръ-офицера Булатова, во ввѣренное мнѣ укрѣпленіе прибылъ 17 числа сего мѣсяца"[7]). Когда же Шевченко полу-

---

[1]) Правильнѣе бы сказать, что Шевченко прибылъ позднимъ вечеромъ, послѣ заката солнца. Въ своемъ разсказѣ „Близнецы" Шевченко самъ пишетъ о своемъ прибытіи въ Оренбургъ такимъ образомъ. „*Солнце только-что закатилось*, говоритъ онъ, когда я переправился черезъ Сакмару, и первое что я увидѣлъ вдали, это было розоваго цвѣта огромное зданіе съ мечетью и прекраснѣйшимъ минаретомъ. Это зданіе называется здѣсь „Караванъ-Сарай" (недавно воздвигнуто по рисунку А. Брюлова). Прямо за „Караванъ-Сараемъ" мнѣ открылся городъ, т. е. земляной высокій валъ, одѣтый красноватымъ камнемъ, и неуклюжія сакмарскія ворота".

„На мой взглядъ, добавляетъ Шевченко, въ физіономіи Оренбурга есть что-то антипатичное, но наружность иногда обманчива бываетъ"... („Поэмы, повѣсти и разсказы Т. Г. Шевченка, изд. 1888 года, стр. 214).

[2]) „Русскій Архивъ" 1899 года, № 4, стр. 643.

[3]) Тамъ же.

[4]) „Русскій Архивъ" 1898 года, № 3, стр. 464.

[5]) М. Юдинъ: „Къ біографіи Т. Г. Шевченки". („Русскій Архивъ" 1898 года, № 3, стр. 464).

[6]) Тамъ же, стр. 466.

[7]) Л. И. Родзевичъ: „Тарасъ Шевченко въ закаспійскомъ краѣ", („Русская Старина" 1891 года, май, стр. 435—436).

чилъ увольненіе отъ воинской службы, то 4 сентября 1857 года отправился на пароходѣ „Пожарскій“ прямо въ Нижній-Новгородъ и уже болѣе никогда не былъ въ Оренбургѣ, хотя его и хотѣли вернуть сюда, чтобы онъ жилъ здѣсь „впредь до окончательнаго увольненія его на родину“[1]...

Вотъ какія данныя удалось установить намъ относительно мѣста и времени пребыванія Шевченка въ Оренбургѣ, которыя могли бы послужить матеріаломъ при выработкѣ текста для надписи въ память Шевченка. Но, къ сожалѣнію, мы нигдѣ не нашли никакого упоминанія о томъ, чтобы украинскій поэтъ жилъ въ домѣ Кутиной. Правда, въ статьѣ М. Л. Юдина „Къ біографіи Т. Г. Шевченки“ есть случайное упоминаніе о домѣ Кутиной, но это упоминаніе вовсе не такого рода, чтобы на основаніи его можно было рѣшиться на выработку текста для надписи на этомъ домѣ. По словамъ М. Л. Юдина, въ домѣ Кутиной квартировалъ не самъ Шевченко, а только одинъ его пріятель, офицеръ-хохолъ, котораго «Шевченко чуть не каждый день навѣщалъ“, коротая вдвоемъ съ нимъ „длинные зимніе вечера за чайкомъ и водочкой“[2]).

Въ виду такого указанія, наводящаго нѣкоторое сомнѣніе на основательность изысканій, сдѣланныхъ оренбургской городской думой относительно квартированія Шевченки въ домѣ Кутиной, мы рекомендовали бы прежде, чѣмъ вырабатывать текстъ для надписи на этомъ домѣ тщательно изслѣдовать вопросъ, дѣйствительно ли проживалъ когда-нибудь въ домѣ Кутиной Тарасъ Григорьевичъ Шевченко? Если же окажется, что утвердительное рѣшеніе этого вопроса невозможно, то не лучше-ли будетъ заняться изслѣдованіемъ того,—на какихъ улицахъ и въ чьихъ домахъ квартировали нѣкогда капитанъ-лейтенантъ А. И. Бутаковъ и полковникъ К. И. Гернъ, у которыхъ уже несомнѣнно жилъ Шевченко, и сравнительно болѣе долгое время, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Оренбурга. При этомъ не лишне будетъ принять во вниманіе

---

[1]) Тамъ же, стр. 444.
[2]) „Русскій Архивъ“ 1898 года, № 3, стр. 470.

слѣдующія слова М. Л. Юдина: „Безусловно рѣчь идетъ о скончавшейся три года назадъ тому въ Оренбургѣ г-жѣ Г-нъ, мужъ которой былъ адъютантомъ у Обручева. У этого Г-на Шевченко жилъ на квартирѣ". „Это подтверждаетъ и самъ Шевченко въ письмѣ къ Бодянскому („Историческій Вѣстникъ" 1886 года, кн. I). Домъ этотъ находился въ Старой Слободкѣ, на Косушечной улицѣ, противъ нынѣшняго зданія Неплюевскаго кадетскаго корпуса, но въ пожаръ 1879 года сгорѣлъ[1]).

Если этотъ сгорѣвшій домъ, о которомъ говоритъ г. Юдинъ, принадлежалъ полковнику К. И. Герну, дававшему у себя пріютъ несчастному Шевченку, то не будетъ ли удобнаго случая перемѣнить неблагозвучное названіе Косушечной улицы въ Шевченковскую? Жалѣть о потерѣ прежняго названія улицы, указывающаго на существовавшее здѣсь когда-то питейное заведеніе, особенно не приходится. Такое названіе, если бы его захотѣли возстановить, съ удобствомъ можетъ быть присвоено теперь любой изъ улицъ Оренбурга...

Священникъ *Николай* ***МОДЕСТОВЪ***.

3 мая 1913 года.

---

[1]) М. Юдинъ: „Къ біографіи Т. Г. Шевченки" („Русскій Архивъ" 1898 года, № 3, стр. 468).

VI.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Отчетъ о составѣ и дѣятельности Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи за 1916 годъ. 2. Краткій отчетъ о составѣ и дѣятельности Редакціоннаго Комитета Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи за періодъ съ 18-го октября 1915 года по 1-е января 1917 года.

ОТЧЕТЪ

о составѣ и дѣятельности Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи

за 1916 годъ.

(29-й годъ со времени основанія).

Составленъ правителемъ дѣлъ А. Гра.

Оренбургская Ученая Архивная Комиссія въ отчетномъ году состояла подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорского Величества, Государя Императора Николая Александровича.

I. Составъ Комиссіи.

Въ отчетномъ году составъ Комиссіи былъ слѣдующій:

Августѣйшій Покровитель—Его Императорское Высочество, Великій Князь Георгій Михайловичъ.

Непремѣнный попечитель Оренбургскій Губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Михаилъ Степановичъ Тюлинъ. Предсѣдатель Комиссіи—врачъ Александръ Владимировичъ Поповъ, товарищъ предсѣдателя—о. Николай Николаевичъ Модестовъ, кандидатъ къ нему—членъ Губернской Земской Управы Григорій Михайловичъ Базилевъ; правитель дѣлъ и библіотекарь-преподаватель Неплюевскаго Кадетскаго Корпуса Арманъ Петровичъ Гра, кандидатъ къ нему—преподаватель Реальнаго училища Алексѣй Сергѣевичъ Лазовъ; казначей—преподаватель Реальнаго училища Люціанъ Лаврентьевичъ Курашкевичъ. Хранитель музея—Михаилъ Магнусовичъ Гельдъ (потомъ отказался).

Въ составѣ членовъ Комиссіи за отчетный годъ произошли такія перемѣны.

Умерли: Почетные члены—*Ханенко* Богданъ Ивановичъ и *Хвойко* Викентій Вячеславовичъ.

Дѣйствительн. члены—*Галкинъ-Врасской* Михаилъ Николаевичъ и о. *Райскій* Петръ Даниловичъ.

Въ почетные члены избранъ *Еникеевъ* Гайса Хамидулловичъ, членъ Государственной Думы 3 и 4 созыва.

Въ дѣйствительные члены избраны:

Телешева Екатерина Александровна—учительница.

Дикъ Давидъ Давидовичъ—завѣдующій отдѣломъ народнаго образованія В.-Уральской и Троицкой Земской Управы.

Шальневъ Константинъ Ермолаевичъ—врачъ.

Мегорскій Петръ Петровичъ—преподаватель Челябинской женской гимназіи.

Кинсбургъ Иванъ Павловичъ—завѣдующій внѣшкольнымъ образованіемъ въ Челябинскомъ земствѣ.

Алексѣевъ Николай Матвѣевичъ—Архиваріусъ Войскового Хозяйственнаго Правленія въ Оренбургѣ.

Тороповъ Константинъ Александровичъ—директоръ Реальнаго училища въ Оренбургѣ.

Спасскій Владимиръ Петровичъ—старшій совѣтникъ Губернскаго Правленія въ Оренбургѣ.

Ходыревъ Петръ Прокофьевичъ—народный учитель.

Сулеймановъ Мухамедъ Фатиховичъ—народный учитель.

Соловьевъ Тимурша Салаватулловичъ—довѣренный Хусаиновыхъ.

Деревицкій Александръ Николаевичъ—попечитель Оренбургскаго учебнаго округа.

Шагинуръ Габдула Газисовичъ—народный учитель.

Копытинъ Михаилъ Петровичъ—чиновникъ Войскового Хозяйственнаго правленія въ Оренбургѣ.

о. Насоновъ Димитрій Александровичъ—законоучитель 1-й женской гимназіи въ Оренбургѣ.

Степанченко Алексѣй Гавриловичъ—преподаватель 1-й женской гимназіи въ Оренбургѣ.[1]).

II. Музей Комиссіи.

Въ теченіе отчетнаго 1916 года музей Комиссіи былъ перенесенъ въ нанятое для него и библіотеки помѣщеніе въ домѣ Батракова, по Артиллерійскому переулку. Но по тѣснотѣ новаго помѣщенія музей вошелъ въ него не весь цѣликомъ, а только наиболѣе показательная его часть, которая и размѣщена по отдѣламъ въ особыхъ витринахъ, устроенныхъ спеціально для этой цѣли. Отдѣлы же геологіи и нумизматики оставлены въ зданіи стараго музея, на набережной р. Урала.

За отказомъ М. М. Гельдта отъ должности хранителя музея, для завѣдыванія послѣднимъ была избрана особая комиссія, въ составъ которой вошли слѣдующія лица:

Общій хранитель музея—А. В. Поповъ.

Завѣд. отдѣломъ палеонтологіи—Д. Н. Соколовъ.

„ „ минералогіи—Б. Н. Наслѣдовъ.

„ „ археологіи и этнографіи—А. В. Поповъ.

Завѣдующій отдѣломъ нумизматики—Ю. Н. Строговъ и М. М. Гельдтъ.

Завѣд. отдѣломъ „Yaria“, оружія, чучелъ и роговъ—Ю. Н. Строговъ.

Завѣд. отдѣломъ художествъ—Б. А. Мухинъ.

„ „ рукописей—Е. А. Бурцевъ.

„ „ церковной археологіи-о. Н. Н. Модестовъ.

Завѣдующіе отдѣлами взяли на себя трудъ описанія отдѣловъ, чтобы потомъ можно было составить общій каталогъ музея.

Музей въ новомъ помѣщеніи былъ открытъ для публики 6 ноября отчетнаго 1916 года. Входъ въ него сдѣланъ безплатнымъ. Посѣтители допускаются въ музей ежедневно (не исключая даже праздниковъ) отъ 12 до 3 час. дня. Съ

---

[1]) Полный списокъ членовъ О. У. Архивной Комиссіи за 1916 годъ см. въ приложеніи № 1.

6 ноября по 31 декабря 1916 года посѣтили музей 825 человѣкъ.

За отчетный годъ въ музей было 53 поступленія, среди которыхъ есть цѣлыя коллекціи. Изъ этихъ поступленій слѣдуетъ отмѣтить предметы изъ раскопокъ, произведенныхъ секретаремъ Русскаго Антропологическаго Общества С. И. Руденко—для дослѣдованія кургановъ, которые были хищнически раскопаны ранѣе въ Оренбургскомъ уѣздѣ, близъ деревни Прохоровки (Черный колодецъ). Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе этнографическая киргизская коллекція изъ Тургайской области. Эта коллекція пріобрѣтена отъ дѣйств. члена Комиссіи І. А. Кастанье. Кромѣ того, замѣчательны: налобное мишарское украшеніе „манлай", головной уборъ киргизской дѣвицы (Кустанайскаго уѣзда) „саукеле", большое количество зубовъ и остатковъ челюстей эласмотерія, динотерія и отчасти неизвѣстныхъ крупныхъ вымершихъ животныхъ[1]).

III. Библіотека Комиссіи.

Въ отчетномъ году большая часть книгъ Комиссіи (изданія ученыхъ обществъ и книги научнаго содержанія) перенесена въ новое помѣщеніе музея и размѣщена по полкамъ въ систематическомъ порядкѣ.

Библіотека Комиссіи въ отчетномъ году пополнялась путемъ обмѣна изданіями съ другими учеными обществами и учрежденіями[2]), пожертвованіями отъ частныхъ лицъ и покупкою. Всего за истекшій годъ поступило въ библіотеку 839 книгъ.

Кромѣ того, для библіотеки выписывались слѣдующіе журналы за 1916 годъ:

Русскій Архивъ,
Русская Старина,
Рудный Вѣстникъ и
Голосъ Минувшаго.

---

[1]) Полный списокъ предметовъ, поступившихъ въ музей О. У. А. Комиссіи за 1916 годъ см. въ приложеніи № 2.

[2]) Списокъ ученыхъ обществъ и учрежденій, приславшихъ свои изданія въ Оренбургскую Ученую Архивную Комиссію въ 1916 году, см. въ приложеніи № 3.

Библіотека открыта пока только лишь для членовъ Комиссіи.

IV. Архивъ Комиссіи.

Архивъ Комиссіи остался въ прежнемъ своемъ помѣщеніи въ зданіи Комиссіи на берегу рѣки Урала. Съ переводомъ большей части музея въ наемное помѣщеніе въ старомъ зданіи Комиссіи освободилась одна комната, которую рѣшено было использовать для вновь поступающихъ архивныхъ дѣлъ. Предполагалось устроить для нихъ деревянныя полки, но по случаю дороговизны матеріала и рабочихъ рукъ это намѣреніе было оставлено, и поступающія въ архивъ дѣла кладутся теперь прямо на полъ и одно на другое. Это неудобство, нужно надѣяться, только временное, и пока по необходимости приходится съ нимъ мириться. Въ общемъ архивъ Комиссіи очень мало выигралъ отъ перевода музея и библіотеки въ наемное помѣщеніе и попрежнему остается далеко неблагоустроеннымъ. Однако, не смотря на это, изъ него нерѣдко выдавались дѣла для справокъ и работъ не только членамъ Комиссіи, но и нѣкоторымъ учрежденіямъ. Изъ членовъ Комиссіи архивными матеріалами пользовался преимущественно о. Н. Н. Модестовъ.

V. Дѣятельность Комиссіи.

Въ теченіе отчетнаго года состоялось 8 засѣданій Комиссіи—одно годичное и семь очередныхъ. На этихъ засѣданіяхъ были заслушаны слѣдующіе доклады:

И. В. Будрина—„Дѣло о принятіи въ русское подданство бухарцевъ".

І. А. Кастанье: „Древности Зерафшанской долины".
„ „Ногай-Курганъ".
„ „Древности Ферганы: старые культурные центры—Касанъ и Маргеланъ".

Н. Н. Модестова: „Въ плѣну у азіатовъ".
„ „Какъ онъ сталъ эмигрантомъ".

А. И. Кривощекова: „О состояніи архивовъ въ нѣкоторыхъ станичныхъ правленіяхъ Оренбургскаго казачьяго войска.

Его же.—„Къ исторіи казачьяго духовенства Оренбургской епархіи".

Б. Н. Наслѣдова—„Таналыцкія пещеры".

П. П. Ходырева—„Изъ киргизскихъ повѣрій".

Л. А. Словохотова—„Историческія права Оренбурга, какъ центра цѣлаго края, на высшее учебное заведеніе".

Кромѣ заслушанія означенныхъ докладовъ, Комиссія на своихъ засѣданіяхъ разрѣшала текущія дѣла, производила выборы членовъ, разсматривала описи дѣлъ, назначенныхъ къ уничтоженію въ различныхъ учрежденіяхъ, и принимала возможныя мѣры къ охраненію памятниковъ древности и предотвращенію хищническихъ раскопокъ.

Изъ описей, присланныхъ въ Комиссію, за отчетный періодъ времени были разсмотрѣны слѣдующія описи:

1., Описи дѣламъ и книгамъ Войскового Хозяйственнаго Правленія Оренб. казачьяго войска за нѣкоторые годы настоящаго и прошлаго столѣтій.

2., Опись дѣламъ и книгамъ 2-го разряда Хиве-абадской таможенной заставы, Ташкентскаго таможеннаго округа, за 1906 годъ.

3., Опись дѣламъ и книгамъ 2-го разряда Бахтинской таможни, Ташкентскаго таможеннаго округа, съ 1892 по 1897 годъ.

4., Опись дѣламъ и книгамъ Пендинской таможни, Ташкентскаго таможеннаго округа, за 1903 и 1904 годы и

5., Опись дѣламъ 2-го разряда Туркестанской казенной палаты за 1875 годъ.

Что же касается охраны памятниковъ древности, то Комиссія приняла въ 1916 году доступныя ей мѣры къ прекращенію хищнической раскопки казаками кургана въ Наслѣдницкой станицѣ и входила въ сношеніе съ Наказнымъ Атаманомъ Оренб. казачьяго войска о доставленіи ей предметовъ, найденныхъ при раскопкѣ означеннаго кургана.

VI. Изданія Комиссіи.

Издательская дѣятельность Комиссіи въ отчетномъ году была очень незначительна. За весь истекшій годъ изданъ

только одинъ XXXIII выпускъ „Трудовъ“ Комиссіи. Въ этотъ выпускъ вошли исключительно доклады и сообщенія прежнихъ годовъ, залежавшіеся въ портфелѣ Редакціоннаго Комитета стараго состава.

VIII. Средства Комиссіи.

Говоря о средствахъ Комиссіи, нужно прежде всего отмѣтить, что изъ ежегодной субсидіи въ 3000 рублей на благоустройство музея и библіотеки въ отчетномъ году была отпущена Комиссіи только 1000 рублей. Вслѣдствіе этого общая сумма прихода Комиссіи весьма значительно сократилась противъ составленной ранѣе смѣты. Однако, имѣя въ виду, что недополученная сумма можетъ быть получена впослѣдствіи[1]), Комиссія не остановилась передъ дальнѣйшими, весьма значительными для настоящаго тяжелаго момента, расходами на благоустройство музея и библіотеки. Затраты на это и составляютъ главныя статьи расходовъ въ истекшемъ году. Подробнѣе приходъ и расходъ Комиссіи можно видѣть изъ слѣдующаго казначейскаго отчета.

Отчетъ о движеніи суммъ Оренбургской Ученой Архивяой Комиссіи за 1916 годъ.

ПРИХОДЪ:

1. Остатокъ отъ 1915 года. . . .	7359 руб. 51 коп.
2. % отъ капиталовъ	230 руб. 32 коп.
3. Отъ Министер, Народнаго Просвѣщ. на устройство музея Оренбургскаго края.	1000 руб. — коп.
4. Членскіе взносы	171 руб. — коп.
5. Пособіе отъ Минист. Внутр. Дѣлъ.	200 руб. — коп
6. Отъ Оренб. Губ. Правленія на содержаніе дома	250 руб. — коп.
7. Отъ Оренб. Войск. Хозяйств. Управл.	150 руб. — коп.
8. „ „ Губерн. Земской Управы	200 руб. — коп.

[1]) Такъ именно и случилось. Недополученная сумма въ 2000 рублей сполна поступила въ распоряженіе Комиссіи въ началѣ слѣдующаго 1917 года.
Примѣчаніе Редакціоннаго Комитета.

9. Отъ Оренб. Уѣздн. Земской Управы	200 руб. — коп.
10. „ „ Городской Думы . .	50 руб. — коп.
11. Выручено отъ продажи „Трудовъ“ Архивной Комиссіи	25 руб. 65 коп.
	9836 руб. 48 коп.

РАСХОДЪ:

1. Содержаніе сторожей и наградн. имъ	683 руб. — коп.
2. Отопленіе и освѣщеніе	571 руб. 87 коп.
3. Почтовые, желѣзнодор., телеграфн. расходы и извощики	73 руб. 92 коп.
4. Переплетъ книгъ, ремонтъ дома и другіе мелкіе хозяйств. расходы . . .	234 руб. 67 коп.
5. Канцелярскіе расходы	42 руб. 08 коп.
6. Покупка книгъ	39 руб. 23 коп.
7. Типографскіе расходы	360 руб. 50 коп.
8. Расходы по устройству музея и библіотеки	756 руб. 86 коп.
9. Плата за квартиру музея . .	1083 руб. — коп.
10. Раскопки	500 руб. — коп.
11. Переписка библіографическихъ карточекъ	41 руб. — коп.
Итого .	4386 руб. 13 коп.
Остатокъ.	5450 руб. 35 коп.
Балансъ . .	9836 руб. 48 коп.

Итого къ 1 января 1917 года имѣется остатокъ пять тысячъ четыреста пятьдесятъ рублей тридцать пять копеекъ (5450 руб. 35 коп.).

Казначей Комиссіи *Л. Курашкевичъ*.

Списокъ членовъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи за 1915 г.

Почетные члены:

1) Анучинъ Димитрій Николаевичъ, президентъ Императорскаго Общества любит. естест., антроп. и этн. при Московск. универ. Почетнымъ членомъ съ 1900 г.

2) Бартольдъ Василій Владимировичъ, профессоръ. Почетнымъ членомъ съ 1913 г.

3) Бобринскій Алексѣй Александровичъ, графъ, предсѣдатель Императорской Археологической Комиссіи. Почетнымъ членомъ съ 1896 г.

4) Гра Арманъ Петровичъ. Почетнымъ членомъ съ 1914 г.

5) о. Іосифъ Павловичъ Кречетовичъ. Почетнымъ членомъ съ 1914 г.

6) Сергѣй Федоровичъ Ольденбургъ, непремѣнный секретарь Академіи Наукъ. Почетнымъ членомъ съ 1914 г.

7) Сергѣй Ѳедоровичъ Платоновъ, директоръ Императ. женскаго педагогическаго института въ Петроградѣ. Почетнымъ членомъ съ 1915 г.

8) Поповъ Александръ Владимировичъ. Почетнымъ членомъ съ 1913 г.

9) Покровскій Николай Васильевичъ, директоръ Императорскаго Петроградскаго Археологическаго Института. Почетнымъ членомъ съ 1899 г.

10) Радловъ Василій Васильевичъ, академикъ. Почетнымъ членомъ съ 1907 г.

11) Тихомировъ Нилъ Ивановичъ, Попечит. Оренб. Учебн. округа. Почетнымъ членомъ съ 1914 г,

12) Уварова Прасковья Сергѣевна, графиня, предсѣдательн. Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Почетнымъ членомъ съ 1898 г.

13) Чернавскій Николай Михайловичъ, историкъ Оренбургской Епархіи. Почетнымъ членомъ съ 1907 г.

13) Еникеевъ Гайса Хамиддуловичъ—членъ Государственной Думы 3-го и 4-го созыва. Почетнымъ членомъ съ 1916 года.

Дѣйствительные члены:

1) Агаповъ Василій Васильевичъ	съ 1910	г.	Оренб.
2) Азелицкій Сергѣй Васильевичъ	съ 1897	„	—
3) Алексѣевъ Николай Матвѣевичъ	съ 1916	„	—
4) Аліевъ Х.	съ 1912	„	Кустанай.
5) Аниховскій Александръ Леонт.	съ 1901	„	Яросл.
6) Арсеньевъ Василій Сергѣевичъ	съ 1914	„	Тула.
7) Арсеньевъ Юрій Васильевичъ	съ 1902	„	Москва.
8) Бабкинъ Михаилъ Васильевичъ	съ 1913	„	Оренб.
9) Базилевъ Григорій Михайловичъ	съ 1906	„	--
10) Батуринъ Петръ Николаевичъ	съ 1913	„	—
11) Байкинъ Василій Андреевичъ	съ 1906	„	—
12) Байтурсуновъ А.	съ 1912	„	—
13) Безинъ Карлъ Карловичъ	съ 1903	„	—
14) Березниковъ Касьянъ Николаев.	съ 1913	„	Оренб.
15) о. Блиновъ Николай Николаевичъ	съ 1914	„	Сарапулъ.
16) о. Божуковъ Михаилъ Яковлевичъ	съ 1897	„	Оренб.
17) Бурцевъ Евлампій Арсеньевичъ	съ 1913	„	Оренб.
18) Бутовскій Николай Ивановиичъ	съ 1902	„	—
19) Бухаринъ Петръ Александров.	съ 1905	„	Гельсингф.
20) Военскій Константинъ Адамов.	съ 1915	„	Петрогр.
21) Воскресенскій Влад. Александ.	съ 1907	„	Оренб.
22) Вяткинъ Василій Лаврентьев.	съ 1904	„	Самаркан.
23) Гельдтъ Михаилъ Магнусовичъ	съ 1911	„	Оренб.
24) Говядовскій Харитонъ Ѳедоров.	съ 1914	„	—
25) Гераклитовъ Алексан. Алексан.	съ 1914	„	Саратовъ.

26) Губановъ Иванъ Алексѣевичъ съ 1910 г. Сызрань.
27) Гундобинъ Николай Алексѣев. съ 1914 „ Оренб.
28) Дегтяревъ Андрей Яковлевичъ съ 1911 „ —
29) Деревицкій Алекс. Николаев. съ 1916 „ Уфа.
30) Деревянко Алексан. Наумов. съ 1914 „ Оренб.
31) Деспотъ Антонъ Ивановичъ съ 1903 „ Каргала.
32) Дикъ Давидъ Давидовичъ съ 1916 „ В.-Урал.
33) Добролюбовъ Алексан. Леонид. съ 1913 „ Оренб.
34) Довнаръ-Запольскій Митрофанъ Викторовичъ съ 1905 „ Кіевъ.
35) Доливо-Добровольскій Флоріанъ Петровичъ съ 1900 „ Оренб.
36) Дутовъ Александръ Ильичъ съ 1913 „ —
37) Дюковъ Николай Николаевичъ съ 1907 „ —
38) Жихаревъ Степанъ Маркіанов. съ 1911 „ Оренб.
39) Зарывновъ Иванъ Алексѣевичъ съ 1911 „ —
40) Звѣревъ Стефанъ Егоровичъ съ 1914 „ Воронежъ.
41) Златоверхозниковъ Никол. Ив. съ 1914 „ Курскъ.
42) Ивановъ Дмитрій Егоровичъ съ 1910 „ Оренб.
43) Ивановъ Иванъ Алексѣевичъ съ 1914 „ Тверь.
44) о. Ильинъ Димитрій Семеновичъ съ 1911 „ Оренб.
45) Исѣевъ Петръ Федоровичъ съ 1913 „ —
46) Каргинъ Кириллъ Леонтьев. съ 1914 „ —
47) Каримовъ Мухамедъ-Фатыхъ Гельмановичъ съ 1901 „ —
48) Карягинъ Арсеній Гурьевичъ съ 1911 „ —
49) Кастанье Іосифъ Антоновичъ съ 1902 „ Ташкентъ.
50) Катановъ Николай Федоровичъ съ 1908 „ Казань.
51) Качинскій Мечиславъ Феликс. съ 1902 „ Оренб.
52) Кинсбургъ Иванъ Павловичъ съ 1916 „ Челябинс.
53) Кліентовъ Евгеній Николаевичъ съ 1911 „ Оренб.
54) Кобылинъ Александръ Николаев. съ 1911 „ Курскъ.
55) о. Кононовъ Димит. Михайловичъ съ 1901 „ Оренб.
56) Копытинъ Михаилъ Петровичъ съ 1916 „ —
57) Коротинъ Александръ Ѳедоров. съ 1915 „ —
58) Кривощековъ Александръ Иван. съ 1914 „ ст. Еткульс.

59) Курашкевичъ Люціанъ Лаврен. съ 1902 г. Оренб.
60) Лазовъ Алексѣй Сергѣевичъ съ 1913 „ —
61) Львовъ Вячеславъ Александров. съ 1914 „ —
62) Маркевичъ Арсеній Ивановичъ съ 1914 „ Симфероп.
63) Мегорскій Петръ Петровичъ съ 1916 „ Челябинс.
64) Медвѣдевъ Димитрій Степанов. съ 1899 » Оренб.
65) Меѳодій, Еписк. Оренб. и Тург. съ 1914 „ —
66) Мискиновъ А. И. съ 1912 „ —
67) о. Модестовъ Николай Николаев. съ 1910 „ —
68) Мощенскій Василій Ивановичъ съ 1913 „ Актюбин.
69) Мухинъ Борисъ Александровичъ съ 1915 „ Оренб.
70) Мякутинъ Александръ Иванов. съ 1901 „ Ташкентъ.
71) Назаровъ Александръ Дмитріев. съ 1910 „ Оренб.
72) Назаровъ Василій Ивановичъ съ 1897 „ —
73) Назаровъ Петръ Степановичъ съ 1895 » Вятка.
74) Нарбутъ Петръ Васильевичъ съ 1912 „ Оренб.
75) Наслѣдовъ Николай Александр. съ 1907 „ —
76) Наслѣдовъ Борисъ Николаевичъ съ 1915 » —
77) о. Насоновъ Димитрій Алексан. съ 1916 „ —
78) Незнамовъ Петръ Александров. съ 1907 „ Москва.
79) Норвилло Антонъ Александров. съ 1911 „ Оренб.
80) Оберлендеръ Алек. Рудольфов. съ 1900 „ —
81) Ободовская Наталія Ивановна съ 1909 „ —
82) Петровъ Сергѣй Михайловичъ съ 1915 „ —
83) Перно Федоръ Федоровичъ съ 1912 „ Петрогр.
84) Поповъ Федоръ Яковлевичъ съ 1911 „ Оренб.
85) Прозрителевъ Георгій Никол. съ 1914 „ Ставрополь
86) Пузановъ Николай Александр. съ 1909 „ Оренб.
87) Пустоваловъ Алексан. Михайл. съ 1915 „ —
88) Пѣтуховъ Николай Григорьев. съ 1911 „ Москва.
89) Рамеевъ Мухамедъ Закиръ-Мухамедъ-Садыковичъ съ 1906 „ Оренб.
90) Рамеевъ Искандеръ Закировичъ съ 1915 „ —
91) Расторгуевъ Иванъ Михайлов. съ 1914 „ —
92) Рачинскій Алексан. Константин. съ 1915 „ Черниговъ
93) Ростовцевъ Михаилъ Ивановичъ съ 1915 „ Петрогр.

94) Савеловъ Леонидъ Михайловичъ съ 1908 г. Москва.
95) Серебряковъ Констант. Павлов. съ 1913 „ Оренб.
96) Сергѣевъ Иванъ Архиповичъ съ 1913 „ —
97) Слесаревъ Констант. Михайлов. съ 1912 „ —
98) Словохотовъ Леонидъ Александ. съ 1905 „ —
99) Соколовъ Димитрій Николаевичъ съ 1898 „ —
100) Соколовскій Михаилъ Констан. съ 1915 „ Петрогр.
101) Соловьевъ Тимурша Салаватул. съ 1916 „ Оренб.
102) Степанченко Алексѣй Гаврилов. съ 1916 „ —
103) Столпянскій Петръ Николаевичъ съ 1902 „ Петрогр.
104) Строговъ Юрій Николаевичъ съ 1911 „ Оренб.
105) Струминскій Василій Яковлев. съ 1907 „ —
106) Сулеймановъ Мухамедъ Фатихов. съ 1916 „ —
107) Сумароковъ Аркадій Владимиров. съ 1606 „ Балашевъ.
108) Сѣровъ Димитрій Егоровичъ съ 1901 „ Оренб.
109) Телешева Екатерина Александ. съ 1916 „ -
110) Телешевъ Василій Антоновичъ съ 1914 „ —
111) Тихомировъ Иванъ Александров. съ 1907 „ Троицкъ.
112) Тихомировъ Клавдій Ивановичъ съ 1915 „ Витебскъ.
113) Толмачевъ Владимиръ Яковлев. съ 1908 „ Петрогр.
114) Толмачевъ Владимиръ Алексан. съ 1897 „ Ник.Уссур.
115) Тороповъ Константинъ Алексан. съ 1916 „ Оренб.
116) Трутовскій Владимиръ Констант. съ 1900 „ Москва.
117) Урусовъ Владимиръ Михайлов. съ 1915 „ Смоленскъ
118) Фахретдиновъ Абдрахманъ Ризаэтдиновичъ съ 1906 „ Оренб.
119) Федосѣевъ Димитрій Евграфов. съ 1910 „ Симбирскъ
120) Фельдманъ Александръ Абрам. съ 1914 „ Оренб.
121) Фиксенъ Василій Николаевичъ съ 1907 „ —
122) о. Филологовъ Михаилъ Яковлев. съ 1913 „ —
123) Фишеръ Карлъ Андреевичъ съ 1901 „ Москва.
124) Хаировъ Мухамедъ Шакиръ съ 1914 „ Оренб.
125) Ходыревъ Петръ Прокофьевичъ съ 1916 „ —
126) Хрусталевъ Григорій Семенов. съ 1887 „ —
127) Цыпляевъ Петръ Ивановичъ съ 1907 „ Вольскъ.
128) Черновъ Василій Павловичъ съ 1911 „ Оренб.

129) Чуцкаевъ Сергѣй Егоровичъ съ 1915 г. Оренб.
130) Шагинуръ Габдулла Газифовичъ съ 1916 „ —
131) Шальневъ Константинъ Ермол. съ 1916 „ —
132) Шморель Германъ Карловичъ съ 1901 „ Екатеринб.
133) Штенцель Іоганъ Карловичъ съ 1914 „ Оренб.
134) Шукшинцевъ Иванъ Степанов. съ 1896 „ —
135) Юдинъ Михаилъ Львовичъ съ 1895 „ Ташкентъ.
136) Юровъ Александръ Васильев. съ 1901 „ Оренб.
137) Ягафаровъ Алаберды Нурмухам. съ 1912 „ —
138) Яковлевъ Іосифъ Димитріевичъ съ 1901 „ Актюбин.[1])

---

[1]) Въ приведенный списокъ дѣйствительныхъ членовъ Оренб. Учен. Архивн. Комиссіи не вошли нѣкоторыя лица, значившіеся въ прежнихъ спискахъ, такъ какъ „дѣйствительные члены, ничѣмъ не проявившіе въ теченіе трехъ лѣтъ активнаго участія въ трудахъ Комиссіи или не дѣлавшіе за то же время членскихъ взносовъ считаются выбывшими изъ состава Комиссіи". (Отчеты и протоколы Оренб. Учен. Арх. Ком. за 1914 и 1915 годы, изд. 1917 г., стр. 157).

Примѣчаніе Редакціоннаго Комитета.

СПИСОКЪ

предметовъ, поступившихъ въ музей Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи за 1916 годъ.

1. Клыкъ хищнаго животнаго, обдѣланный въ золото.
2. Спиральная раковина съ придѣланной золотой головкой.
3. Фигурка изъ зеленаго камня, напоминающая сидящую собачку.
4. Голова птицы изъ стекла.

Эти предметы пожертвованы въ музей I. А. Кастанье и добыты имъ изъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1911 году въ селѣ Покровскомъ, Уральской области.

5. Четыре пары серебряныхъ серегъ.
6. Серебряное украшеніе для одежды въ видѣ треугольника.
7. Два серебряныхъ браслета.
8. Старинное серебряное кольцо съ печатью.
9. Старинныя ножницы.
10. Двѣ мѣдныя шкатулки.
11. Желѣзная пороховница въ видѣ птицы.
12. Четыре карманныхъ ножа.
13. Кожаный кошелекъ для подвѣшиванія (?).
14. Чирокъ—лампа (сальная или масляная) для втыканія въ землю.
15. Пять табакерокъ изъ рога.
16. Круглый сосудъ для кумыса изъ тисненой верблюжьей кожи.
17. Фляга для кумыса изъ той же кожи.
18. Двѣ старинныя деревянныя чашки для разлива кумыса.
19. Желѣзный крюкъ для сбора камыша.

20. Три деревянныя формы для тисненія рисунковъ на матеріи.

21. Приборъ изъ кошмы для храненія посуды во время перекочевокъ.

22. Наглазники (очки?) изъ бархата для пастуховъ въ степи.

23. Семь наконечниковъ разныхъ пикъ.

24. Кухонная желѣзная лопаточка.

25. Комвякъ (?) изъ матеріи.

26. Двѣ желѣзныя сѣкиры.

Означенная этнографическая коллекція пріобрѣтена у І. А. Кастанье и составляетъ остатки коллекціи А. И. Добросмыслова отчасти изъ быта киргизъ Тургайской области и Туркестана, отчасти изъ Тургайской археологіи.

27. Каменные наконечники стрѣлъ и скребочки (lames)—16 предметовъ.—Отъ Островскихъ.

28. Пять желѣзныхъ и одинъ мѣдный наконечники стрѣлъ, найденные въ 3-мъ аулѣ Джимтемирской волости, Темирскаго уѣзда, Уральской области, въ 80-ти верстахъ отъ г. Эмбы.—Отъ учителя Шагинура Габдуллы Газисовича.

29. Зубы и части челюсти.—Отъ него же.

30. Три слоновыхъ зуба (1 цѣлый, 2 въ обломкахъ). Найдены недалеко отъ рѣки Эмбы и ст. Эмбы. Отъ Фаттыха Насръ-Этдинова.

31. Сломанная нижняя челюсть съ тремя зубами. Найдена тамъ же.—Отъ Шагинура Габдуллы Газисовича.

32. Два зуба, найденные близь дер. Тляумбетовой, Оренбургскаго уѣзда.—Отъ И. И. Воскобойникова.

33. Гадюка, привезенная въ г. Оренбургъ съ сѣномъ изъ степи за Мѣновымъ Дворомъ.—Отъ В. В. Попова.

34. Маклай—налобное украшеніе дѣвушекъ (Мишарское украшеніе изъ Уфимской губ.). Пріобрѣтено за 50 рублей.

35. Три браслета и двѣ пряжки. Пріобрѣтены покупкой.

36. Отпечатки рыбъ Пермской формаціи (одинъ найденъ гдѣ-то на Уралѣ, а другой—въ Тургайской области).—Отъ А. Н. Геппенера.

37. Глиняный колокольчикъ, употребляемый въ Римѣ при празднованіи Ивана Купалы.—Отъ Ю. С. Черновой.

38. Обломки песчаниковаго блюда изъ с. Прохоровки (Черный Колодецъ), Оренб. уѣзда. Изъ раскопокъ С. И. Руденко—кургана № 1-й.

39. Каменный топоръ изъ раскопокъ С. И. Руденко близъ д. Тюканово. Найденъ въ С.-З. курганѣ.

40. Отпечатокъ раковины.—Отъ А. Н. Геппенера.

41. Обломокъ морской губки (?).

42. Головной уборъ киргизской дѣвушки изъ Кустанайскаго уѣзда. Купленъ за 50 рублей у землемѣра Ф. И. Жукова.

43. Глиняный горшокъ изъ раскопокъ С. И. Руденко близъ дер. Тюканова (изъ сѣверо-западнаго кургана),

44. 76 монетъ и медалей, частью пожертвованныхъ и частью купленныхъ.

45. Медаль бронзовая „Мыза Сарская—Царское село" 1710—1910.—Отъ капит. Дрезчикова.

46. Икона, мѣдный крестъ и 2 мѣдныхъ складня.—Отъ Ив. Алексѣев. Ермолаева.

47. Два мѣдныхъ наконечника стрѣлъ, полусеребряное (сломанное) украшеніе и черенокъ изъ окрестностей с. Михайловскаго, Оренбургскаго уѣзда.—Отъ Ф. Я. Сомова.

48. Буса (?) найденная въ пескахъ близъ станціи Эмба. —Отъ Сулейманова.

49. 31 фотографія флотовъ великихъ державъ.

50. Свиданіе трехъ монарховъ (импер. Александра III, Франца-Іосифа и Фридриха Вильгельма).—Отъ П. Н. Бухарина.

51. Фотографія полк. Зворыкина, наказнаго атамана Оренбургскаго казачьяго войска.—Отъ Галкина-Врасскаго.

52. Двѣ пары роговъ изъ Туркестана.—Отъ контролера Ташк. ж. д. Александра Филатовича Симонова.

53. Рога лося изъ Оренбургской губерніи, на деревянной подставкѣ.—Отъ А. В. Попова.

54. Украшенія мусульманокъ.

СПИСОКЪ

обществъ и учрежденій, приславшихъ свои изданія въ Оренбургскую Ученую Архивную Комиссію въ 1916 году.

Архангельское Общество изученія русскаго Сѣвера.
Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Архивныя Комиссіи:

Владимирская Уч. Арх. Комиссія.
Вятская Уч. Арх. Комиссія.
Нижегородская Уч. Арх. Комиссія.
Пермская Уч. Арх. Комиссія.
Полтавская Уч. Арх. Комиссія.
Рязанская Уч. Арх. Комиссія.
Саратовская Уч. Арх. Комиссія.
Смоленская Уч. Арх. Комиссія.
Ставропольская Уч. Арх. Комиссія.
Таврическая Уч. Арх. Комиссія.
Тверская Уч. Арх. Комиссія.
Тульская Уч. Арх. Комиссія.
Черниговская Уч. Арх. Комиссія.

Воронежская Публичная Библіотека.
Воронежскій церковно-историко-археологическій Комитетъ
Восточный Институтъ.
Восточно-Русское Культурно-Просвѣтительное Общество.
Всероссійскій Союзъ городовъ.
Геологическій Комитетъ.
Императорская Академія Наукъ.
Императорская Археологическая Комиссія.

Императорскій Археологическій Институтъ.
Императорскій Казанскій Университетъ.
Имп. Кіевскій Университетъ.
Имп. Николаевскій Университетъ.
Имп. Томскій Университетъ.
Имп. Юрьевскій Университетъ.
Имп. Харьковскій Университетъ.
Императорское Московское Археологическое Общество.
Имп. Петроградское Общество Естествоиспытателей.
Имп. Петроградское Минералогическое Общество.
Имп, Петроградскій Политехнический Институтъ.
Императорская Публичная Библіотека.
Имп. Русское Историческое Общество.
Имп. Русское Географическое Общество.
Восточно-Сибирскій Отд. Имп. Русск. Геогр. Общества.
Западно-Сибирскій Отд. Имп. Русск. Геогр. Общества.
Семипалатинскій Отд. Имп. Русск. Геогр. Об-ва.
Туркестанскій Отд. Имп. Русск. Геогр. Об-ва.
Историко-Филологическій Институтъ Князя Безбородко.
Кавказская шелководная станція.
Кавказскій Музей и Тифлисская Библіотека.
Казанскій Городской Научно-Промышленный Музей.
Костромская Общественная Библіотека.
Костромское научное общ. по изученію мѣстнаго края.
Комиссія по изученію ест. производ. силъ Россіи при Ак. Наукъ.
Кукарское образовательное общество.
Московскій Архивъ Министерства Юстиціи.
Музей Антропологіи и Этнографіи имени Петра Великаго.
Музей Сарапульскаго Уѣзднаго Земства.
Новгородское Общество Любителей Древности.
Об-во Археологіи, Исторіи и Этногр. при Имп. Каз Унив.
Общество изученія Прикамскаго края.
Об-во Любителей Духовнаго Просвѣщенія—въ Москвѣ.
Одесская Публичная Библіотека.
Оренбургское Губернское Земское Дѣло.

Оренбургское Общественное Управленіе.
Переселенческое Главное Управленіе.
Пермскій Научно-Промышленный Музей.
Редакція Газеты „Вактъ".
Редакція „Оренб. Епархіальныхъ Вѣдомостей".
Редакція „Оренб. Губернскихъ Вѣдомостей".
Редакція „Троицкой Газеты".
Редакція „Уфимскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей".
Россійское Общество Нумизматовъ въ Петроградѣ.
Тобольскій Губернскій Музей.
Томское Общество любителей древности.
Тургайско-Уральская Переселенческая Организація.
Туркестанскій Кружокъ Любителей Археологіи.
Управленіе Землеустройства и Земледѣлія.
Уральское Общество Любителей Естествознанія.
Херсонскій Городской Музей Древностей Херсон. Края.
Челябинская Уѣздная Земская Управа.
Церк.-Истор.-Археол. общество при Кіевской Дух. Акад.
Якутскій отд. Импер. Русск. Географич. Общества.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

о составѣ и дѣятельности Редакціоннагб Комитета Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи

за періодъ съ 18 сентября 1915 г. по 1-е января 1917 г.

Отчетный періодъ времени былъ первымъ періодомъ возродившейся послѣ долгаго перерыва дѣятельности Редакціоннаго Комитета.

Въ составъ Комитета были избраны на очередномъ засѣданіи Архивной Комиссіи 18 сентября 1915 года: о. Н. Н. Модестовъ, В. Я. Струминскій, А. П. Гра, Е. А. Бурцевъ и Д. Н. Соколовъ. Когда же Е. А. Бурцевъ, за недостаткомъ времени, былъ вынужденъ отказаться отъ участія въ Комитетѣ, то вскорѣ послѣ того, а именно 19 октября 1916 года, былъ избранъ вмѣсто него С. В. Азелицій, который немедленно и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Благодаря этому, дѣятельность Редакціоннаго Комитета шла безпрерывно и правильность ея нисколько не нарушилась выбытіемъ г. Бурцева.

Предсѣдателемъ Редакціоннаго Комитета все время состоялъ о. Н. Н. Модестовъ.

За отчетный періодъ времени Ред. Комитетъ имѣлъ 14 засѣданій, изъ которыхъ 3 было въ концѣ 1915 года, а 11— въ 1916 году. На каждомъ засѣданіи присутствовало всегда не менѣе трехъ членовъ, и только одинъ г. Струминскій ни разу не посѣтилъ засѣданій Редакціоннаго Комитета. Но за то не лишне попутно отмѣтить здѣсь что однажды, по приглашенію Редакціоннаго Комитета, присутствовалъ на засѣданіи авторъ разсматривавшагося на тотъ разъ доклада,

г. Пустоваловъ. Всѣ постановленія Редакціоннаго Комитета своевременно заносились въ книгу протоколовъ, веденіе которой любезно принялъ на себя А. П. Гра. Засѣданія Редакціоннаго Комитета все время происходили въ помѣщеніи Межевой Коммиссіи, за разрѣшеніе чего Редакціонный Комитетъ приноситъ свою глубокую благодарность г. Предсѣдателю этой Комиссіи—А. Г. Карягину.

Докладовъ, представленныхъ на разсмотрѣніе Редакціоннаго Комитета въ продолженіе отчетнаго года его дѣятельности, было шесть, а именно:

1) Историческій очеркъ священника Н. Н. Модестова „Первоначальное устройство оренбургскаго музея при неплюевскомъ военномъ училищѣ въ связи съ другими оренбургскими музеями".

2) Докладъ А. М. Пустовалова—„Матеріалы къ исторіи дворянства Оренбургской губерніи".

3) Докладъ А. И. Кривощекова—„Къ исторіи крестьянскаго бунта въ Челябинскомъ уѣздѣ въ 1843 году".

4) Докладъ священника Н. Н. Модестова—„Послѣдніе дни жизни императора Александра 1-го и его кончина въ Таганрогѣ, по письму камердинера Петра Палкова къ московскому коменданту Н. Н. Веревкину".

5) Докладъ Б. Н. Наслѣдова—„Сообщеніе о нѣкоторыхъ пещерахъ Оренбургскаго края".

6) Докладъ І. А. Кастанье—„Древности Зерафшанской[1]) долины".

Всѣ эти доклады, кромѣ одного, о которомъ будетъ сказано далѣе, были тщательно проредактированы Редакціоннымъ Комитетомъ и окончательно подготовлены къ печати. По поводу нѣкоторыхъ изъ нихъ были сдѣланы особыя постановленія, свидѣтельствующія о характерѣ этихъ работъ и занятій самаго Редакціоннаго Комитета. Такъ напримѣръ, относительно историческаго очерка: „Первоначальное устройство оренбургскаго музея при неплюевскомъ военномъ учи-

---

[1]) Таково правописаніе самаго автора.

лищѣ въ связи съ другими оренбургскими музеями" постановлено: „Измѣнить нѣсколько заглавіе рукописи и уничтожить нѣкоторые курсивы, согласно сдѣланнымъ указаніямъ Редакціоннаго Комитета. Заглавіе должно быть таково: **„Къ исторіи музея Оренбургскаго края"**, а прежнее заглавіе сдѣлать подзаголовкомъ и помѣстить его въ скобкахъ". Относительно труда А. М. Пустовалова „Матеріалы къ исторіи дворянства Оренбургской губерніи" постановлено:

„Предложить автору внести въ свой трудъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія, согласно сдѣланнымъ указаніямъ Редакціоннаго Комитета, и переписать чернилами приложенія къ рукописи. Передать чтеніе первой корректуры автору. Въ виду достаточнаго размѣра и интереса рукописи г. Пустовалова желательно, чтобы она была издана отдѣльнымъ выпускомъ".

Совершенно иной характеръ носитъ постановленіе Редакціоннаго Комитета касательно рукописи І. А. Кастанье: „Древности Зерафшанской долины". Это постановленіе таково: „Въ виду того, что при чтеніи рукописи выяснилось, что содержаніе статей не имѣетъ никакого отношенія къ Оренбургскому краю, а въ то же время представляетъ большія трудности для редактированія и печатанія, доложить объ этихъ обстоятельствахъ Архивной Комиссіи.[1])" Въ объясненіе послѣднихъ словъ этого постановленія мы должны добавить, что трудъ г. Кастанье совершенно не обработанъ въ литературномъ отношеніи, наполненъ множествомъ названій восточнаго происхожденія, возбуждающихъ сомнѣніе въ ихъ правильности, и снабженъ копіями старинныхъ восточныхъ надписей, для воспроизведенія которыхъ въ Оренбургѣ, по всей вѣроятности, не найдется подходящаго шрифта. Да едвали къ тому же эти копіи и точны, потому что сдѣланы отъ руки, а не сняты при помощи фотографіи.

Хотя Редакціонный Комитетъ въ настоящемъ своемъ составѣ на первомъ же засѣданіи постановилъ, чтобы первую корректуру читалъ или авторъ или свящ. Модестовъ, вторую—

[1]) Это и сдѣлано въ засѣданіи Архивной Комиссіи 3-го февраля 1917 года.

Д. Н. Соколовъ, третью — Е. А. Вурцевъ, но означеннымъ лицамъ не пришлось заняться этимъ дѣломъ, такъ какъ Предсѣдатель Архивной Комиссіи, г. Поповъ, пріостановилъ начатое еще въ 1915 году печатаніе рукописи свящ. Модестова объ оренбургскомъ музеѣ и вмѣсто того отпечаталъ XXXIII вып. „Трудовъ" Оренб. Учен. Арх. Комиссіи,[1]) который совсѣмъ не былъ представленъ на разсмотрѣніе и корректуру Редакціоннаго Комитета. Въ виду послѣдняго обстоятельства Редакціонный Комитетъ сдѣлалъ постановленіе, что слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за тѣ грубыя ошибки и опечатки, которыя вкрались въ упомянутый выпускъ (Постановленіе отъ 11-го октября 1916 года).

Весь конецъ 1916 года, начиная съ октября мѣсяца, былъ посвященъ Редакціоннымъ Комитетомъ исключительно подготовленію къ печати отчетовъ и протоколовъ Архивной Комиссіи за 1914 и 1915 годы, при чемъ оказалось, что представленная на разсмотрѣніе Комитета рукопись переписана крайне „неумѣло и неграмотно". Въ виду этого Комитетъ постановилъ: „настоящую рукопись переписать вновь, а на будущее время просить правителя дѣлъ поручать переписку протоколовъ и отчетовъ болѣе опытному лицу". (Постановленіе отъ 11 октября 1916 года). Хотя переписка отчетовъ и протоколовъ нѣсколько отдалила ихъ печатаніе, но за то дала возможность надѣяться на значительное уменьшеніе въ предполагаемомъ изданіи разныхъ неточностей и ошибокъ. Чтобы это изданіе было полезно практически, Редакціонный Комитетъ призналъ необходимымъ дополнить его „Положеніемъ внутренняго распорядка" Архивной Комиссіи, „Инструкціей Редакціонному Комитету" и отчетомъ о дѣятельности послѣдняго за минувшій періодъ времени (Постановленіе отъ 17 октября 1916 года).

Все сказанное достаточно ярко рисуетъ картину дѣятельности Редакціоннаго Комитета и тѣхъ условій, при которыхъ она протекала за указанный вначалѣ періодъ времени.

---

[1]) Означенный выпускъ „Трудовъ" О. У. А. К. вышелъ въ свѣтъ въ августѣ мѣсяцѣ 1916 года.

Въ заключеніе своего отчета Редакціонный Комитетъ не можетъ не выразить пожеланія, чтобы Архивная Комиссія строже исполняла свое постановленіе о выдачѣ авторамъ 25-ти оттисковъ ихъ статей, **чего совершенно не было сдѣлано при изданіи XXXIII-го выпуска ея „Трудовъ“**. Въ интересахъ самаго изданія весьма желательно даже увеличеніе числа оттисковъ отдѣльныхъ статей, по крайней мѣрѣ, до 50-ти. Чѣмъ меньше будетъ скупиться Архивная Комиссія на оттиски, тѣмъ больше авторовъ она привлечетъ къ участію въ ея „Трудахъ“ которые кстати сказать, должны бы выходить въ правильные, строго опредѣленные сроки, какъ это дѣлается во всѣхъ благоустроенныхъ ученыхъ обществахъ, а не какими-то случайными сюрпризами, какъ это практикуется у насъ. Тогда и членскіе взносы будутъ поступать гораздо правильнѣе прежняго, потому что многіе члены, особенно иногородніе, дѣлаютъ ихъ исключительно изъ-за полученія изданій Архивной Комиссіи.

Наконецъ, Редакціонный Комитетъ считаетъ своимъ долгомъ обратить вниманіе Архивной Комиссіи на то, что трудъ о. Модестова объ оренбургскомъ музеѣ до сихъ поръ остается ненапечатаннымъ, не смотря на давно уже состоявшееся постановленіе Архивной Комиссіи, и на то, что этотъ трудъ разсмотрѣнъ и окончательно подготовленъ къ печати Редакціоннымъ Комитетомъ еще 21 марта 1916 года. Такія задержки, вызывая справедливыя нареканія на Архивную Комиссію и Редакціонный Комитетъ, могутъ побудить авторовъ избѣгать изданія своихъ работъ въ „Трудахъ“ Архивной Комиссіи и брать ихъ обратно изъ редакціоннаго портфеля, какъ это и случилось недавно съ работой А. М. Пустовалова.

18 февраля 1917 года.

Предсѣдатель Редакціоннаго Комитета
священникъ *Николай Модестовъ*.

Члены Редакціоннаго Комитета: { *С. Азелицкій.*
Д. Соколовъ.

Къ читателямъ.

Редакціонный Комитетъ Архивной Комиссіи покорнѣйше проситъ г. г. читателей, замѣтившихъ какія-либо неточности, вкравшіяся въ напечатанные списки членовъ Комиссіи, увѣдомить о нихъ Редакціонный Комитетъ—для того, чтобы въ будущемъ можно было избѣжать указанныхъ ошибокъ.

Редакціонный Комитетъ.

Къ авторамъ докладовъ.

Редакціонный Комитетъ Архивной Комиссіи покорнѣйше проситъ г. г. авторовъ, присылающихъ свои доклады въ Архивную Комиссію, тщательно переписывать ихъ—для облегченія набора—и указывать точно количество оттисковъ, какое они желаютъ получить по напечатаніи докладовъ. Отсутствіе такого указанія будетъ принято Редакціоннымъ Комитетомъ за отказъ отъ полученія оттисковъ.

Редакціонный Комитетъ.

ОБЩЕСТВО
ИЗУЧЕНІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1917 года.

Великое дѣло революціоннаго обновленія Россіи—событіе мірового значенія. Протекая при свѣтѣ напряженной и вдумчивой общественной сознательности, она требуетъ преображенія русскаго общества—его нынѣшнихъ и грядущихъ поколѣній въ духѣ новыхъ понятій и идеаловъ, а для этой цѣли необходимы не только дѣятельная творческая работа общественныхъ силъ, но и напряженіе памяти къ сохраненію для будущихъ поколѣній и для самыхъ участниковъ и свидѣтелей Русской Революціи возможно полныхъ и точныхъ свѣдѣній о совершенномъ и совершаемомъ.

Многіе этимъ озабочены. Воинскія части, общественныя организаціи и учрежденія, отдѣльныя лица собираютъ матеріалы и воспоминанія о дняхъ Великой Революціи. Въ Москвѣ, Петроградѣ возникаютъ общества для объединенія этой работы въ цѣльную задачу изученія русскаго освободительнаго движенія, подготовившаго нашу Революцію и ею завершеннаго. Центромъ такого объединенія долженъ быть **ДОМЪ-МУЗЕЙ** памяти борцовъ за свободу—національный музей Великой Русской Революціи 1917 г. Въ тѣсномъ единеніи съ этимъ Обществомъ и **ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1917 г.** стремится къ тому, чтобы внести, по мѣрѣ силъ и возможности, единство и планомѣрность въ дѣло сохраненія памяти о ходѣ переживаемыхъ событій и создать при Музеѣ полный и богатый архивъ. На ряду съ собираніемъ документовъ и произведеній печати, относящихся къ событіямъ Революціи, Общество озабочено своевременной записью и регистраціей свѣдѣній объ этихъ событіяхъ. Для этой цѣли Общество настойчиво призываетъ участниковъ и свидѣтелей переживаемыхъ событій записывать хотя бы кратко, но точно все, что къ этимъ событіямъ относится, также организовало особыя комиссіи, которыя составляютъ такія записи путемъ опроса соотвѣтственныхъ лицъ. Весь собранный матеріалъ будетъ временно хранится въ библіотекѣ Академіи Наукъ—впредь до созданія Музея Революціи и архива при немъ. Обращаясь къ гражданамъ съ горячимъ призывомъ придти на помощь его пред

пріятію. Общество разсчитываетъ на широкій откликъ со стороны всѣхъ, кому дорого дѣло освобожденія Россіи отъ путъ старой жизни и ея выходъ на новые пути историческаго развитія.

Матеріалъ, который важно собрать возможно полнѣе: 1) воспоминанія, записки, дневники, записи рѣчей и резолюцій, письма, телеграммы; 2) книги, брошюры, журналы, газеты, вся литература вызванная событіями Революціи; 3) записи пѣсенъ частушекъ, стихотвореній разнаго рода, анекдотовъ, поговорокъ и лозунговъ; 4) рисунки, лубочныя и иныя печатныя картинки, открытки, каррикатуры и фотографическіе снимки; 5) воззванія, плакаты, листочки, летучки, афиши, прокламаціи, объявленія, программы собраній, лекцій, концертовъ-митинговъ, повѣстки партійныхъ, профессіональныхъ и иныхъ организацій; 6) воззванія и приказы стараго правительства и революціонныхъ властей, протоколы и иные документы правительственныхъ, военныхъ, гражданскихъ учрежденій, общественныхъ и партійныхъ организацій.

Адресъ для почтовой пересылки: Петроградъ. Академія Наукъ, Рукописное Отдѣленіе—съ непремѣннымъ указаніемъ „для Общества изученія Революціи 1917 г.“ Пересылка по почтѣ въ Академію Наукъ не подлежитъ оплатѣ. Для личныхъ переговоровъ и передачъ матеріаловъ служитъ дежурство членовъ Общества въ „Журнальномъ Отдѣленіи“ библіотеки Академіи Наукъ по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ отъ 1 ч. до 3-хъ часовъ,

По дѣламъ Общества можно обращаться къ его предсѣдателю проф. А. Е. Прѣснякову (Надеждинская, 11, тел. 582-86), секретарю О. К. Недзвѣцкой (Шпалерная, 48, тел. 192-51), казначею проф. К. В. Хилинскому (Б. Монетная, д. 9-а, тел. 582-37) и къ Б. В. Александрову (Пет. ст., Ропшинская, 8, тел. 285-51).

Въ виду невозможности составить исчерпывающій списокъ выходящихъ въ настоящее время повременныхъ изданій и увѣренности въ аккуратной доставкѣ почтой уже разосланныхъ обращеній Общество проситъ всѣ періодическія изданія Россіи перепечатать настоящій призывъ и откликнуться на него присылкой всѣхъ его №№.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I. Исторія.

Стран.

Магистръ философіи Ѳома Карловичъ Занъ въ Оренбургѣ. Свящ. *Н. Модестова* . . . . . 5— 55.

Основаніе г. Оренбурга и первоначальное благоустройство его. (По донесенію ст. сов. Ивана Кирилловича Кириллова въ св. Синодъ). *Его-же.* 57— 74.

Къ исторіи крестьянскаго бунта въ Челябинскомъ уѣздѣ въ 1843 году. *А. И. Кривощекова*. . . 75— 97.

Къ исторіи казачьяго духовенства Оренбургской епархіи. *Его же*. . . . . 99—106.

Послѣдніе дни жизни императора Александра I-го и его кончина въ Таганрогѣ. (По письму камердинера Петра Папкова къ московскому коменданту Н. Н. Веревкину). Свящ. *Н. Модестова*. 107—118.

Царскій подарокъ новорожденному. *Его же*. . . . 119—122.

Какъ онъ сталъ эмигрантомъ. *Его же*. . . . . 123—138.

Отдѣлъ II. Археологія.

Сообщеніе о нѣкоторыхъ пещерахъ Оренбургскаго края. *Б. Н. Наслѣдова*. . . . . 141—147.

Пещеры въ известнякахъ „Пещерной Луки", противъ пос. Таналыцкаго. *Его же*. . . . . 149—159.

Таналыкскія пещеры. *Петра Назарова*. . . . . 161—165.

Отдѣлъ III. Архивовѣдѣніе.

О состояніи архивовъ въ нѣкоторыхъ станичныхъ правленіяхъ Оренбургскаго казачьяго войска. *А. И. Кривощекова* . . . . . 169—184.

Отдѣлъ IV. Этнографія.

Изъ киргизскихъ повѣрій. *П. П. Ходырева*. . . . . 187—203.

Отдѣлъ V. Смѣсь

Стран.

Некрологъ проф. Всеволода Ѳедоровича Миллера. *А. П. Гра* . . . . . 207—210.

Акаѳистъ мировому посреднику. *Сообщилъ Н. А. Наслѣдовъ*. . . . . 210—211.

Успокоенье. Стихотвореніе *Григ. Иван. Андреева* . 211—212.

Къ вопросу о надписи на домѣ Кутиной въ память Т. Г. Шевченко. *Свящ. Н. Модестова* . . . . 213—218.

Отдѣлъ VI. Приложенія

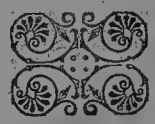
Отчетъ о составѣ и дѣятельности Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи за 1916 годъ. . . . 221—241.

Краткій отчетъ о составѣ и дѣятельности Редакціоннаго Комитета Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи за періодъ съ 18 сентября 1915 года по 1-е января 1917 года. . . . . 243—247.

Къ читателямъ . . . . . 249.

Къ авторамъ докладовъ. . . . . 249.

Общество изученія революціи 1917 года . . . . . 251—252.



Мотка № 55
4.7р.50к.
M
45-19